Роберт Чарльз Уилсон

Бродяги мечты

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Граница Земли

1

Одна в своей постели Карен Уайт приснилась знакомому сну.

Определенные сны подобны капсулам жизни, которые вместе составляют что-то и определяют это. Мечта Карен была одной из них. Как ведро из темного колодца своего прошлого, он пришел с кучей.

В самый счастливый период ее жизни этот сон повторялся очень редко; но теперь, со всеми проблемами, которые у нее были, он случался с ней все чаще и чаще.

Сон никогда не менялся. Это могло быть полностью его собственным изобретением, как и вовсе. Это напоминало период его существования, когда иллюзия и реальность были более плавными, а определенности-немногими … страшным периодом.

Уже прошла полночь; Гэвин ушел навсегда, а Майкл еще не вернулся домой. Он снова приснился.

Во сне Карен еще ребенок и просыпается перед рассветом в своей спальне старого дома на улице Константинополя.

В комнате темно. Это летняя ночь. Окно открыто, и через противомоскитную сетку доносится приятный ветерок. Следуя импульсу или, может быть, привлеченному шумом, она встает, босиком пересекает комнату и задергивает шторы, которые открываются со сладким шорохом.

Воздух прекрасен. Карен зевает, моргает, а затем удивленно зевает: Лора и Тимми выходят в сад.

Я его младшая сестра и младший брат. Карен девять лет; на два старше Лоры и на четыре старше Тима, и она уже считает себя большой. Как они по-детски, думает он, наблюдая, как они ходят босиком под луной среди этой высокой травы, усеянной душевыми кабинами. Но уже поздно. Прошла полночь, хотя еще не наступил рассвет. Что они там делают в этот ужасный час?

Наблюдая за ними, они видят ее в окне. Лаура, самая импульсивная, указывает на нее пальцем, и Карен внезапно чувствует себя в центре внимания, как под прожектором.

Тим, которому в декабре исполнилось пять лет, манит ее уйти одной рукой. Уходи, кажется, он говорит этим жестом. Ты не понимаешь. Ложись спать. Она замечает выражение отвращения на ее круглом лице и испытывает соблазн отпустить… в глубине души, что бы они ни делали, она действительно хочет участвовать в этом?

Но Лаура тоже делает жесты. Улыбается. - Эй, - позвал он ее хриплым, почти шепотом, и шепот поднялся к открытому окну. - Привет, Карен! Давай, быстрее, Карен!

Испуганная, но также слегка заинтригованная, Карен на цыпочках спускается по темной лестнице. Мама и папа спят; тяжелые существа в глубокой темноте их спальни, дверь которой приоткрыта; он чувствует их присутствие в той же степени, в какой видит их. Папа храпит; он замечает профиль ее плеч и очки, брошенные на тумбочке. Его храп сложный и мужественный.

Он очень рассердится, если узнает, думает Карен. Он решает ругать своего брата и сестру. Особенно Тим; он тот, кто всегда сочетает в себе неприятности. В нем плохая полоса, говорит Папа. Ему пять лет, и он читает уже с прожорливостью. Он пожирает газеты на витрине магазина, потому что папа не позволяет ему покупать или приносить их домой. Торговец всегда кричит, когда узнает, что он читает таким образом. Но Тим, конечно, не обращает на это внимания.

За всем этим стоит Тим, думает Карен.

В доме на улице Константинополь есть очень маленький сад, который граничит с ущельем. Это старый таунхаус в Питтсбурге на крутой улице. Из подъезда просачивается немного света. За Задними воротами, с его ржавыми железными арабесками, светлячки танцуют на приглашающей кромке ущелья. Темно, и это должно быть страшное место; на самом деле это так, но Тим и Лора уже отодвигают старую скрученную вешалку, которая держит ворота запертыми своей железной проволокой.

Им было хорошо сказано не идти в ущелье!

Задыхаясь, чувствуя себя уязвимой в своей ночной рубашке, Карен догоняет маленьких братьев. Он требует объяснений и хочет вернуть их в постель. Ты старшая, сказал ей папа, ответственность за тебя. Это ты должен заботиться о них. Но

Лаура подносит палец к губам и расплывается в хитрой улыбке, когда Тим распахивает ворота.

Один за другим, выстроившись в ряд, они пересекают узкую улочку и ныряют по мокрой тропинке, ведущей в темноту леса. Они идут, следуя Лунному свету и своим инстинктам. Карен пытается угадать маршрут, не упуская глаз с бледного силуэта Лоры, идущего перед ней. Идя, он понимает, что он босиком. Он чувствует холодную, влажную и плотную почву под ногами. Липкие листья деревьев скользят по ее лицу. Дом все дальше и дальше, со всем своим теплом и безопасностью, пока он полностью не исчезнет из поля зрения за их спиной.

— Вот и мы, - наконец говорит Тим, со странным авторитарным тоном в голосе. Я нахожусь на небольшой лесной поляне, что-то вроде заросшего сорняками двора посреди Вязов. Они останавливаются и ждут.

Ожидание не имеет ничего странного. В воздухе есть электричество, и Земля, кажется, почти издает жужжание. Карен теперь видит звезды, немного потухшие от сияния городских огней, но одинаково яркие и мерцающие. В подлеске ощущаются легкие движения. Еноты, думай. Маленькое насекомое лезет ей на ногу.

— Сделай это сейчас, - шепчет Лора. - Сейчас, Тим.

Тим поворачивается к ней. В этом свете у него такой взрослый вид, что он похож на мудрого старика. Он кивает боссу.

Поднимите руку.

На мгновение Карен думает, что она играет дирижера; жест такой, драматичный, но немного детский. Он качает головой и смотрит на него лучше.

Но он не дирижер.

Его рука излучает свет.

При торжественном выполнении нарисуйте в воздухе большую перевернутую букву “U”. Арка, с двумя ногами, твердо посаженными в землю, а вершина на максимальной высоте, достижимой пятилетним ребенком. Его рука медленно движется, и его лицо сжимается в гримасе страшной концентрации. Это была бы комическая сцена, если бы не произошло чудо. Когда

арка завершена, воздух внутри нее, кажется, пульсирует.

Тим делает шаг назад, вытирая лоб.

Холодный свет угасает, но перевернутая буква “U” остается, клочок еще более глубокой тьмы.

— Я же тебе говорил, - говорит Тим Лоре, не соизволив Карен даже взглянуть. Его детский голос имеет безжалостный тон: - Извини меня.

— Извини, - говорит Лора. Но она не раскаивается. Его тон предает ее; она очарована. - И мы можем пройти через него? Серьезно?

- Нет! - восклицает вдруг Карен. Его голос силен в темноте. Он знает, что это такое; он знает, что сказал бы папа. Вы не делаете, вы не делаете и не делаете. - Пусть никто не приблизится!

Он чувствует запах собственной паники.

Тим смотрит на нее с презрением. - Ты тоже не должна быть здесь.

Это ее злит. - Возвращайтесь в постель!

Ей девять лет. У него их пять. Он игнорирует ее. — Ты ложись спать, - говорит он ей.

Холодность его голоса поражает ее.

Лаура наблюдает за ними. Лаура - младшая сестра, и к настоящему времени Карен поняла это, даже самая красивая. У Лоры большие глаза и полные детские губы.

Карен, в девять лет, и все еще немного подтянута, слегка сжата в лицо. Мама говорит, что это лицо человека, который слишком заботится.

Мое беспокойство; так он называет ее.

— Мы все пойдем, - решительным тоном вмешалась Лора. — Чуть-чуть — - и его маленькая рука сомкнулась на руке сестры. — Недалеко.

И прежде чем Карен смогла их остановить, прежде чем она успела даже подумать об этом, они уже пересекли арку.

Нелегко понять, что произошло для нее. Мгновение назад они находились в глубине леса, а теперь находятся в каком-то темном и суровом месте. Под его ногами булыжный пол, и эхо его дыхания отскакивает, как между двумя стенами. Переулок. Она моргает, испуганная. Он видит металлические мусорные баки, забитые мусором. Мышь (это явно мышь, а не енот) бродит среди мусора, нюхая то тут, то там. Вниз по переулку уличные фонари создают длинные, жуткие тени.

- Океан, - напомнила Лора Тиму. - Ты сказал, что мы сможем увидеть океан.

— Сюда, - говорит брат.

Сердце Карен бьется о его ребра. Это безумие, думает он. Какой океан? Там нет океана. Мы живем в Питтсбурге, штат Пенсильвания! Он живо напоминает часть географии, выученную в школе. Единственные водные массы, которые плещутся в Питтсбурге, - это реки Аллегейни и Мононгахела, которые объединяются, чтобы создать могущественный Огайо. Однажды он даже совершил прогулку на лодке. Она вспомнила старые мосты из стальных балок и трепет, который они ей внушали. Там нет океана.

Но они поворачивают за угол, идут по улице, которую она не узнает, и Карен узнает в воздухе пряный запах соли вместе с чем-то более кислым: озоном. И отдаленные крики, которые могут быть у влюбленных чаек.

Сама дорога настолько странна, что ей кажется, что она должна ее запомнить. Здания тоже странные; двух-или трехэтажные постройки, с тем пунктирным видом сказочных домов, которые он видел в своих сказочных книгах, с кирпичными дымоходами, выделяющимися на фоне облачного неба. (Но разве раньше не было звезд?) Ветер свежий, еще хуже, холодно, а она носит только ночную рубашку. Его голый каблук скользит по старой рыбьей кости, брошенной на темную гальку. Он хватает лору за руку.

Они поднимаются на холм.

Внезапно город простирается под ними.

Путаница Карен становится полной: это не Питтсбург!

Это не Питтсбург, но это всегда очень большой город. В основном он характеризуется несколько претенциозной архитектурой,

узкими извилистыми улочками, усеянными фабриками и литейными заводами, которые являются единственными освещенными зданиями, с высокими решетчатыми окнами, выходящими наружу красным и желтым светом печей. Больше в Лос-Анджелесе, после провала, город кажется более moderna; Карен может различить дворцы, которые напоминают те, в центре (Питтсбург), только то, что они выглядят как сделанные из черного обсидиана или коренастый и обесцвеченные льдины. На вершине одного из этих зданий закреплен дирижабль.

Но более чудесно, чем все это, вот море.

С того места, где они находятся, дорога ведет к пирсам. Есть бесконечные ряды деревянных складов. Внутри, из пещерных окон, Карен видит двигающихся людей. В некотором смысле, приятно видеть, что есть люди. Это предполагает какую-то нормальность. Если она будет кричать о помощи, кто-то ее услышит. За складами в маслянистую воду ползет длинный освещенный причал. Некоторые корабли пришвартованы; у некоторых есть деревянные мачты, у некоторых нет. Один, в частности, огромен, как танкер.

Странность сцены начинает оказывать на нее определенный эффект. У нее отчетливое чувство, что она прибыла, так или иначе, в место очень далеко от дома. Она заблудилась… все заблудились. Подумайте о арке, которую Тимми нарисовал в темном воздухе леса, их единственной двери… я могу найти ее? Или она исчезла?

— Хорошо, - говорит он. - Мы его видели. Вот он. Теперь мы должны вернуться домой.

— Он боится, - говорит Тимми Лоре. - Я же говорил.

Но Лаура смотрит на нее с пониманием. - Нет, Карен права. Надо возвращаться, - вздрагивает он. - Холодно.

- Здесь всегда холодно.

Карен не перестает думать о том, что она имеет в виду. - Пошли, - говорит он.

Тимми тяжело вздыхает, но решает сотрудничать, оказавшись в меньшинстве. Они возвращаются на свои шаги. Узкая улочка, если смотреть с этого направления, выглядит совершенно новой. Внутри Карен пружина паники заряжается все больше и больше…

что, если они действительно потерялись?

Но нет, подумай, вот аллея, вон там. Он крепче сжимает Лору, словно не хотел ее потерять. Он также хватает Тимми за руку, которая на мгновение сопротивляется, но затем уступает.

Доверие отца было не так уж плохо. Она способна защитить их.

Но когда они приближаются к входу в переулок, из тени выскакивает человек.

Он смотрит на них неподвижно. Он довольно высокий, в костюме и шляпе, оба серые. Он выглядит как обычный парень, как те, кто ездит на работу в трамвае по утрам. Но есть что-то в интенсивности его взгляда, в том, как он улыбается, что усиливает страх Карен. Ветер поднимает его шинель, и в воздухе кружится несколько снежинок.

- Здравствуйте, - говорит он. - Как дела?

Они остаются пронзенными, ошеломленными. Голос человека издает эхо на пустынной улице.

Всегда улыбаясь, он осторожно приближается на несколько шагов. Карен видит что-то знакомое в этом лице, в этих чертах, в этих больших глазах… что-то, что она не может поместить.

— Мы должны вернуться, - говорит Тимми, впервые с нитью неопределенности в голосе.

Мужчина кивает. - Я знаю. Все должны рано или поздно вернуться домой, не так ли? Но посмотрите; у меня есть подарки для вас.

Засуньте руку в пальто. Тимми ждет, осмотрительный, но не испуганный. Она уже знает этого человека, думает Карен; он уже был здесь.

Незнакомец вытаскивает из глубин своих карманов стеклянное пресс-папье, из тех, что трясутся, а внутри идет снег. Он передает Это Тиму.

Ребенок остается пронзенным, глядя на него.

- Царства Земли, - говорит человек.

Тим берет стеклянный шар и торжественно держит его в руке.

Шинель волшебная, непостижимая. Улыбаясь, мужчина снова протягивает руку и вытаскивает, восклицая “ ” вуаля!”, маленькое розовое пластиковое зеркало, такое дешевое, что можно купить в продуктовом магазине. Он передает Это Лоре.

- Давай, - говорит он ей. - Это подарок, чтобы лучше узнать тебя.

Часть Карен хочет кричать Нет. Но Лаура с гримасой принимает подарок и наблюдает за ним.

— Самая красивая в царстве, - говорит мужчина, улыбаясь.

Карен становится маленькой, зная, что теперь ее очередь.

Незнакомец смотрит ей прямо в глаза. Он похож на мужчин из телешоу, таких как Эллиот Несс в сериале Неприкасаемые; грубый, но обаятельный. Его улыбка очень убедительна. Но его серые глаза холодны, как снег, и пусты, как дорога.

Засуньте одну руку обратно в пальто.

На этот раз она достает из него маленькую куклу.

Пластиковая кукла, голая, размером примерно с дюйм. Это не так уж и много, но она, как ни странно, привлекает это. Особенно ее поразило выражение лица, грубовато вылепленное. Кажется, он просит о помощи.

Ошеломленная, она хватает куклу и засовывает ее в карман.

— Твой первенец, - сладким голосом говорит мужчина.

Слова вызывают у нее тихую тревогу. Она словно очнулась от сна. — Пошли, - говорит он, беря наконец дело в свои руки. Он сильнее сжимает мясистые руки Тимми и Лоры. - Сейчас! — указ. - Бегите, бегите!

Они подбегают к серому человеку и проскальзывают в переулок.

Тьма скрывает дверь. Она находит ее благодаря своего рода шестому чувству. Кроме того, он уже может чувствовать запах влажного тепла в горле.

Он проходит мимо нее, толкая Тима и Лору перед собой. С другой стороны, небо начинает показывать рассвет. — Надо поторопиться, - говорит он. - Вверх по склону. Давай!

Это уже не тот случай, когда ослушаться. Теперь предстоящий день имеет приоритет. Двое младших детей бегут вперед.

Карен на мгновение останавливается, чтобы оглянуться. Дверь, Дверь Тима, начинает исчезать. Она исчезает; края становятся нечеткими, но на долгое время она все еще может видеть с другой стороны, она может видеть этот холодный, вонючий рыбой портовый город, вход в переулок и серого человека, смотрящего на нее. Он даже не намекает на то, чтобы следовать за ними. Его улыбка сладкая.

Изображение растворяется все больше и больше.

Он поднимает руку и здоровается.

Дверь лопается, как мыльный пузырь, и Карен бежит домой.

На этом сон закончился. Карен проснулась, дрожа, и посмотрела на будильник.

12:45, объявил светящуюся цифровую картину.

Уже третья ночь подряд. Сон никогда не приходил так часто или так интенсивно. Это должно было что-то значить, подумал он; но что?

Нет, сны ничего не значат.

Она протянула руки, приблизившись к кровати Гэвина. Но кровать, конечно, была пуста.

Уже почти месяц он был пуст.

Она чувствовала себя глупой, и ей стало стыдно за себя. Ей стало стыдно за то мимолетное желание, которое предало ее тело. Это были тяжелые времена, подумал он, но жизнь продолжалась, и вряд ли пришло время терять голову. Вполголоса она прочитала придуманный ею детский стишок:

Это просто сон.

Сны ничего не значат.

И хотя это не сон, это произошло так давно.

Четверть часа, а Майкл еще не вернулся домой. Она слышала, как он вошел в дверь; она всегда это чувствовала. Ну, но в глубине

души это был вечер пятницы, и она не давала ему особого времени. В прошлом в этом не было необходимости. Майку было всего пятнадцать лет, у него появились новые друзья, и только в последнее время он начал проявлять определенный интерес к девушкам. Ее цветение было положительным, и Карен поощряла ее … это было хорошим отвлечением от развода. Но теперь она начинала задумываться, не слишком ли она излишняя, как отвлечение.

- Волнуйся! — сказал он себе вслух.

Она встала с кровати и натянула халат.

О том, чтобы спать, он не говорил, по крайней мере, до тех пор, пока Майк не вернется. Она сунула ноги в тапочки и положила их на голый пол. Гэвин очень настаивал на паркете. Он был таким; все ложная строгость и отполированная ель. Карен подумала, что, может быть, она предпочла бы ковер. Ей нравилось это ощущение под ногами. Она смягчила все жесткие углы… и было жарко.

В новом доме, твердо сказал он себе, у нас будет ковер. От одной проклятой стены до другой.

Переезд был неизбежен. Он получал алименты от Гэвина, но их едва хватало, чтобы покрыть расходы. Как бы то ни было, она и Майкл нуждались в новом доме. Она уже начала упаковывать вещи, хотя и немного беспорядочно; спальня была заполнена картонными коробками. Он ненавидел эти коробки, их громоздкую массу вдоль стены, как бы мучить ее, напоминать ей, как его жизнь может сломаться так быстро и полностью.

На первом этаже она разогрела молоко и приготовила себе горячий шоколад. Она налила в кастрюлю еще молока и поставила его нагреть; может быть, Майкл захочет чашку.

Он зажег лампу и телевизор в суровом сосновом зале.

В то время на телевидении не было ничего особенного. Комик Дэвид Леттерман, притесняющий нескольких гостей, и ряд старых телефильмов. Он лежал на диване с пультом в руке и искал канал, который транслировал новости круглосуточно.

На Ближнем Востоке они взорвали автобус, забастовка гражданских служб была на второй неделе, ураган угрожал юго-восточному побережью… другими словами, все шло как всегда. Она убрала звук, но оставила изображение, свечение которого

придавало ей утешительное ощущение очередного присутствия в комнате. Он взглянул на часы видеомагнитофона.

1:05.

Он натянул ремень халата и достал из ящика стола свой дневник и ручку. С тех пор, как Гэвин ушел, она решила вести дневник, своего рода напоминание; поэтому ей было с кем поговорить, даже если это было только о себе.

Все еще сон, писал он.

Он покусал уже отмеченный капюшон Бика и поморщился.

Это незначительно, писал он. Или так хочется верить. Но он повторяется слишком часто.

Я пытаюсь думать о том, что на самом деле происходило в те дни. Старый дом Константинополя. Это был 1959 год, возможно, 1960 год. У меня нет настоящих воспоминаний, если только сон не является воспоминанием. Но я хорошо знаю дом. Спальня моей и Лоры, спальня Тимми, мама и папа, с толстым деревянным столом и афганским ковром бабушки ФОВ. Лестница, часы над камином и толстый телевизор Виктора.

Он колебался на мгновение, затем продолжил: кукла.

Память, подумал он, или шлейф сна?

- Детка, - прошептала она. Куклу звали Бэби.

Я помню, как папа смотрел на бэби. - Где ты это взяла, Карен?

Его большие глаза и редкая бородка на щеках.

— Мне ее подарил мужчина, - сказал я ему.

- Какой человек? Где?

Я никогда не мог лгать ему. Я рассказал ему о Тимми, о ущелье, о воротах, о темном городе.

Он был злее, чем я когда-либо видел. Она подождала, пока он меня ударит, но вместо этого побежала в комнату Тимми.

Тимми кричал…

Она вспомнила, как присела в своей постели, обнимая Бэби. Папа ударил Тима ремнем, и Тим закричал. Но воспоминание было неполным, туманным; чем больше он пытался вспомнить, тем больше воспоминания ускользали. К черту, подумал он.

Вскоре после этого они переехали с улицы Константинополя. Оттуда они отправились в… он подумал об этом … в квартиру в Вест-Энде. Правильный. Затем год в Дюкене, а затем еще дюжина мест.

— Мы как цыгане — - сказала ей однажды мать. - Мы никогда не останавливаемся надолго на одном месте.

Карен отложила дневник в сторону, подавленная, как никогда.

1:15, - говорили часы.

В 1:23 она услышала, как ключ вонзился в входную дверь. Он взял в руки кружку, стараясь принять равнодушный вид. Шоколад теперь был морозным.

Дверь открылась, и появился Майкл.

— Уже поздно, - тихо сказала Карен.

— Знаю, - Майкл стряхнул с себя изношенный кожаный жилет и повесил его. Ее темные волосы были растрепаны, и у нее были темные круги. - Прости, Ма. Я не думал, что ты проснешься.

- Просто я не мог уснуть. Хочешь шоколад?

- Мне лучше лечь спать.

— Одна чашка, - сказала Карен, пораженная отчаянием в собственном голосе; неужели она так нуждалась в компании? - Это помогает тебе уснуть.

Устало улыбнулся сын. — Хорошо. Конечно.

Они сели на кухне, слегка неудобно опираясь на черные пластиковые стулья с высокой спинкой. Из стены раздвижных стеклянных дверей виднелась темнота сада. Карен почувствовала, как тени ее сна движутся, как отдельное существо внутри нее. Он поднялся на ноги, задернул шторы и вернулся к сидению, крепко сжимая чашку обеими руками. Его пальцы были холодны.

Майкл уперся ногами в другой стул. Он был красивым

мальчиком, подумала Карен; хрупкая красавица. Темные волосы делали его бледнее; он был худым и выглядел моложе своего возраста. Снаряжение, от “жесткого” (жилет, узкая майка и выцветшие джинсы) ему совсем не подходило.

Карен прочистила горло. - Ты был в кино?

Майкл кивнул.

- С Эми?

— Да. Дэн и Вэл подвезли нас в центр города.

- Как был фильм?

- Бо, это было неплохо. Знаешь, такие автомобильные погони — - он сделал вынужденную улыбку. — Бум. Крэш.

- Это не так уж и много. - Он догадался: - у тебя проблемы с Эми?

- Нет, с Эми все в порядке.

- Просто ты выглядишь немного подавленным, вот и все.

- Не из-за Эми.

- За что же тогда?

На другом конце стола Майкл уставился на нее. Это был его серьезный взгляд. - Хочешь знать?

- Если хочешь сказать.

Он откинулся на спину и сунул руки в карманы. - Я еще видел этого парня.

Слова падали, как камни, в неподвижном кухонном воздухе. Холодильник со вздохом замолчал. Снаружи пели сверчки.

Был сентябрь, и приближалась осень.

— Мы ехали домой на машине, — начал Майк ровным тоном, - когда мы свернули на улицу Спадина, он был там, стоя, перед китайским рестораном. Ресторан был закрыт, и это было темное пятно. Он стоял там, стоя. Как будто он ждал, понимаешь? А потом он увидел меня. Нас было четверо в машине, но он смотрел только на меня — он отодвинул чашку с шоколадом и положил

руки на стол. - Приветствовал он меня.

Карен не хотела спрашивать, но вопрос был как автоматический импульс. - Кто? Кто попрощался с тобой?

Майкл уставился в темноту. - Ты знаешь, мама.

Серый Человек.

2

В то утро Майкл не завтракал.

- Прямо в школу, - сказала ему Карен. - А потом прямо домой. Хорошо? Я не хочу беспокоиться о тебе.

— Прямо домой, - ответил ей Майкл небрежно, но с некоторой серьезностью внизу, которая, возможно, скрывала даже некоторый страх.

Но это было хорошо, не так ли?

По крайней мере, он был бы более осторожен.

Карен стояла у окна с открытой занавеской, наблюдая, как ее сын идет по пустынной Пригородной улице, пока она не потеряла его из виду, на пересечении Форсайта и Вебстера, где клен Макбрайдов терял первые листья.

Почтальон сунул письмо в щель двери. Это была Лаура.

Карен отвела ее в центр города, на переднем сиденье своей маленькой Honda Civic, в ресторан, где она должна была встретиться с Гэвином. Когда она поняла, что, как и следовало ожидать, Гэвин опоздал, она достала письмо из сумочки и пару раз вертела его в руках. Конверт был из какой-то плотной бумаги, похожей на ткань, как пергамент; Радрес отправителя находился в почтовом ящике в Санта-Монике, штат Калифорния.

Калифорния. Ей нравилось это слово. Он излучал тепло, безопасность и солнце. Там, в том ресторане в Торонто, все были одеты в осенний серый или осенний коричневый цвет; элегантные люди в центре города, разбросанные, как листья, между этими зеркалами и плитками. Каждый раз, когда дверь открывалась, ледяной воздух колол ее руки.

Он открыл конверт медленно, нерешительным движением, которое было одновременно нетерпеливым и неохотным.

“Дорогая Карен”, - начиналось письмо.

Широкие проушины и темные чернила. Когда он читал, слова уловили грубый контральто голоса Лоры.

Я получил твое письмо и обдумал его. Я знаю, что это не мое дело, но поскольку вы спросите меня, вот некоторые мои мысли.

Во-первых, мне очень жаль тебя и Гэвина. Не знаю, утешит ли это вас, но я думаю, что вы на сто процентов правы (хотя, как вы мне сказали, развод не был вашей идеей.) Мы, цыгане, не отрезаны для жизни мелкими буржуями.

Я понимаю, что это, должно быть, было ударом для тебя. И тогда, конечно, есть Майкл. Пятнадцать лет … Боже мой, но как это вообще возможно? Мне бы очень хотелось встретиться со своим единственным внуком. Это так мило, как на фотографии? (Не говори ему, что я так сказал.) Я принимаю это как должное. Он сердцеед. Он адаптируется?

Я убеждена, что мы должны быть больше, чем родственники рождественских открыток. Было бы здорово снова увидеть вас обоих.

Да, сестренка. Это намек.

Послушай меня, Карен; по радио играют старые песни, и ты приходишь мне в голову. “Брось свою судьбу на ветер”: помнишь? Как совет, это лучше, чем вы себе представляете.

Я говорю серьезно. Тете Лоре понравится ваша компания.

Я могу разместить вас в течение недели, в течение месяца, или столько, сколько вы хотите. С уведомлением или без.

Если вы не можете сказать “да”, скажите, по крайней мере, может быть. Спросите, и я дам вам указания, но RSVP.

Она была подписана преувеличенным и безошибочным курсивом Лоры. Несмотря на его опасения, легдола умудрился улыбнуться.

P. S., было написано под последней складкой письма.

Эпоха чудес еще не закончилась.

Его улыбка исчезла. Она подняла взгляд и увидела Гэвина, стоящего по другую сторону стола. Гэвин какое — то мгновение смотрел на нее надменно, а потом сказал: - У тебя действительно паршивый вид.

Карен вздохнула. Как оказалось, в те дни он любил дебютировать

таким образом. — Ну, - сказал он, - а ты нет. Ты выглядишь безупречно. - И это было правдой.

Гэвина очень заботила манера одеваться. Он внимательно читал Страницы моды на Esquire с той же торжественностью, с которой генерал планирует военную кампанию. Он был высок, и у него было прекрасное телосложение, которое он развил в спортзале напротив своего офиса. Пахло дезодорантом брют. — Если не считать шуток, - сказал он, садясь и глядя ей в глаза. - Ты хорошо спишь? Ты выглядишь усталым.

- Ну, я … черт возьми, да, я устала.

- Я не хотел тебя обидеть.

— Нет, - сказал он. - Я знаю. - Это просто его манера говорить … мрачно подумал он с отчаянием. Но сейчас важно было то, что Майкл был в опасности. - Мы здесь, чтобы поговорить.

Чтобы поговорить. Это казалось такой неприятной идеей, что вместо этого они заказали обед. Они были в ресторане, который знал Гэвин, недалеко от его офиса. Он стоял в своей стихии. Он заказал морской салат и светлое пиво. Карен взяла тарелку с нежирным сыром и фруктами. Гэвин немного рассказал о своей работе, и Карен рассказала ему, как Майкл учится в школе. Они разговаривали, подумала Карен, и это было уже хорошее начало, но на самом деле не говори; она также не упомянула серого человека.

Когда-то разговор с Гэвином был для нее легким. Они встретились в Университете штата Пенсильвания, где Карен была год назад в курсе писем. Гэвин был неудовлетворенным молодым человеком; не случайный бунтарь, как это было в моде в те дни, а просто парень, ищущий способ придать смысл своей жизни. Он был канадцем, и он решил вернуться домой, закончив школу, и изучать право. Закон, по его словам, был способом проникнуть в жизнь людей. Именно там можно было обладать определенной силой, что можно было создать разницу, изменить ситуацию к лучшему. Мы все хотим изменить мир, подумала Карен, вспоминая припев песни Beatles, которая теперь использовалась в качестве рекламы обуви Nike. Возможно, Найк был одним из клиентов Гэвина.

Развод еще не был урегулирован. На языке Гэвина они были “отдельными”. “Разлученный” означал, что он оставил ее в мае

прошлого года, чтобы жить со своей любовницей в ее квартире у озера. Для Карен это было шоком; разлука, любовник, все. Гэвин действовал так же безупречно, как и одевался; она никогда ничего не подозревала. Он просто сказал ей это однажды утром за завтраком. Между нами не очень хорошо. Я знаю, как и ты. Очень холодно. Я ухожу … Да, я знаю, куда идти … да, есть еще одна женщина.

Карен ненавидела эту ситуацию. Он ненавидел все. Он ненавидел ее неверность, и он ненавидел тот факт, что она уже определила свою роль-ревнивую жену. Ну, черт побери, - сказала она себе. Я могу быть такой же холодной, как и он.

Таким образом, он пытался двигаться вперед с радостью; ни ссоры, ни сцены. Но теперь он задавался вопросом, не была ли это просто очередная капитуляция с его стороны. Гэвин, адвокат, рассматривал жизнь как игру, тяжелый спорт, в который играли серьезно, и то, что он получил с Карен, было своего рода матом. И это потому, что она скрывала свои чувства, и в результате он не был вынужден с ними сталкиваться.

Ее разыгрывали и перехитрили.

Но не больше. Теперь на кону было слишком много вещей. Перед выходом из дома она подготовила себе список: “вопросы, которые нужно задать”. Гэвин настаивал на том, чтобы начать судебные процедуры, но она знала, что ему не нужно ничего уступать, пока он не увидит своего адвоката; пока он не найдет его. Тем не менее, он хотел обратить свое внимание на управление домом.

Он хотел переехать. Он должен был переехать. Это не только наводило на нее горькие воспоминания, но и была проблема серого человека. Она чувствовала себя одинокой и уязвимой в этом большом загородном доме; она чувствовала себя окруженной, осажденной. Ради Майкла было важно, чтобы они уехали… и он подумал, не лучше ли вообще уехать из города. Дело в том, что у нее не было независимого источника дохода. За неделю до этого она пошла к Агенту по трудоустройству, и когда он попросил у нее резюме, Карен была вынуждена признать, что она не работала с тех пор, как родился ее сын. Мужчина сообщил ей, что ее возможности несколько ограничены.

То, что передавал ей Гэвин, было мало, и она не хотела просить у него денег. После развода он, вероятно, заплатил бы ей алименты. Но это произойдет в будущем.

Итак, он разработал план. Они продали бы дом. Со своей стороны, Карен могла бы снять квартиру где-нибудь, и записаться на профессиональный курс, как программист, или что-то подобное. И алименты, когда они наконец прибудут, сохранят и ее, и Майкла.

Это казалось ей прекрасной идеей, когда она думала об этом дома; но теперь, в ресторане, она уже не была в этом убеждена. Гэвин начал рассказ о фирме, офисной политике, и он больше не заканчивал его. Официант убежал со своим наполовину съеденным сыром и заменил его чашкой кофе. Карен поняла, запаниковав, что обед почти закончился, что время истекло, и что мужество у нее подешевело. — Дом, - сказал он вдруг.

Гэвин глотнул кофе и задумчиво похлопал себя кулаком по подбородку. - Что с ним?

Он быстро изложил свой проект, заикаясь. Он слушал, поморщившись. Ей не понравилась эта гримаса. Это был ее терпеливый взгляд; ее озабоченный взгляд; тот взгляд, который она воображала, тренируя для своих клиентов. Он подумал об этом как о своем выражении да, Но…; да, но это будет стоить вам больше, чем вы думаете. Да, но нам придется обратиться в суд.

— Это хорошая идея, — сказал он, когда она закончила, - но это непрактично.

Он казался таким уверенным в себе; его легкость была подавляющей. Карен что-то рассказывала о общей собственности, о законах о разводе… это был не ее дом; не совсем.

— Но и твоя тоже — - закончила она свой кофе. - Я объяснил тебе это много лет назад, Карен. Этот дом принадлежит моей матери, чтобы можно было сбросить налоги. Он купил ее у отца. Перед законом мы не что иное, как арендаторы. Этот дом не принадлежит никому из нас двоих.

У него была смутная память обо всем этом. - Но ты же говорил, что это всего лишь юридическая придирка.

— Все же…

Карен сидела прямо, пораженная собственным неудовольствием, глубиной разочарования,пробивавшегося в нее. - Не говори мне, что это невозможно. Мы могли бы что — то сделать, но это было слишком похоже на мольбу. - Гэвин, я сделал свои планы.…

— Это не зависит от меня, - сказал он. - В том-то и дело. Но у тебя всегда были проблемы в этой области, не так ли? Иметь дело с реальностью, конечно, не ваша специальность.

Чашка опрокинулась в его руке. Кофе разлился по скатерти, и чашка упала на блюдце. Он отошел от стола.

— Ради Бога, - сквозь стиснутые зубы сказал Гэвин.

Он никогда не любил сцены.

Она ушла в машине, ошеломленная.

Оказавшись дома, он почувствовал лихорадку. Он налил себе выпить и пошел сидеть со своим дневником. Он чувствовал, что ум активен, но пуст; как двигатель, вращающийся в неподвижном автомобиле. Он открыл новую страницу и написал:

“Дорогая Лаура.”

Как будто он писал автоматически, не желая этого. Заговор между пером и пальцами. Он удивился, продолжая:

Мы принимаем Ваше приглашение. Мы с Майклом будем там, когда вы получите это письмо. Мы останемся в этом отеле в Санта-Монике, как и в прошлый раз. Если нет места, я оставлю там сообщение.

Любовно…

Он разорвал бумагу и подписал ее. Затем она положила его в конверт, где написала адрес и добавила срочный экспресс, загрузив его марками.

Он бы отправил ее позже; или, может быть, нет. Ну, подумал он, наверное, нет. Это была глупая, импульсивная идея. Она просто злилась на Гэвина.

Он скомкал конверт. Затем, восклицая ” к черту!”, он снова пригладил ее и сунул в сумку.

Снаружи начинало темнеть.

Он посмотрел на свои часы.

Шесть часов прошло. Майкл опаздывал.

Майкл вышел из школы в четыре часа четвертого и начал идти домой один.

Ему удалось избежать Дэн и Валери, спустившись в раздевалку. Он не хотел компании, и он не хотел ни слезинки. Ему хотелось побыть одному.

Она не в первый раз задумалась, не может ли одиночество быть ее естественным состоянием.

Он жил в шести длинных кварталах от школы, и самый короткий путь домой был вниз по двум извилистым жилым проспектам, а затем по земле, которая принадлежала электрической компании, ощетинившейся столбами высокого напряжения, которые пели со своим безумным и пронзительным гулом всякий раз, когда температура опускалась. Был только сентябрь, но осень наступала серьезно. Он заметил, что в тот день гудения не было. Только тишина, и шум его шагов по летней траве, уже коричневой.

Это место ему нравилось; изолированный, с его деревьями, его полями, и его высокими стальными башнями. Слева были строящиеся домики, стропила как голые ребра; справа-небольшая роща старых кленов. А в центре был этот луг; слегка крутая пастбищная площадка, которая казалась зачищенной у подножия пилонов света. Проходя между нами, он чувствовал себя подвешенным между двумя мирами: школой и домом, городом и сельской местностью.

Реальное и нереальное.

Он сунул руки в карманы куртки и на минуту отдохнул, прислонившись к воротам. Среди деревьев начала петь цикада. Ветер, который был уже осенним ветром, взъерошил его волосы.

Ей было грустно, и она не понимала, почему.

Печаль была связана с его матерью и связана с разводом; слово, которое Майкл только что ввел в свой словарный запас. Несомненно, однако, она была связана и с серым человеком.

Но хуже всего, подумал он, было то, что ему не с кем поговорить об этом. Особенно не с матерью, и особенно не в те дни. Некоторые вещи просто нельзя было сказать. Все было хорошо, пока кто-то не вытащил неправильное слово (буквально слово, например, “развод”), за которым последовало ледяное молчание, которое заставило вас понять, что эта ужасная вещь, эта

непристойность больше никогда не упоминалась. Он не мог сказать слово “развод” своей матери; это было табу, а не слово.

На телевидении, подумал он, будет проще. Она спросила бы его, как он себя чувствует, он признался бы в чем-то; чувство вины, страдания, неважно, что, и, может быть, он немного заплакал бы; была бы эта вспышка. А потом титры. Однако там, в реальном мире, реальность была другой.

И это был не просто развод. Для Майкла не было большой проблемой принять эту идею; у половины его друзей были разведенные родители. Ему было гораздо проблематичнее смириться с тем, что его отец живет с кем-то другим; женщиной, незнакомкой. Что он оставил свою семью из-за этого. Трудно было представить, как жизнь его отца продолжалась, извиваясь, как река, оставляя на своем пути его и его мать, как они были застойным местом или заросшим островом. Майкл не злился или, по крайней мере, еще не был, но он был смущен. Он не знал, как должен реагировать.

Она должна была ненавидеть его, потому что он ушел?

Это не казалось ему возможным.

Должен ли он ненавидеть свою мать за то, что она заставила его уйти?

Но это не было допустимой мыслью.

Может быть, это не имело значения. Возможно, дело не в этом. Это было возможно. У него были, и Бог знал, сколько, другие проблемы.

Но он вспомнил тот момент, на прошлой неделе, когда он пробрался в спальню своей матери, открыл первый ящик своего стола и скопировал номер телефона, написанный на последней странице его телефонной книги … номер нового дома его отца, квартиры на берегу озера, которую Майкл никогда не видел.

Странный жест, для которого это не имело значения.

Но “развод” был не единственным безымянным словом в его доме. Гораздо глубже и тревожнее было дело серого человека.

Майкл называл его серым человеком. Она нашла это имя, когда ей было шесть лет, когда Серый человек начал появляться в ее

снах. Серый из-за сланцево-серой одежды, которую она всегда носила, и серый еще и потому, что он, казалось, излучал какую-то серость, как ауру, серую ауру. Даже его кожа была бескровной и меловой. Майкл очень скоро понял, что разговоры об этих снах беспокоят его мать, что любой другой кошмар вызовет объятия или разрешение спать с включенным светом, но что Серый человек вызовет только испуганные взгляды и столь же испуганные отказы. Нет, его вообще не существует. И перестань спрашивать меня.

Но это была ложь. Он существовал здесь. Там, в настоящем мире, существовал настоящий серый человек.

Майкл впервые увидел его, когда ему было десять лет. Они ехали на машине и остановились у автомата по шоссе где-то в Альберте. Жаркий день, окна опущены, ничего, кроме пустого пространства и голубого неба вокруг заправочной станции; пожилой парень, работающий заправщиком, и в тени сувенирного магазина темная фигура среди беспорядка и пыли. Серый Человек. Серый человек смотрел из-под сложенной полями шляпы пристальным пристальным взглядом, который Майкл слишком хорошо запомнил из своих снов.

В ужасе он повернулся к матери, но она тоже увидела серого человека в тот же миг, и она тоже была в ужасе. Он понял это по тому, как дышал, втягивая маленькие глотки воздуха. Папа расплачивался с бензоколонкой, и его внимание было сосредоточено на кредитной карточке, которая проходила под печатью в руках старика, в другом мире. Майкл открыл было рот, чтобы заговорить, но мать положила ему руку на руку, предупреждая его, как в сообщении: твой отец не может понять. И это было правдой. Он знал это, даже не задумываясь об этом. Это было то, что он разделял с матерью, и только с матерью. Этот страх. Эта тайна.

Серый человек не шевелился. Он стоял и смотрел. Его лицо было расслабленным. В его глазах читалось глубокое и страшное терпение. Он наблюдал за ними, как Гэвин включил машину, смотрел, как они выезжают на шоссе. Я подожду, обещали его глаза. Возвращать. А Майкл смотрел на нее в свою очередь, сидя на заднем сиденье, пока Серый человек и заправка не исчезли в солнечном свете.

Горизонт снова заставил его чувствовать себя в безопасности. Серый человек затерялся в океане космоса. Это было похоже на

повторное пробуждение.

Она прекрасно понимала, что не должна задавать никаких вопросов по этому поводу. Но больше всего его беспокоило то, что он видел, как его мать так напугана. Ее страх длился весь день; расстояние нисколько не успокаивало ее. Поэтому он благоразумно молчал. Он не хотел усугублять ситуацию. — Ты сегодня чертовски молчишь, сынок, - сказал ему отец. - Ты уверен, что чувствуешь себя хорошо?

— Да.

Нет.

Он был смущен. Как он себя чувствовал на самом деле?

Страшно, конечно.

Но было и другое. Она помнила его все эти годы, там, в этой области энергетической компании. Он все еще чувствовал это.

Любопытство? Слово было слишком слабым. Больше похоже на … “очарование”.

Слово парило в холодном сентябрьском воздухе, как темная птица.

Испугавшись, Майкл обернулся.

На мгновение слово, казалось, затихло,а затем снова загорелось.

Я должна была быть здесь в безопасности, подумала она. Этот луг был на его территории. Это было вряд ли подходящее место для серого человека, который был парнем из засад, переулков, тени. Тем не менее, он был там, всего в нескольких футах от него, со шляпой с опущенными полями, чтобы укрыться от солнца; тот же человек, которого Майкл видел на заправочной станции Альберты пятью годами ранее, явно не постарел, но (он выглядел почти как шутка), возможно, немного более серый.

Майкл сделал шаг назад и почувствовал, как калитка прижалась к его позвоночнику.

- Проговорил Серый человек. - Тебе не нужно бояться. - Голос его был грубым, старым, но в то же время глубоким и суровым. Он улыбнулся, и его угловатое лицо выглядело менее устрашающим.

Ее глаза, маленькие между бровями и выпуклыми скулами, оставались неподвижными. Легкий шрам начинался с надбровной дуги, проходил мимо уха и исчезал в тени шляпы. - Я просто хочу поговорить с тобой.

Майкл подавил ее отчаянное желание бежать. С животными, говорили они, никогда не нужно бояться. Но работала ли эта вещь и с кошмарами?

- Ты собираешься домой? - спросил Серый человек. - Домой к матери?

Майкл колебался.

— Твоя мама мало разговаривает — - сказал Серый мужчина, - не так ли?

Майкл развел руки и просунул пальцы в сетку ворот, чтобы удержать равновесие. Он чувствовал себя слабым и растерянным. Его ноги были дрожащими и далеко друг от друга.

Серый человек подошел к нему. Серый человек был высоким и спокойным. Серый мужчина положил руку ему на плечо.

— Иди немного со мной, - сказал Серый человек.

Внимание Майкла было полностью поглощено голосом серого человека, потоком и ритмом его слов; он не осознавал ни дороги, по которой они шли, ни мест, мимо которых они проходили. Когда он подумал о том, чтобы оглянуться, луг энергетической компании был уже далеко, за их спиной.

— Я чувствую, что ты другой, - сказал Серый человек. - Ты не такой, как другие люди. - Рука на плече Майкла была твердой, отцовской.

Эти слова вернули намек на страх. — Из-за тебя, - сказал Майкл обвинительным тоном. — Ты…

- Не из-за меня. Но это хорошее начало. Как ты меня обычно называешь?

- Серый Человек.

Это было глупо. Это было очень по-детски сказать вслух в холодном сентябрьском воздухе. Но смех серого человека был

снисходительным, веселым.

- У меня есть имя. Ну, у меня много имен. Иногда … - он чуть понизил голос. - Меня иногда называют ходоком.

— Ходок, - повторил Майкл.

— Ходок. Станатор. Трубадур. Хранитель.

Как песня, задумчиво подумал Майкл.

- Важно то, что я кое-что знаю о тебе. Те вещи, о которых твоя мама не хочет говорить.

Невольно Майкл спросил: - какие вещи?

- О, много чего. Как ты чувствуешь себя одиноким. Как вы себя чувствуете по-другому. Как ты просыпаешься иногда … иногда ты просыпаешься ночью, и ты мечтал, и ты боишься, ты боишься, потому что знаешь, что было бы очень легко проснуться во сне. Как будто мечты были правдой, место, куда вы можете пойти, место, где вы, возможно, уже были.

И Майкл кивнул, ничуть не удивленный, как ни странно, тем, что Серый человек знал все это о нем. Ему казалось, что он преодолел страх и удивление, чтобы войти в гораздо более странное царство. Царство лунатизма, подумал он.

Они прошли мимо темных домов и тонких, тихих деревьев. Ветра не было. Он не узнал окрестности; на мгновение ему стало интересно, как далеко они шли. Конечно, они не были рядом с домом. В его доме не было такого района.

— Мы не ходим в очевидные места, - сказал Серый человек, и Майкл почувствовал себя включенным в это “мы”; братство, предназначенное для немногих. - Мы не ходим там, где ходят другие. Это вы уже знаете. Внутри тебя, глубоко внутри себя … ты это знаешь.

Он никогда не говорил об этом. И он почти никогда не думал об этом.

Тем не менее, это было правдой.

- Ты мог бы выйти из этого мира, если бы захотел. - Серый мужчина остановился, наклонился вперед и посмотрел Майклу в

глаза. - В мире есть уголки, которые другие люди не могут видеть. Углубления, двери и направления. Вы можете сделать шаг в сторону и больше никогда не увидите. Так.

Серый человек двинулся в направлении, которое Майкл едва успел уловить. Не совсем далеко, но как - то … дальше.

И Майкл сделал попытку последовать за ним.

— Это, - сказал Серый человек, который теперь улыбался. — Этот. Этот.

Один шаг, и еще один шаг.

Майкл почувствовал прилив электричества, протекающий внутри него; покалывающее чувство силы. У него кружилась голова. Углы, подумал он. Углы, углубления и двери. Дверь в воздухе.

Теперь он мог видеть, где стоял серый человек; крутая мощеная дорога, горизонт неба свинцовой синевы и несколько старых дымовых труб. Легкий запах рыбы и соли в воздухе. Он не мог слышать голоса серого человека, но видел, что он зовет его к себе тонким, но безошибочным движением бескровной руки. Сюда. Сюда. Всего один шаг, подумал Майкл. Это молчаливое чудо. Он был всего в одном шаге…

- Майкл!

Голос доносился издалека. Но он отвел ее внимание.

- Майкл!

Ближе, Теперь. Неохотно, с чувством упущенной возможности, или с большим колебанием, она повернулась спиной к серому человеку, к мощеной дороге, к холодному голубому небу.

Небо перед ним было темным. На Западе над синими облаками сияло несколько звезд. Это было в районе, который он узнал; старые дома и продуктовый магазин на углу, в паре миль от дома и школы.

На улице стояла гражданка его матери. Дверца открылась, и появилась она, как в рамке, испуганная и запыхавшаяся, зовущая его. Его жест был похож на жест серого человека. Она удивилась, как много видела ее мать.

Она повернулась, чтобы посмотреть на серого человека, но Серый человек исчез… ни голубого неба, ни мощеной дороги, только обнаженная изгородь и потрескавшийся тротуар.

Странно, подумал он. Странный. Это было так близко…

Мать потащила его в машину. Она дрожала, но не злилась. Покачав головой, все еще раскачиваясь, Майкл пристегнул ремень безопасности автоматическим жестом, когда его мать ушла на полном газу.

— Уезжаем, - сказал он сквозь стиснутые зубы. - Мы уезжаем сегодня вечером.

- Мы уезжаем?

- Мы едем в Калифорнию.

3

Карен остановилась дома ровно настолько, чтобы загрузить пару чемоданов, поехала на север в аэропорт и оставила машину в гараже. Один Бог знал, когда она вернется, чтобы забрать ее. Во всяком случае, юридически машина принадлежала Гэвину. Чтобы он заботился об этом.

Ему удалось купить два билета в одну сторону на бюджетный рейс в Лос-Анджелес, который вылетел за пару часов до рассвета. Ночевали они в приемной, Майкл лежал на скамейке. Он выглядел ошеломленным и сонным, лежа на неудобном виниле. Карен сжала руки, глядя на него. Кондиционер был неумолим.

После полуночи он вспомнил письмо в своей сумке, то, которое он написал Лоре. Она встала, накрыла спящего сына пальто и направилась к туалету. В зеркале его лицо было изможденным и смуглым, скулы торчали под бледной кожей. Это было лицо незнакомки, беглеца.

Он продиктовал письмо по телефону телеграфному агентству. Возможно, телеграмма пересекла бы континент раньше, чем они.

Когда пришло время садиться, ей пришлось разбудить Майкла. У него были тяжелые глаза, и он инстинктивно наклонился к ней. Он давно этого не делал.

Он не хотел думать о том, как далеко ему пришлось ехать, чтобы найти его, или о потерянном взгляде, который он имел, стоя на этом потрескавшемся тротуаре, с одной ногой из этого мира… или о силуэте, который он видел дальше; высокий, и с терпеливой улыбкой.

Майкл спал всю долгую воздушную поездку. Он проснулся только один раз, незадолго до рассвета. Его мать спала; почти весь самолет спал. Сонная стюардесса прошла по коридору между сиденьями, автоматически улыбнулась ему и пошла дальше. Грохот самолета наполнил его голову.

Он посмотрел в окно и увидел пустыню. Он представил, что это пустыня. Его охватил утренний свет, без тени; таинственный, волнообразный дикий мир. Тропинок у него не было, было странно и пусто. Другой мир. Каньоны и трещины. Засушливое триасовое морское дно. Заполненные скрытыми углублениями,

подумал Майкл, странными углами.

Вы могли бы выйти из этого мира, если бы захотели.

И это было правдой.

Углы, подумал Майкл. Углы, углубления и двери.

4

Позже, когда Карен объяснила, почему она пришла, ее сестра Лора сказала: - я могу отвезти тебя куда-нибудь. В безопасном месте. Вот где я живу.

Карен снова повернулась к окну гостиничного номера. Кусочек пляжа, взъерошенные пальмы, постоянный шум движения. — Ты имеешь в виду … не здесь, — сказал он.

- Не здесь. Нет. Но не далеко.

Поездка в Калифорнию была похожа на воспоминание.

Он провел там неделю в 1969 году. Это было плохое время; он поссорился со своей сестрой, и они расстались плохо. Времена меняются, напомнила себе Карен. Но улицы не изменились, и отель Санта-Моники либо, или, по крайней мере, не соответствующим образом. Майкл, ошеломленный, сидел рядом с ней, в миазме винила и вони сигары, когда такси пробиралось по широким серым шоссе, уходящим от аэропорта. Невольно ей в голову приходили странные понятия, которые она усвоила за всю жизнь привыкания к журналам и гравюрам. Факт: пальмы не являются деревьями Южной Калифорнии. Факт: без постоянного орошения эти бесконечные жилые проспекты с их белыми домами были бы такими же сухими, как город Бейрут. Но больше всего ее поражало качество солнца, его угол падения; вид яркости, которого никогда не было на востоке. Она была не ярче, но яснее, опалесцирующе; она создавала резкие тени, которые растворялись вдалеке в бледной серости.

И тогда, конечно, был океан. Он вспомнил океан, его просторы, то, как он заполнял горизонт. Он вышел из такси под этим странным солнцем и на мгновение удивился расстоянию, которое они проехали.

Несколько дней они оставались одни в гостинице. Майкл говорил мало. Казалось, он понимал причину их отъезда, их внезапного путешествия, но Карен воображала, что он должен быть немного дезориентирован; конечно, она была. Однажды утром он спросил ее, почему тетя Лора не пошла за ними, и Карен объяснила ему о почтовом ящике: она все равно не пойдет забрать почту. Итак, они ждали в своей комнате, заказывая еду на службе и оставляя сообщение для принятия, когда они пошли на прогулку по пляжу.

Карен подумала, что за годы, проведенные в Торонто, она, должно быть, стала очень канадской, поскольку люди, которых она видела вдоль усыпанного мусором пляжа, казались ей довольно странными. Мужчина на роликовых коньках в футболке, разрезанной на уровне груди, сбил ее с тротуара, и когда она сидела, сбитая с толку, в песке, он бросил ей ругательства через плечо. Но, слава Богу, она не могла понять, что он ей сказал.

Я иностранка в этом месте, подумал он. Я не принадлежу ему. У меня здесь нет будущего.

Она была счастлива, что Майкл не видел сцены. Он отошел, чтобы купить хот-доги у киоска. Они ели молча, глядя на океан. Майкл всегда был тихим мальчиком, подумала Карен, но это его новое молчание тревожило. Казалось, он крепко держится, готовясь к следующей неизбежной катастрофе. Но даже она сочувствовала этой интуиции, что их проблемы еще не закончились, поскольку у нее тоже было такое же чувство.

Когда они вернулись в отель, Лора ждала их в холле.

Карен увидела ее первой. На мгновение ей выпала честь видеть, не будучи замеченной. Он обнаружил, что хочет продлить этот момент, не объявить себя. Глядя на сестру, он испытывал странное чувство двойного зрения, как будто время вернулось к себе.

Очевидно, Лора постарела. Но два десятилетия, прошедшие с 1969 года, были хороши для нее. Она была слегка загорелой, очень калифорнийской, и у нее были короткие волосы, к мальчику. У него было хорошее телосложение. На ней был белый сарафан, эффектная повязка на голове, завязанная за затылком, и веселые браслеты на запястьях. Когда он обернулся, браслеты звякнули.

Их взгляды встретились, и на мгновение Карен подумала: я тоже могла бы быть такой. Она похожа на меня, подумала она снова, но она воздушнее, светлее. Карен всегда считала себя твердой, земной; ее сестра казалась нежной, как ветер.

Может быть, это зависть? - Поинтересовался он. Может быть, я ревную?

— Тетя Лаура, - воскликнул Майкл, видя блеск во взглядах двух пересекающихся женщин.

Лора с лучезарной улыбкой пересекла кафельный вестибюль и обняла их обоих.

Они позавтракали в закусочной отеля. Лора пожрала огромный салат. — Это смог, - сказал он. - Я к этому не привыкла, и это оказывает странное влияние на мой аппетит.

Майкл с любопытством посмотрел на нее. - Я думал, ты здесь живешь.

Лора и Карен обменялись взглядами.

— Не здесь, - сказала Лора. - Не совсем.

Карен оставила Майкла в гостиничном номере, чтобы собрать вещи (и посмотреть конец бейсбольной игры Доджерс по телевизору), пока они с Лорой прогуливались по набережной.

— Не знаю, - сказал он. Все это казалось ей таким странным и внезапным; ее сестра, эти старые воспоминания и эти еще более старые барьеры. Он почувствовал какую-то панику; срочность сделать шаг назад, пересмотреть все. - Я благодарна тебе за приглашение. И именно поэтому, конечно, мы и пришли сюда. Чтобы повидаться с тобой. Но я беспокоюсь о Майкле.

- Вы не знаете? - спросила Лора.

Мы всегда так делали, не так ли? - подумала Карен. Мы всегда говорили за эллипсы, и мы все еще делаем это. - У него никогда не было причин знать.

Они нашли скамейку, выходящую на тот пляж, полный дегтя. У берега танкер, приближающийся к гавани, выделялся на фоне зарева горизонта.

— Я не такая, как ты, — продолжала Карен. - И тем более, как Тим. Я никогда не хотел этого … я никогда не хотел быть в состоянии делать то, что мы делаем. Я не просил об этом, и я никогда не хотел этого.

- Никто из нас не спрашивал. Но ты, может быть, пытаешься сказать мне, что Майкл ничего об этом не знает?

- Почему? Почему я должен был питать вещь в нем? Если он может жить, не зная об этом, зачем делать это сознательным?

— Потому что это внутри него, - сказала Лаура спокойным тоном. - Это его часть. Ты должен это почувствовать.

Возможно, он мог. Возможно, он чувствовал это с самого начала, с самого рождения и даже до своего рождения; он чувствовал, что он был другим, так же, как она была другой, и что Майкл также обладал такой же пугающей способностью ходить из одного мира в другой. Может быть, закрытый, как бутон цветка, но в равной степени реальный и мощный.

Но это был факт, который он не хотел принимать во внимание. — Я много работал, знаете ли, чтобы дать ему нормальную жизнь, — сказал он. - Может быть, ты не знаешь, что это значит. Думаю, тебе никогда не было дела до такого. Но нормальная жизнь была лучшим, что я мог ему дать. Ты это понимаешь? Я не хочу все выбрасывать.

Лора положила руку ей на руку. Жест был успокаивающим, и на мгновение ей показалось, что старшая сестра-это она, а не Карен. - Не вини себя. Это он слишком сильно толкнул эту вещь. Я говорю не о Майкле, а о … как вы его называете? Серый Человек.

Это имя было похоже на обузу.

- Останься со мной, - сказала Лора. - Хотя бы ненадолго. Мы слишком долго не виделись. А я хочу познакомиться со своим племянником, и я хочу, чтобы вы оба были в безопасности.

- Это действительно далеко?

- Мы можем сесть в машину.

- И как это?

- Как здесь. Очень похоже на здесь. Но симпатичнее.

— Хорошо, - грустно сказала Карен. — Да.

Они заплатили за отель и погрузили багаж в машину Лоры, машину, которую Майкл не мог опознать, вероятно, иностранную. Она была маленькой и квадратной, а на крышке танка было написано “Дюрант”. Багажный отсек проглотил все их чемоданы без каких-либо усилий.

Они отправились в путь за час до начала перемен.

Это было долгое путешествие. Они ехали по шоссе Сан-Диего на юг, пересекая захудалые кварталы сборных лачуг, засушливые пальмовые леса, густые нефтяные почвы и потрескавшиеся бетонные подземные переходы, заполненные испанскими надписями. Лаура мало говорила и, казалось, была сосредоточена на вождении. Начало темнеть, движение было в часы пик, и они опустили шторы, чтобы укрыться от заходящего солнца. Майкл почувствовал, как внутри закрытой кабины нарастает напряжение.

Он понимал, что происходит что-то важное. Они собирались к тете Лоре навестить ее, побыть у нее немного; это было ясно… но это было не просто так. Беспокойство матери было вопиющим. Она сидела рядом с тетей с жесткой спиной и почти всегда вытянутой вперед головой. И он мог видеть, что тетя Лаура тоже сосредоточилась, напрягая мышцы.

Они покинули шоссе, чтобы повернуть на запад, к океану, через ряд холмов, покрытых коричневыми кустарниками. Там, в засушливых впадинах, тоже были жилища. И вывески, рекламирующие модельные дома. Кто когда-нибудь захочет здесь жить? - Поинтересовался Майкл. Почему? Что там было, что привлекало столько людей?

А потом они увидели океан, плоскую серость. Потрепанные киоски и маленькие заведения, соленый воздух и прогорклый запах мазута.

Изменение началось с захода солнца.

Сначала Майкл подумал, что это игра света. Солнце, казалось, окутывало машину через окна справа. Это было почти ослепительно, точно так же, как луч отражался от теплой неподвижной поверхности воды. Но было еще кое-что. Он почувствовал волну чего-то внутри себя; что-то способное дезориентировать его, как будто они перевязали его и повернули десяток раз на себя. На долю секунды у Майкла возникло ощущение, что он падает, и что машина летит в абсолютную пустоту. Он дважды моргнул и затаил дыхание. Затем шины снова ударили по асфальту, подвеска немного качнулась, а затем стабилизировалась. Яркость угасла.

Но память осталась. Это было знакомое чувство. Когда он испытывал ее до этого? Чуть раньше, подумал он. В Торонто … с серым человеком.

Так, подумал Майкл; шаг за пределы и дальше, через потайные врата мира. Он посмотрел на улицу с внезапным изумлением. И где мы сейчас?

Но мир, эта дорога, казался таким же. Или почти такой же. Возможно, это было его воображение, но ему казалось, что часть этого неряшливого воздуха исчезла. Магазины были немного чище, немного ярче. Воздух, он был почти уверен, казался прохладнее, а закат был ярче, хотя и менее заметным.

Он перевел взгляд на Лору в зеркало заднего вида.

Она уставилась на него и торжественно кивнула, как бы говоря: “Да, это сделал я”. Да, это все правда.

Он прочистил горло и сказал: — куда мы идем?

— У меня дома, - тихим тоном сказала Лора. - Я же говорил. - Знак объявлял о расстоянии в милях от деревни под названием бирюзовый пляж. - Вот здесь я и живу.

5

Карен никогда не была очень способна справиться с неожиданным. В результате она была очень осторожна, оценивая место, куда их привела Лаура. Бирюзовый Пляж. Имя, которое он никогда не видел ни на одной карте, хотя он предполагал, что достаточно пойти на заправочную станцию (место) и купить карту с отмеченным бирюзовым пляжем. Вместе с другими странными местами.

Они прибыли с темнотой, но город, насколько она могла видеть, выглядел безобидным Приморским деревеньком с викторианскими зданиями и более Moderna магазинами с рельефными лепными украшениями. В бисерных занавесках перед входами и в ярких тонированных стеклах верхних этажей стоял богемный че. Они шли по многолюдной набережной с кафе и ресторанами, открытыми перед теплой ночью. На витрине небольшого магазина были написаны ракушки всех видов. Рядом был еще один, который предлагал антиквариат, масляные лампы, антикварные стекла. Распродажа!

И люди на улице были почти такими же характерными. Все они были одеты так, как Карен считала довольно цыганским; выцветшие джинсы Levi's, стеганые рубашки ярких цветов. Они также увидели женщину с перьями, заправленными в длинные косы ее черных волос.

Миновав центр, они обнаружили запутанную темную улочку и тихие домики; смесь викторианских кирпичных домов и просторных деревянных домов, ничем не отличающихся от городских. Лаура, напевая про себя, повернула на запад, к океану, и припарковалась на гравийном участке рядом с трехэтажным деревянным домом. — У нас два верхних этажа, - сказал он, выходя из машины.

Карен вышла на свежий ночной воздух и вдруг почувствовала себя одинокой в этом новом мире, напомнив себе, что это действительно новый мир. Гевин существовал в этом месте? Если он позвонит на их старый номер в Торонто, он ответит?

И существовала ли Канада, или все границы были перерисованы?

Странный. Эта идея заставила ее вздрогнуть. Он слушал сладостное шакье моря на берегу, прозаическое и реальное. И

звезды, подумал он. Звезды всегда были одинаковыми.

Лора стояла перед ней с двумя чемоданами в руках. — Дай мне одну, - сказала Леста Карен. Но бородатый мужчина опередил ее, выйдя из деревянной двери подъезда и взяв в руки чемодан. — Ты, должно быть, Карен, — сказал он.

— Это Эммет, - сказала Лора. - Эммет живет внизу и очень услужлив. - Эммет чуть робко улыбнулся.

Он ухаживает за ней, подумала Карен. Всегда был кто-то, кто ухаживал за ней. Лаура всегда проявляла определенное обаяние на мужчинах. Лора умела это делать.

Напротив, Карен вышла замуж за первого мужчину, который проявил к ней некоторый интерес … и который оставил ее, чтобы жить со своей любовницей на озере. - Здравствуйте, Эммет, - сказал он.

Из-за машины появился Майкл со своим тяжелым чемоданом. Мудро Эммет не предложил ему помочь. - Позволь мне показать тебе лестницу, - сказал он вместо этого. - Майк, да?

Майкл последовал за ним в дом.

— Он симпатичный, - сказала Карен.

- Ну что? Вы одобряете?

- Мое первое впечатление положительное.

Лора улыбнулась. - Мы с Эмметом довольно одинокие парни. Но кое-что было. Есть… - он пару раз махнул рукой. - о возможностях.

- Кофе есть? - спросила Карен с надеждой.

- Из Коста-Рики, и свежемолотый.

- Мне нужна большая чашка. А потом душ. А потом кровать, подумал он про себя. Что-то мягкое с чистыми простынями.

- Можно. Я же говорил, что здесь все в порядке.

И Карен поняла, что они снова начинают быть сестрами. После всех этих лет. В этом странном месте.

Перед сном они просидели около часа за старым кухонным столом Лоры. Две женщины болтали о большем и меньшем, потягивая кофе из фарфоровых чашек; Майкл смотрел на них с возрастающим нетерпением. Он чувствовал себя исключенным; не столько из разговора, сколько из того, что не было сказано. Среди них, подумал он, знают. Они понимают.

Когда он больше не мог, он поднялся на ноги. День был долгим, и его мозг гудел. Но он чувствовал необходимость что-то сказать, заставить их понять, что что-то произошло. Это было табу; но теперь мир был другим, и он слышал, как слова поднимаются, как из колодца.

— Вы должны мне что — то объяснить, - сказал он. Последовало внезапное молчание. - Я имею в виду; я не слепой. Я не знаю, где мы находимся, но я знаю, что вы не можете добраться сюда из отеля. Не используя обычные дороги. - Улицы, подумал он; углы и двери. — Я слышал, - сказал он. - Вы должны дать мне объяснение.

Мать отвела взгляд, положила руки на колени и осталась смотреть на них, не произнося ни слова. Майкл почувствовал внезапное раскаяние. Но его тетя Лаура не была ни расстроена, ни удивлена. Она пристально посмотрела ему в глаза со стула у окна.

— Скоро узнаешь, - сказал он тихим тоном. - Обещаю. Хорошо?

Благодарность, которую он испытал, застала его врасплох; она была действительно сильной. — Хорошо, - сказал он. Потому что дело было в том, что тетя говорила серьезно … она это чувствовала.

— Но сейчас, в постель, - сказала Лора. - Я думаю, что это хорошая идея для всех нас. Можете ли вы найти свою комнату?

Вверх по лестнице, а затем направо.

Уставший, как он был, Майкл какое-то время не спал, в темноте, в своей новой постели, прислушиваясь к звукам ночи и тихому пульсированию волн. В доме было тихо. Долго не было слышно голосов, доносящихся из кухни.

6

Карен решила, что самое мудрое-начать знакомство с окрестностями.

Он нашел старую дорожную карту “Тексако” в переполненном ящике кухни Лоры. На карте бирюзовый пляж был черной точкой на побережье между Пуэбло-де-Лос-Анджелес и Сан-Диего. Пуэбло-де-Лос-Анджелес звучал для нее немного странно, но все остальное, хотя она и не очень хорошо знала Калифорнию, казалось более или менее на ее месте. Через границу, после Сан-Диего, находился мексиканский город Сьюдад Сарагоса. Она была права? Сан-Франциско был знакомым и обнадеживающим, но как насчет больших городов, таких как Альварадо, Саттер, Порзинукола? И тогда она не могла найти Голливуд; разве это не должно было быть забито? И все же знакомые вещи были больше, чем странные.

Привыкну, подумал он. Со временем я пойму, где я нахожусь. Словно обнимая будущее, Карен мысленно пересматривала план квартиры сестры. Две спальни наверху и диван в другой комнате внизу. Большой центральный зал с полированным паркетом и большими окнами на море. Книги в мягкой обложке на самодельных полках и яркие шторы, которые двигались с дневным бризом с запада. На стене зала Лаура повесила плакат с картиной Эдварда Хоппера, изображающей одинокое питтсбургское кафе.

Пляж не был переполнен, и однажды утром Карен проехала по нему пару километров. Пляжи не были подвержены изменениям. Камни, вода и песок не впечатлили бы ее. Береговая линия представляла собой смесь черного камня и водоемов, образовавшихся в результате прилива, что не очень хорошо подходило для загара, но идеально подходило для прогулок в поисках ракушек или камешков. Карен испытывала некоторую инстинктивную симпатию к людям, которых она видела в тот унылый день, к персонажам, идущим по пляжу с серьезными выражениями лица и свитерами ручной работы. В какой-то момент он добрался до мыса, заполненного морскими водорослями, на котором он мог сидеть и смотреть на деревню с ее тихим запутанным узким улочком. Он опознал высокий дом Лоры среди других. Дом, подумал он или попытался подумать. Но это слово было только гипотетическим. Он посмотрел на нее на

своем языке, и она подумала, будет ли это когда-нибудь иметь смысл для нее снова.

Порыв морского ветра охватил ее, заставив вздрогнуть. Началась долгая прогулка, чтобы вернуться.

На следующий день Лора отвезла ее в город на машине на завтрак.

Майкл сказал, что с радостью останется дома с Эмметом. Они бросали старый бейсбольный мяч на пляж; Эммет улыбнулся, кивнув. Лора сказала ей, что Эммет был музыкантом, но он был надежным; да, он заставил Майкла что-нибудь съесть.

Днем бирюзовый пляж казался еще веселее непритязательным. Лаура объяснила ей, что это довольно богемная страна. Старые дома, сказал он ей, датируются двадцатью годами. На бирюзовом пляже с 1923 года и на протяжении всего периода экономической депрессии существовали фирмы по производству консервов, которые имели некоторый успех, и бароны-коробочники построили те дома в викторианском стиле на холмах, которые выходили на море. К тому времени, когда в 1950-х годах закрылась коробочная промышленность, бирюзовый пляж также приблизился к закрытию. Но вместо этого ей удалось сойти с рук как очень маленький туристический центр, хотя и слишком далеко от города, чтобы привлечь большое количество посетителей. Это был угасающий анахронизм, который постепенно стал пристанищем грамотных отшельников и подобных эксцентричных личностей.

К середине шестидесятых годов она превратилась в цыганскую морскую богему. Олдос Хаксли провел свои последние дни в большом доме из красного кирпича на улице Кабрильо, и, как говорили, поэт Гэри Снайдер провел там несколько зим. Затем, в семидесятые годы, прибыло много мелких ремесленников, и поэтому бирюзовый пляж, в своем маленьком, снова начал процветать. Большинство жителей были теперь прекрасно интегрированными, мелкими буржуазными людьми, работавшими на аэрокосмической базе на шоссе. Но прежняя атмосфера осталась.

Лаура припарковалась на главной улице, которая называлась Караколь-стрит, а Карен последовала за сестрой в кафе-ресторан со складными стульями и маленькими столиками даже снаружи, на тротуаре. Было уже час, и больше не было много людей, чтобы

поесть. Пару раз Лора улыбнулась и кивнула кому-то, проходившему по улице. Но большую часть времени они оставались, разговаривая друг с другом; это было место, где они могли говорить.

- Тебе до сих пор нравится? - спросила Лора.

Карен задумалась, что ответить. Это было не то решение, которое он мог принять сразу. Пока нет. — Я хочу знать больше, - сказал он.

- О стране, о мире, о чем?

- Я верю … я верю миру.

- Хороший вопрос. С чего начать?

— Куда угодно, — сказала Карен. - С чем угодно. - Но вы действительно хотели знать? - Канада существует?

— Да.

- А Советский Союз?

- Да … но границы немного отличаются.

- Были ли войны?

— Да.

- Те же войны?

- Не совсем.

- Есть атомные бомбы?

- Очень мало. Это то, что вы хотите знать? - Лора откинула салфетку и задумчиво вздохнула. — Геополитика. Ну, посмотрим. Ялтинская конференция прошла несколько иначе. В 1948 году бейрутский договор объявил вне закона распространение ядерного оружия, и запрет применяется безоговорочно. Польша является членом Европейского Сообщества. Турция-мусульманская страна, а Иран-нет. Э…

Карен покачала головой. — Не имеет значения. Вы говорите мне, что это более мирный мир?

- Я считаю, что это самая основная разница. Да, это более мирный мир. И что ж, я точно не знаю почему. Нет никакого процесса, нет очевидного механизма, который избегает войн. Войны есть в равной степени. Вторая мировая война произошла… хотя и с гораздо более ограниченным Холокостом, и Япония была достаточно мудрой, чтобы не мешать нам. Однако война в Европе была кровопролитной; многие американцы погибли в окопах. И были все другие зверства, кроме Хиросимы. Но наступил определенный покой. Никто не ищет врагов, никто не хочет врагов. Эпохи Маккарти не было. Америка процветала в те дни, и, возможно, она даже была довольна собой, но она не была истеричной.

- А злодеев больше нет? - сказала Карен тоном, чуть более скептическим, чем хотелось бы.

- Их довольно много. Есть расизм, есть религиозная нетерпимость, есть конформизм. Есть те, кто голодает. Но что меняется, так это масштаб событий. Она лишь немного уменьшилась. Можно сказать, что это более добрый мир. Нет ЦРУ, нет военных консультантов в странах третьего мира, и уровень преступности довольно низкий, хотя все жалуются на это, — улыбнулся он. - И погода хорошая.

Карен пыталась думать обо всем, что пугало ее в повседневной жизни. — Боль, - сказал он. — Заболевание. Смерть.

- Ну, мы не в раю, но можно попасть в больницу, не закладывая дом.

- Наркотики? - Большой родительский кошмар.

— Наркотики существуют, - сказала сестра. — Но я никогда не слышал о реальной проблеме за пределами худших городских кварталов. И алкоголиков тоже не так много. Нет большого спроса на кокаин или амфетамины. Вы знаете, жизнь здесь немного медленнее. Но можно купить небольшое количество марихуаны. Легально.

— Хорошее место, чтобы сбежать, - сказала Карен.

- Если это то, что вы делаете, это, конечно, не то, за что стыдно. Иногда приходится убегать.

Ты должна знать это хорошо, подумала Карен, стыдясь сразу после этого. — Ну, неплохо, конечно, - сказал он. - Ты здесь

счастлива?

Сестра ответила не сразу. Карен поняла, что задала важный вопрос, один из самых опасных. Внезапно Лора снова стала его младшей сестрой, и Карен пришла в голову старые неразрешенные мысли; я должен был защитить ее… я должен был…

— Я счастлива, — медленно произнесла Лора, — насколько я могу себе представить. И я бы не вернулся. Не для того, чтобы остаться. Теперь это мой дом.

Дом. Опять это слово.

- Тогда я был неправ, много лет назад. - сказала Карен.

Лаура протянула руку к столу, звеня браслетами.- Я не это имел в виду.

Но осознание этого старого спора витало в воздухе между ними. Карен повернулась к дороге, надеясь избавиться от внезапной меланхолии. Если бы это было не хуже меланхолии. Но эта улица, улица Каракол, в этом странном городе и в этом конкретном мире казались ей совершенно незнакомыми. Дрожь охватила ее, и в ее голове пронеслась мысль; тебе не следовало приходить сюда. Было плохо приходить сюда. Голос отца эхом отозвался в ее мозгу.

Он подумал о Лоре двадцать лет назад, в этом отеле в Санта-Монике.

7

Это был 1969 год, потрясающий год. Карен училась на степень бакалавра английского языка в штате Пенсильвания и приходила домой на выходные только каждые две недели. Тим плохо учился в старшей школе, а Лора училась во втором семестре в Университете Беркли, и, услышав, что сказала ей ее мать, у нее были серьезные проблемы.

Карен вернулась домой на пасхальные каникулы. В том году ” дом ” был домом для Долины Полгер; Старый город сталелитейных заводов в долине Мон, с его древними заводами, восстановленными для войны во Вьетнаме. Папа нашел работу в литейном цехе, а мама полдня работала в парикмахерской. Карен сумела заплатить себе почти всю плату за обучение в Пенне, с небольшой помощью родителей. Тем не менее,колледж Лоры заметно повлиял на семейный бюджет, и образование Тима все еще вызывало сомнения; он был блестящим мальчиком, но он отказывался найти себе работу. Призыв к оружию был постоянной угрозой, но он сказал, что либо найдет способ не сдавать физические экзамены, либо сбежит в Канаду… и, возможно, даже сделает это, хотя, по словам Карен, он говорил это главным образом для того, чтобы разозлить папу. Как бы то ни было, Тим выбежал из дома и пошел собираться со своими длинноволосыми друзьями. Тим, который нес американский флаг, пришитый к его джинсовому жилету, был похож на громоотвод, что касается беспорядков.

В те выходные папа нахмурился, А Тимми отсутствовал. Сценарий был знаком.

После обеда мать отвела ее в сторону. В последнее время Карен рассматривала своих родителей под новым углом зрения; они были взрослыми, и она была взрослой. Он должен был говорить с ними по-взрослому.

Теоретически, по крайней мере. На практике это было намного сложнее. Но она старалась быть объективной.

— Мы получили письмо от Лоры, - сказала ей мать.

Он говорил вполголоса. Она не хотела, чтобы папа ее слышал. Папа смотрел телевизор в маленькой комнате, которую они называли “логово”, маленькой комнате рядом с гостиной. Карен и

ее мать сидели на кухне. Кухня, как думала Карен, была самой обнадеживающей комнатой во всем доме, и в результате она была лучшей для плохих новостей. Карен сосредоточила момент в своем уме; тарелки, сложенные на школьном столике, ее мать в цветочном фартуке, с конвертом, сжатым в одной руке. - Лоры больше нет в Беркли.

Карен моргнула. Он больше не в Беркли? - Ну, где он тогда? Он возвращается домой?

Мама покачала головой и подала ей письмо.

Это было очень коротко. Она объяснила, что Лора бросила университетские курсы и переехала к друзьям, и что “возможно, вы не будете слышать меня так часто”” и что “я хочу найти себе место, где я могу жить по-своему.“В качестве отправителя на конверте был адрес Лос-Анджелеса.

— Я не говорила папе — - сказала мать. - Ты знаешь, как это делается.

Он бы очень рассердился, подумала Карен. Ее новая объективность позволила ей понять, что папа часто злился на своих детей. Она еще не задавалась вопросом, почему.

Именно тогда его мать сделала что-то удивительное. Он сунул руку в карман фартука, достал две стодолларовые купюры и сунул их через стол в сторону Карен.

Карен ошеломленно уставилась на деньги.

- Возьми их, - сказала ей мать. - Это были бы деньги на дом, но это не имеет значения. Возьми их и иди туда. Найдите ее и попытайтесь заставить ее рассуждать.

Но у меня экзамены, подумала Карен. Мне нужно учиться. Я не могу тратить все это время.

Но он не мог сказать ничего из этого.

Вместо этого, слегка испугавшись, он взял деньги и сунул их в карман Леви.

— Ты всегда была самой разумной — - сказала ей мать.

Он забронировал билеты и номер в отеле через туристическое

агентство. Путешествие пугало ее; она никогда в жизни не уходила так далеко. - Это праздник? - спрашивали ее в агентстве. — Не знаю — - ответила Карен. - Думаю, да.

Он арендовал машину в аэропорту Лос-Анджелеса и скрупулезно следовал маршруту, который был подготовлен на карте, чтобы добраться до отеля. Там он принял душ, а затем отправился по адресу, который Лаура написала на конверте.

Увидев дом, она немного растерялась. Это был сборный дом у подножия дороги, которая поднималась между двумя стенами из туфа. Грубые стены были окрашены в канареечно-желтый цвет, и краска шелушилась. Перед домом был припаркован мотоцикл.

Стучать. Короткое ожидание, затем дверь открылась. Впереди стоял высокий, очень худой мужчина. На ней была толстовка и обтягивающие потертые джинсы. У него была борода.

— Эй, - сказал он, смущенно глядя. - Ты похож на Лору.

- Я его сестра. - Глаза Карен начали приспосабливаться к темноте. В комнате был беспорядок. Матрас на полу, водопровод, куча одежды … можно с вами поговорить?

- За Лауру? Лауры здесь нет. Уже пару дней я ее не видел. - И тут же, естественно: - хочешь войти?

Карен покачала головой. Она достала из сумочки блокнот и ручку и написала адрес своей гостиницы. - Вы можете дать ей это?

Мужчина пожал плечами. - Карен, да?

Карен замерла, спускаясь по бетонным ступеням. - Вы меня знаете?

- Он рассказал мне о тебе.

Итак, ничего не оставалось делать, кроме как ждать. Ожидание заставляло ее чувствовать себя виноватой, пассивной. Он должен был что-то сделать. Но что? Нанять следователя? Нелепая идея. К тому же он не мог себе этого позволить. Итак, она решила дождаться телефонного звонка и похоронить себя в текстах, которые она принесла с собой. Фолкнер и сэр Вальтер Скотт. Книги путались в ее голове, в странном двойном изложении, со всеми этими странными семьями с призраком прошлого. Когда наконец зазвонил телефон, за день до истечения срока действия

ее билета, она вздрогнула, как будто ей дали пощечину. Он схватил трубку и сказал: - Лора?

- Тебе не нужно приходить сюда, ты знаешь? - раздался маленький, далекий голос. - Я имею в виду; я ценю это, но это бесполезно.

Он со всей силы сжал трубку. - Я хочу тебя видеть.

- Я рад. Но я не знаю, будет ли это возможно.

— Сегодня, - сказала Карен. - Я уезжаю завтра утром.

Последовало долгое молчание, между тиканьем и шепотом телефонной компании.

— Хорошо, - наконец со вздохом сказала Лора. - Ты в какой-нибудь гостинице?

Он повторил ей адрес.

- Увидимся позже.

Последовал щелчок, а затем неподвижный гул.

Карен была слегка шокирована, увидев свою сестру, хотя, очевидно, ей следовало этого ожидать: Лора выглядела как хиппи.

” Хиппи ” - это слово, которое Карен слышала в основном из телевизионных новостей. Неопрятные люди, участвовавшие в маршах протеста. Наркоманы. В Пенн-Стейт она держалась подальше от подобных вещей. У нее был приличный круг друзей, но почти все они были девушками из ее курса английского языка, и почти все они были консервативными. Он видел, как вращаются шпинели на некоторых вечеринках ассоциации студенток университета, переходящих из рук в руки, как обетные свечи, но это не продвинулось дальше этого. Все они были антивоенными, все политически прогрессивными, но никогда не участвовали так сильно. На самом деле они втайне гордились тем, что у них все в порядке.

Как и я, подумала Карен. Она была разумной. И у него были разумные друзья.

Лаура была одета в старинные джинсы и футболку, окрашенную в

ослепительное разнообразие цветов. Волосы у нее были все заплетены, а на ногтях она нарисовала что-то похожее на знаки зодиака.

Карен чувствовала себя странно захваченной всем этим, этим дерзким заявлением об эксцентричности. Возможно, она смогла бы убедить сестру отказаться от плохой идеи или глупого плана; но этот гардероб был чем-то слишком конкретным. Вот почему они так одеваются, подумал он, чтобы беспокоить нормальных людей.

Лора вошла в комнату и опустилась в кресло. — Я верю, - сказал он — - что ты здесь, потому что тебя послала мама. Верно? “Иди за Лорой и постарайся заставить ее рассуждать.”- Лаура передразнила широкий акцент матери.

Карен была поражена. - Да, это мама дала мне деньги.

- Значит, ты считаешь, что я прав? Думаешь, я сошла с ума?

- Тебе не нужно защищаться. Я не могу знать. Ты сошла с ума?

— Да. Это обычное состояние.

- Ты хочешь, чтобы я убедил тебя воздержаться?

— Нет. Конечно, нет.

— Ты выглядишь усталым, - сказала Карен.

- Да. Я пытаюсь организовать себя. Вы читали письмо? — добавил он с большей осторожностью. - Я ухожу.

- Куда?

- Вы, наверное, предпочли бы, чтобы я не говорил вам об этом.

Карен подумала, что это, вероятно, правда.

— У тебя довольно дикий вид, — в отчаянии добавила она.

— Представляю, - Лаура бросила на нее взгляд, и Карен заметила что-то более сладкое в ее лице. - Прости за все эти тайны. Хочешь, я тебе все объясню? Если вы пришли за объяснением…

Объяснение было бы лучше, чем ничего. — Но давайте сделаем два шага, - сказала Карен. - Я больше не могу находиться в этой

комнате.

Они взяли две бутылки Кока-Колы и двинулись вдоль пляжа.

— Я приехала в Беркли, — начала Лаура, - в основном из-за всего того, что я слышала о Калифорнии. Звучит глупо, не так ли? Ну, это было. Глупо и наивно. Но это было важно для меня. Зная, что где-то в мире был кто-то, кто использовал слово “урод”, не используя его как синоним “монстра”. Это был Тим, который всегда говорил о нас таким образом. Помнишь? - Мы уроды, - сказал он. “Мы должны привыкнуть к этому».

— У Тима всегда была жестокая полоса, - сказала Карен. - У него не было причин так говорить. И во всяком случае, это произошло так давно.

- Когда мы учились в средней школе. Но дело в том, что он был прав.

Карен повернулась к океану. - Ты не веришь в это.

- Думаю, да. И ты тоже в это веришь. - Он коснулся руки Карен. - Прости. Я знаю, как ты ненавидишь все это, но нам нужно поговорить об этом. Мы уже слишком долго не говорили об этом. Мы разные и были таковыми со дня нашего рождения. И поэтому папа так нас ненавидит. Вот почему он избивал нас каждый раз, когда ловил нас на том, что мы умеем делать.

Ужас Карен был безмерен. Он пытался апеллировать к объективности, которую он культивировал в школе. В его курсе психологии все это было бы очень просто. Но такие слова, как” папа “или” другой”, парили там, вокруг них, так, что ей было неудобно, и она не осмеливалась осматривать их слишком тщательно. — Те старые сны — - пробормотал он, - те старые игры…

- Это были не сны. Это были не игры, - Лора вздохнула и немного колебалась, возможно, думая, как поступить. Затем он продолжил терпеливым тоном. — Когда они говорят вам в течение определенного периода времени, с определенной настойчивостью и с раннего возраста, что что-то плохо, и безымянно, и грязно, вы неизбежно в конечном итоге верите в это. И вы не можете не верить в это. Я тоже так думал. Но мне посчастливилось выйти за рамки всего этого.

(Но ты никогда в это не верила, подумала Карен. Ты был как Тим.

Бунт был для тебя легким делом.)

— В Беркли, - продолжала Лаура — - все были кислыми…

- ЛСД? - Испугалась Карен.

- Не верь тому, что пишут газеты. Боже, не то чтобы все, что говорит Лири, было правдой, но он научил меня кое-чему. Я могла выйти из себя и впервые взглянуть на себя со стороны, — буркнула она в своем рассказе. - Это чувство возможности … я считаю, что это то, кем мы являемся на самом деле, мы с Тимом. Мы можем видеть то, что остальные люди не могут видеть.

— Возможность, - мрачным тоном повторила Карен. Но все это полностью выходило из-под его контроля…

— Миры, - продолжала Лаура. - Разве это не то, что все ищут? Лучший мир? Знаешь, когда-то мы ходили в “хейт” с друзьями. И было это самое чувство. Лучший мир возможен. И вы знаете, что такое Хейт сейчас? Гетто, полное молодых героиновых наркоманов. Он все умирает; он мертв. Они все ушли; в пустыне, в Соноре или в Орегоне. Само видение мертво. Поэтому я приехала сюда с людьми, и мы хотели создать сообщество, чтобы жить вместе более творчески… мы использовали именно эти слова. Ты видел дом? Дыра. И Джейми вернулся к своим родителям, и Кристина беременна, и Дональд в Канаде, чтобы избежать военной службы, и Джерри принял неприятный порок проколоться. И так мечта умирает, верно?

Карен была в ужасе. Наркотики, дыры и муниципалитеты. Он казался ей потрепанным.

— Но он не должен умирать, - сказала Лора. - Я обладаю этим умением. Это безумное умение уйти с планеты, двигаясь боком. И я убеждена, что там есть лучший мир. В этом клубке возможностей. Не сон, и не одно из тех адских мест, которые всегда открывал Тим. Я имею в виду правильное место. Место, где люди интересуются ближними, и где глупость не прибивает нас всех.

Карен сложила руки на коленях. - Думаю, мама была права. Я думаю, ты действительно сумасшедшая.

- Да ладно тебе, Карен, не делай этого. Если здесь есть кто-то, кто живет в мире грез, это именно вы. Помнишь ту ночь в старом доме на улице Константинополя? Когда мы спустились в ущелье,

и Тимми открыл дверь в этот старый приморский город с мощеными улочками? Холод, который он сделал, и этот человек…

— Мы все придумали, - сказала Карен, повышая голос больше, чем ей хотелось бы. На берегу на нее посмотрела пара.

Карен уставилась на землю.

— Ну, я помню, - сказала Лаура спокойным тоном. - Я помню бочки, которые взял за это Тимми. За мной. А потом к тебе. Ты больше всех. Потому что ты была старшей, нашей покровительницей. Это то, чем они хотели, чтобы вы были. Карен должна быть самой ответственной. Карен…

- Прекрати!

- Ты просто не можешь этого признать, не так ли?

— Нет, - ответила Карен.

— Нет. Потому что признать это означало бы признать так много других вещей. Что мир страннее, чем кажется. Что папа не всегда прав. Что когда папа бьет тебя, это не значит, что он любит тебя. Может быть, это означает противоположное. И, возможно, это худшее из всех.

Карен поднялась на ноги. На платье был песок. Когда он отряхнул ее, она почувствовала себя обиженной и смешной. Ее руки дрожали.

- Домой едешь? - спросила Лора.

- Не издевайся надо мной!

- Нет, Карен, прости. Но вам не нужно идти.

- У меня экзамены.

- Тебе не нужно сдавать экзамены.

- Что?

- Пойдем со мной. Мы могли бы сделать это вместе. Пересечь границы.

Он говорит серьезно, подумала Карен. Боже мой, он говорит

серьезно.

Он схватил ремень своей сумки. - Я никогда не хотел лучшего мира. Мне это не нужно! Разве ты этого не понимаешь? Все, что я хочу, это быть нормальным.

В то утро он уехал в Пенсильванию и в течение двадцати лет больше не видел свою дикую сестру.

Он сидел в кафе на Караколь-Стрит с той гнетущей памятью, которую не мог отогнать. Но Лаура, которая смотрела на нее сейчас через стол, постарела; не раскаивалась, но, конечно, менее дикая. — Ты была права, — призналась Карен, - во многом.

- Я думаю, что каждый из нас думал, что другой убегает.

- Может быть, так оно и было.

- Может быть, это все-таки так. - Карен поморщилась. — Есть так много вопросов, которые мы никогда не задавали себе, — продолжала Лаура, — которые мы никогда не позволяли себе задавать себе. Почему мы можем делать то, что можем? Мы-шутки природы, генетические ошибки? Или что-то еще? А еще есть Тим. Я не слышал от него с тех пор, как он ушел из дома в 72-м, а ты?

— Нет. Никто в семье этого не слышал-но это была опасная тема. - Не думаю, что это имеет значение. Прошлое есть прошлое.

Лора покачала головой. - Это важно.

Он оставил купюру и мелочь на обед, и они пробрались между столиками. Солнце светило над улицей Каракол, освещая ее с запада. Лора прикрыла глаза рукой и сказала:

8

Майкл решил, что Эммет-неплохой парень.

Эммет играл на акустической гитаре в группе латинского фолка под названием Rio Negro, а также делал номера в одиночку на территории бирюзового пляжа. Его квартира, которая находилась под квартирой тети Лоры, выглядела как магазин музыкальных инструментов. У него были струнные инструменты всех видов, висящие или просто прислоненные к стенам. Он объяснил Майклу, в чем разница между гитарой фламенко, классической гитарой и акустической гитарой; он показал ему Dobro, F-мандолину и старое банджо Vega с длинной шеей, “модель Пита Сигера”. Майкл бродил в этом скоплении, погруженный в изумление. - Я взял несколько уроков более или менее года назад … я знаю кое-какие договоренности.

- Да? - сказал Эммет. - Ну, если хочешь попробовать, вон там старый Гибсон. Он не выглядит великолепно, но звучит довольно хорошо.

Майкл с благоговением взял в руки гитару.

Материал для распродажи, подумал он, но механика была хорошей, а струны выглядели новыми. Арпеджио соль, ми минор, до. Она почувствовала, как пальцы сжались, но аккорды зазвучали.

Эммет взял свою гитару, Двенадцатиструнный Мартин. - У меня есть гитары ручной работы, и у меня есть иностранные гитары, но в конце концов я всегда возвращаюсь к этому старому Мартину. Она не очень тонка, но у нее есть звук, который мне слишком нравится. - Он присел на скамью с венецианцами и морем и сыграл пару сложных пьес, которые заставили Майкла почувствовать себя безнадежным любителем. Эммет улыбнулся сквозь бороду. - Хочешь что-нибудь сыграть?

Майкл сказал, что, возможно, он сможет следовать за ним в какой-нибудь фолк-пьесе. Union Maid, или Guantanamera, или что-то в этом роде. — Давай, тогда, - сказал Эммет, и Майкл попытался встать за ним, когда он прыгнул в “колокола Римни”. У него был грубый, громкий и баритонный голос, и Майкл был впечатлен искренностью, с которой он спел старую песню протеста Сигерса: “разве нет будущего, кричат полированные

колокола Мертира…?“Это заставило его вздрогнуть.

Они играли полдюжины штук, пока пальцы Майкла не ушиблись. Эммет широко улыбнулся. — Неплохо, - сказал он. Он сунул руку в карман рубашки и вытащил что-то, что Майкл опознал как косяк. Он зажег ее, отсосал и передал Майклу.

Майклу удалось остыть. - Может быть, лучше, если ты не расскажешь маме.

- Дым?

Майкл кивнул.

- Не одобряет?

— Не одобрять.

— Хорошо, - сказал Эммет. - Это останется нашей тайной.

Майкл осторожно дернул. Он пару раз курил в подвале Дэна по выходным. Он успел не кашлять, но сладкий, едкий дым пробежал по нему, как ветер. Она сразу почувствовала легкость головы.

Он сделал жест, чтобы вернуть старую гитару, но Эммет остановил его. - Держи ее, - сказал он.

Майкл прищурился. - Это не наследство. Пока ты играешь в нее, держи ее. Если ты устанешь играть в нее, я заберу ее обратно.

Майкл прижал гитару к себе на колени. Дневной свет отражался от краски. Это было не так плохо, как хотел заставить поверить Эммет. Боль в пальцах прошла, поэтому парень взял инструмент и сделал пару аккордов старой пьесы Пола Маккартни “вчера”.

Эммет с интересом кивнул. - Она красивая. Ты это придумал?

- Что? Ты ее никогда не слышал?

- Я должен был?

— Битлз, - сказал Майкл. - Знаешь, Леннон и Маккартни. Сержант Пеппер, Эбби-Роуд?

— Никогда не слышал, - весело сказал Эммет. - Они играют в твоей школе?

И вот Майкл снова вынужден был вспомнить, что он совершил долгую поездку на машине со своей тетей Лорой.

Легко было забыть об этом. Это было не похоже на пребывание в чужой стране. Все говорили по-английски, и все ехали по правой стороне дороги. Однако, подумал он, это была чужая страна. Эта концепция была ему знакома, благодаря книгам научной фантастики, которые он читал, параллельный мир.

Легко сказать. С этим легче иметь дело. Он играл в мяч с Эмметом на пляже, смотрел телевизор, в основном в те последние дни он вел себя так, как будто все было нормально. Он понимал, что это то, чего от него хотела его мать, и на данный момент, по крайней мере, на некоторое время, он был готов дать ей это. И иллюзия сработала; в течение нескольких часов он действительно мог забыть, что произошло в машине, или еще раньше, дома, с серым человеком.

Но потом его разум вернулся, и он вспомнил, что на самом деле он был чужаком в этом месте. И тогда возникали вопросы. Было очевидно, что Лаура обладала этой способностью, выходить из мира боком, и, следовательно, ее владела и ее мать, и, возможно, она могла даже продвинуться немного дальше; возможно, он тоже владел ею.

И что это было? Семья монстров? Колдуны? Космические пришельцы?

Трава вытерла ему горло, сделав его хриплым голосом. - Думаешь, у моей мамы что-то странное? — сказало.

Эммет, казалось, смутился вопросом. - Слишком рано говорить, чувак. Что ты думаешь?

Майкл покачал головой. Это не имело значения. - А Лора?

— Я люблю их, - осторожно сказал Эммет. - Это то, что ты хочешь знать?

- Нет, нет … я имею в виду; что бы вы подумали, если бы я сказал вам, что она ведьма?

- Я бы сказал, что вам лучше умерить свой словарный запас. И что, может быть, я хочу вернуть свою гитару.

- Я не это имел в виду. Я имел в виду такие вещи, как магические

силы и так далее.

- Магия? - Эммет выглядел позабавленным. - Твоя мама права, мальчик. Может быть, тебе стоит держаться подальше от этого.

Итак, Майкл ушел гулять по пляжу, один.

Он взял за руку гитару Эммета. Теперь его гитара. Он осторожно нес ее, сознавая, что трава слегка повлияла на его равновесие. Он пробирался сквозь скалы, что казалось ему бесконечным периодом, но когда он оглянулся через плечо, дом все еще был в поле зрения. Он сидел на глиняном блоке, из которого он мог видеть дом, чтобы он знал, когда вернется его мать, но не обязательно был замечен. Он сыграл несколько пустых аккордов. Очевидно, материал Эммета был довольно сильным. Марихуана из параллельного мира. Она закрыла глаза и легла на плоскую поверхность скалы, позволив полуденному солнцу залить ее.

Я-то, что моя мать. Я-то, что есть тетя Лора.

Неопровержимая логика. Однако это “то, что есть” оставалось необъяснимым.

Он почувствовал какое-то покалывание в конечностях, как дрожание пальцев. Он прижал ладони к теплой песчаной поверхности скалы. Горячая глина и пляжная смола. Я цепляюсь, подумал он. Я стою здесь на якоре.

Иллюзия, конечно. Солидность вещей. Их реальность. Что такое мир, если вы могли бы выйти в машине? Он понял, что это старый страх, и что однажды он спал с этим страхом, страхом мечтать и случайно оказаться за пределами планеты.

Этого никогда не было. Не случайно. Но, возможно, он мог сделать это нарочно.

Это была возможность, которую он никогда не осмеливался рассмотреть. Просто сделать это сейчас, хотя и в интимной близости его разума, заставило его вздрогнуть. Странное покалывание в его руках усилилось; если бы это был звук, подумал он, это был бы пронзительный стон.

- Сделай это, - прошептала она.

Никто не мог его слушать, кроме моря и этого рябого облачного неба.

Трава Эммета смыла его запреты. Увлекайся, подумал он. Почему бы и нет? Почему не сейчас, почему не здесь?

— Вина.

Он встал и протянул руки перед собой. Он осознавал шум моря, разбивающегося о скалы, и далекую чайку, кружащуюся по небу, а затем падающую вниз. Сначала он соединил два больших пальца, затем два указательных пальца, образуя круг моря и неба между его руками. Как частный телевизионный экран, подумал он. Покалывание превратилось в ощущение, похожее на волну электричества. Четыре миллиарда вольт с криком пробежали по его позвоночнику, чтобы сосредоточиться сейчас на этом круге воздуха. Это было шокирующее чувство.

Так что же в теле?

Он прищурился.

Представьте себе, что там шторм. Вихрь, водоворот, и водоворот-это сумма всех возможностей; двери и углы, открывающиеся из этого места в ста тысяч направлениях. Выберите один из этого множества. Чувствуй. Следуй.

Она закрыла глаза и снова открыла их.

Он держал в руках зеленый и красный мир.

Это могло быть то же самое побережье, но в панораме, которую он видел сквозь раму своих пальцев, не было моря. Зеленый был зеленью водорослей, гниющего скопления, занимавшего огромное пространство, которое исчезало только на горизонте. Красный был красным оксидов и пыли, безжизненного пляжа. Он переместил руки в сторону деревни и увидел кратер, похожий на бейсбольный стадион. Некоторые фигуры двигались среди сгоревшего щебня вокруг кратера; фигуры с колесами и с похожими на журавли телами из блестящей стали. Техника.

Машины пели про себя.

Перемена, подумал Майкл, раздраженный.

Он снова пролистал книгу возможностей.

На этот раз лучший мир. Мир, который выглядел так, как будто он пришел с обложки старого номера “популярной науки”;

крылатые машины, куполообразные особняки, обсидиановые пирсы, ползущие в воде. Там была гавань, полная лодок с парусами ослепительно белого цвета. В нескольких метрах он увидел флаг; красный с черным символом: лист и молот.

Майкл вспотел, но был словно загипнотизирован.

Изменение, сказал он себе.

На этот раз пустынный пляж; ни лодки, ни люди; только несколько молодых тюленей, играющих в бассейнах прилива. Тюлени подняли морды, словно почувствовав его присутствие.

Изменение.

Снег падал на спиральные металлические конструкции, черные и мрачные…

Изменение.

… мужчины в мехах, разжигающие огонь,…

Изменение.

… море, полное кораблей размером с целые города.…

Изменение.

Он замолчал, когда был совершенно истощен.

Он упал на успокаивающую плоскость скалы.

У него кружилась голова.

Они действительно там, подумал он. Все эти места, и миллионы других.

И дело было не только в том, чтобы увидеть их. Он мог бы пойти туда. Он мог пересечь самую непроницаемую из преград.

Он понял, что ему есть чему поучиться. Он сосредоточил свое внимание на дюжине разных направлений, и, возможно, это было нехорошо. И более того, он, конечно, не мог вращаться каждый раз, когда хотел это сделать… и он знал, что хочет сделать это снова. По крайней мере, он испытал кое-что для себя; что бы они ни делали, он тоже мог это сделать.

Это семейное дело, подумал он.

Больше никаких секретов.

Он повернулся к дому и увидел остановившуюся машину тети Лоры. Из него вышла его мать, которая уже искала его глазами, с тем тревожным видом, который он очень часто принимал в те дни.

Но все изменилось.

Майкл поднялся на ноги, взял потрепанную гитару Эммета за гриф, смахнул песок из-за брюк и двинулся к дому.

9

Майкл молчал в тот вечер за ужином. Мать тоже молчала, морщась в широкой Восточной чаше, которую поставила перед ней тетя Лора. Только Лаура говорила, нарезая имбирь или ухаживая за своим китайским котелком.

Он рассказал о своей работе. Она была Гончаром, и у нее была печь в магазине за домом, где она работала терракотой и фарфором, которые она продавала дорого в сувенирных магазинах вдоль шоссе. Он думал о новой цветочной теме; Что-то простое. Классический. О, и китайская капуста была свежей сегодня. — Все так хорошо пахнет, - рассеянно сказала мать Майкла. - А погода, разве она не замечательная? — Эра. - И так далее.

Но время от времени Лора задумчиво смотрела на Майкла. Он понял это и начал приобретать определенное самосознание. Он понимал, что тайный талант тети достаточно силен и откровенен, если знать, что искать: какую-то ауру или эманацию. Майкл задумался, не приобрел ли он такой же вид.

Но никто ничего не сказал.

Он проснулся на следующее утро, желая снова проявить себя. Он сидел нетерпеливо на протяжении всего ритуала завтрака, смотрел телевизор и затвердевал свои мозоли новой гитарой. Он хотел отмахнуться, не давая в глаза. Но ситуация была немного напряженной: тетя и мама постоянно кружили по дому. Она чуть не сдалась, когда за пару часов до обеда ее мать объявила, что она пойдет за покупками; по ее словам, это было самое меньшее, что она могла сделать, и она уехала с машиной своей тети Лоры, списком покупок и горсткой тех нелепых государственных банкнот, которые на бирюзовом пляже проходили за деньгами. Майкл попрощался с Дюрантом, затем равнодушно зашагал к задней части дома, намереваясь пройти мимо керамической мастерской, а затем добраться до пляжа. Но когда он обошел лачугу лаборатории, то увидел Лору, которая ждала его возле камышовых ворот. Было уже поздно возвращаться.

Тетя Лора ему нравилась. Он был всего на пару лет моложе своей матери, но они казались намного больше. Она успокаивала его. Она почти всегда была довольна. И это был большой контраст. За те несколько дней, которые они провели там, Майкл начал

понимать, насколько несчастна его мать после развода. Их дом в Торонто был глубоким колодцем тишины. Сколько времени прошло с тех пор, как они в последний раз улыбались друг другу? Много времени.

Тетя Лора улыбалась. Он улыбался даже сейчас, стоя рядом с потрепанной калиткой в своих Леви и рубашке. У него была пара круглых солнцезащитных очков, которые Майкл считал очками в стиле Джона Леннона.

- Прогулка? — церковь. Тон вопроса был наполовину забавным, наполовину серьезным.

Майкл смутился. - Более или менее.

- Знаешь, - сказала она, - мне кажется, нам стоит немного поговорить.

— Я бы с удовольствием, - сказал он. — Иногда. Конечно, но…

— Поговорим о тебе, Майкл, - сказала она. - О том, на что ты способен. О том, что ты делал на пляже вчера.

Он не мог ничего сделать, кроме как уставиться на нее.

Лаура догадалась о долгой прогулке своего племянника накануне; основываясь на некоторых подсказках, особенно на его внешности, и на некоторых комментариях Эммета. Судя по выражению его лица, он догадался в полной мере.

Но самое удивительное, подумала Лора, было то, что этого никогда не было до этого.

Он посмотрел на племянника с максимальной объективностью. Он был достаточно репрезентативным экземпляром мужского пола-подростка. Немного изможденный в своей синей толстовке, потертых джинсах, коротких волосах и песочных кроссовках Nike. Она начала загорать, и легкие юношеские прыщи исчезали. У нее были темные глаза, а иногда и хитрые, что напоминало ей Карен. У Карен тоже была такая же привычка избегать неудобных истин, но в Майкле она была менее выражена.

Семейная черта, подумал он.

Мой племянник, подумал он. Сын Карен. Единственное поколение, которое мы произвели … если только Тим не был

рядом, чтобы выставить на свет колдунов.

Она гуляла с ним по тихим улочкам за домом. Бирюзовый пляж был страной садоводов, и ей очень нравилась вся эта тропическая зелень, которая выливалась из садов и беседок: Бугенвиллия, алоэ, плющ. В такое утро воздух был наполнен дикими ароматами.

Было бы очень тяжело покинуть это место, подумал он.

Но они еще не достигли этой точки.

- Твоя мама никогда не рассказывала тебе о том, как обстоят дела в нашем доме? — сказало. - О твоей бабушке и дедушке и о том, как была с ними жизнь?

Конечно, Майкл еще не приспособился к идее этого интервью. Он покачал головой. — Мало. - А это значит, подумала Лора, наверное, никогда.

Он собрался с мыслями. Как передать то, что он имел в виду, так, чтобы это имело смысл для пятнадцатилетнего мальчика? Слишком много древних страданий. Трудно было извлечь из этого хорошую историю. — Нас было трое, — сказал он, - я, твоя мама и Тим. А потом твой дедушка и бабушка. Мы много двигались, но у папы была его латунная табличка, которая торчала везде, где мы двигались, “ФОВ”. Мне всегда казалось, что это имя какого-то экзотического животного. И иногда я думал, что мы просто такие; отдельный вид.

Взгляд Майкла был осмотрительным, но заинтересованным.

- Мама и папа были теми, кого можно назвать нормальными людьми. Люди из Долины МОН или из реки Огайо. Я все еще слышу это, как говорит твоя мама, и даже во мне, иногда. Папа работал в разных местах. На литейных заводах, особенно когда сталелитейная промышленность еще процветала. Он был сварщиком и умел пользоваться токарным станком. Но он много пил, и его часто увольняли. Мы жили пару лет в Дюкене, а затем в нескольких местах вокруг Питтсбурга. С ним было немного трудно жить; он вел печальную и горькую жизнь. - Она тяжело вздохнула и увидела, что Майкл все еще слушает ее. - Пожалуй, мне было легче. Я была красивой, и я была средней. Тим был мужчиной. Поэтому от него ожидали определенных вещей. И Карен … Ну, твоя мать была самой старшей, и, возможно, она была в худшем положении. Каждый раз, когда мы с Тимом делали

что-то не так, именно она принимала их.

- Должно быть, это было тяжело… - сказал Майкл.

- Быть тем,кто мы есть? - было очевидно, что он имел в виду именно это. Суть. Но даже сейчас об этом было трудно говорить. Он никогда не мог сказать что-то, даже такому, как Эммет. - Сложнее, чем ты себе представляешь. Когда мы были маленькими, мы играли в игры. Мы называли их “делать окна” или”делать двери”. Мы знали, может быть, только на инстинктивном уровне, что это вещь, которую нужно держать в секрете. Тогда мы делали это ночью, то ли в темноте, то ли в ущелье, за старым домом на улице Константинополя. И иногда … иногда они обнаруживали нас.

Его голос упал до шепота. Майкл шел рядом с ней, пристально глядя на шнурки.

- Папа говорил, что это самое худшее, что может сделать человек. Худший грех. Это был такой серьезный грех, что даже не было написано в Библии, за исключением того места, где он говорил, что позволяет ведьме жить. Это было плохо, и это поставило бы нас в беду … или убило бы нас.

- Вы так говорили?

- Во всех отношениях. Очень часто. И иногда он даже говорил нам об этом с бочками.

Майкл вернулся к изучению тротуара.

Лаура продолжала: - мы, конечно, относились к этому серьезно; но для меня, и тем более для Тима, искушение всегда присутствовало. Это было естественно. Мы умели это делать. И поэтому, иногда, когда мы были уверены, что нас не поймают, мы делали это; мы открывали окна и двери. Мы делали это, а затем молились Богу, чтобы он простил нас. Но Карен восприняла все это всерьез. Мы все верили папе, но Карен верила ему с ужасной, страшной силой … я думаю, что ослепла. Я думаю, что с какой-то точки зрения он все еще верит ему.

Они прошли по тенистой улице к углу и свернули направо. Они прошли еще пару этих высоких старых домов и оказались на каменистой равнине, полной камней и сорняков. Желто-черный мольберт с надписью “Внимание, прерванная дорога” обозначал конец асфальта. Дальше был травянистый мыс,а в конце-выступ

на море метров на двадцать. Внизу вода пенилась на скалах.

Лора села и обняла колени. Майкл прислонился к камню и уставился на простор воды.

— Ты не привык так думать о своей матери, - сказала она.

- Думаю, нет. - Нужно время, чтобы привыкнуть.

Он выглядел очень задумчивым. Она позволила тишине течь. Это место ей нравилось, и это было хорошо.

Майкл взял травинку и разделил ее пополам вдоль. - И это все? — церкви.

- В каком смысле?

— Я никогда не слышал ни о ком, кто мог бы сделать такое. А ты? Я имею в виду, что это не похоже на экстрасенсорное восприятие или колдовство, о котором можно что-то прочитать в библиотечной книге. Мы все родились такими, верно? Но почему? Откуда это взялось?

Лора пожала плечами. - Мы так и не узнали.

— Вы имеете в виду, — возразил Майкл, — что вы никогда не спрашивали.

- Никогда не было никого, у кого мы могли бы спросить. Не маме и папе, это было точно. Они не обладали талантом. Достаточно было посмотреть на них, и вы знали, что у них его нет. Их родители? Однажды я познакомился с бабушкой ФОВ. Он жил в старом доме в Уилинге с тремя кошками и доберманом, прикованным цепью к лачуге с инструментами. Это была обычная пожилая дама. Кроме того, я думаю, мы бы узнали, если бы наши родители произошли от таких людей, как мы. Есть особый способ подразумевать вещи… и никто из них так не говорил.

- Тогда это загадка.

— Да, - согласилась Лора. - Это загадка.

- Ты думаешь, мы когда-нибудь его раскроем?

Вопрос тронул ее нерв. Он выгнул спину и повернулся к морскому ветру. Ветер поднимался с обрыва, как река; все годы, в августе, люди приезжали туда, чтобы летать на воздушных змеях. Но

время изменилось. Теперь было слишком холодно.

Он повернулся к племяннику и сказал: - Возможно, мы будем вынуждены это сделать.

Прежде чем вернуться домой, Лора сказала ему: - Покажи мне, что ты умеешь делать.

Сначала Майкл неохотно. Это была интимная вещь, вещь, которую он только что открыл. Но затем он подумал о том, что она сказала ему, что это было намного больше, чем когда-либо говорила ему его мать, и подумал, что он в некотором смысле обязан ей.

Но, возможно, он не мог этого сделать. Возможно, он потерял способность. Может быть, его нужно было “выкурить”, чтобы сделать это… может быть, он слишком нервничал.

Он вытянул руки вперед и соединил указательные и большие пальцы, как это было накануне. Ничего не произошло. В отчаянии Майкл искал внутри себя ту искру электричества, которую ему удалось вызвать на пляже. Он вспомнил это чувство, то, как оно, казалось, исходило не от него, а через него, высосанное из земли; это странное электрическое напряжение гранита, известняка, морского дна, магмы и тектоники. И вот, вспомнив об этом, он, наконец, снова начал ее чувствовать; сначала слабая, как покалывание, потом что-то более сильное. Да, подумал он и открыл в его руках водоворот возможностей.

Он показал ей опустошенный мир без океана, который она обнаружила накануне. Он показал ей пустой мир; сегодня все тюлени собрались дальше по берегу, и пошел серый дождь. И он показал ей места, которых он никогда раньше не видел, места, совершенно отличные от бирюзового пляжа; пустынные миры, океан, никогда не прерываемый землей, небо высоких лавандовых облаков… и снова. В уголке его сознания находилось смутное сознание Лоры прямо из поля его зрения, выглядывающее из-за его плеча. Ее восклицания изумления, которые она едва ощущала, сделали его счастливым. Она тоже это видит, подумал он. Это была не галлюцинация, и он не был сумасшедшим, и он был не одинок. Теперь возбужденный, он прошел через дюжину взрывных изменений, пока чувство усталости, своего рода внутренней усталости не заставило его остановиться.

Он упал на валун. У него пульсировал мозг. Он сделал большой,

удовлетворительный глоток воздуха и сказал: - Как это было? Это было хорошо?

Лора смотрела на него как на издалека. Его голос прозвучал слабым и хриплым: - я никогда не умела так много делать…

Спор между двумя сестрами вспыхнул вечером, хотя напряженность была жива в течение всего дня.

Это была их третья неделя в этом доме. Часть напряжения Карен, несомненно,проистекала из стресса от жизни с Лорой, которая в глубине души все еще была для нее почти незнакомой. Кроме того, он все еще находился в том периоде адаптации, который неизбежно следует за любыми внезапными изменениями.

Но это была только часть. Было еще одно, что беспокоило ее глубже. Мир, в котором жила Лаура, показался ей, как ни странно, слишком знакомым. Как только Карен начала чувствовать себя как дома, она наткнулась на какое-то несоответствие, от которого у нее кружилась голова. Накануне, например. Она стояла в очереди в продуктовом магазине и слышала, как продавщица сказала кассиру, что Джон Ф. Кеннеди умер: на пенсии, в Новой Англии, в 72 года. Сердечный приступ, сказал он. - Я восхищался этим человеком, хотя он был католиком.

Умер бывший президент Джон Фицджеральд Кеннеди, пишет газета L. A. Times. Похороны были запланированы на воскресенье. Власти собирались в Вашингтоне. Президент Бартлетт выразил соболезнования и так далее.

Все эти годы назад, подумала Карен, О ком она плакала?

Вы действительно можете устранить пулю? Просто желая этого?

Она была ошеломлена в течение нескольких часов, размышляя над этим.

Но дело было не только в этом. Была также атмосфера самой страны, бирюзового пляжа, с ее легкой жизнью, которая, казалось, так нравилась Лоре. Карен нравилась гораздо меньше. Она была из бесцельного гедонизма, и она не была уверена, что хочет, чтобы Майкл оставался там разоблаченным еще очень долго. Майкл полюбил Эммета, парня внизу Лоры; Эммет, который играл на гитаре, чтобы жить, и которого Карен заметила на пляже, куря травку вечером.

Все это способствовало стрессу Карен. Но именно Лора начала дискуссию, настаивая на желании поговорить о Майкле.

Майкл лег спать. Лаура заканчивала мыть посуду. Карен надела ночную рубашку и халат, но не могла уснуть, и потому сидела на кухне, под холодным светом огней на потолке, прислушиваясь к шуму мокрой посуды, натыкающейся между ними в раковине.

Лаура отклонила его предложение высушить посуду и сказала: - Знаешь, я думаю, тебе действительно стоит с ним поговорить.

— Майкл в порядке, - ответила Карен. - Он хорошо вписался в эти последние дни.

- Я не думаю, что какие-то мелочи еще пригодятся, не так ли? Ты понимаешь, что я имею в виду.…

— Талант, - сказала Карен. - Вы, должно быть, все это сосредоточили?

- На этот раз да. Вы никогда не задумывались о том, как это должно дезориентировать и запутать его? Не только бирюзовый пляж, но и весь этот беспорядок, который был перед отъездом … Серый человек. Что вы должны думать об этом?

Я бы предпочла, подумала Карен, чтобы она вообще об этом не думала. Он знал, что было бы нелепо говорить такое, но было бы намного проще, если бы… было бы намного проще, - сказал он, - если бы мы могли ограничиться нормальной жизнью здесь.

- Нормальный! - сестра уронила пластиковый кувшин в раковину. - Ты держишь это слово как некую религиозную реликвию! Я имею в виду, я понимаю тебя… Но Боже, Карен, я не уверена, что мы с тобой можем позволить себе стремиться быть “нормальными”!

- Ради Майкла!

- Именно об этом я и говорю. Он милый ребенок, ему любопытно, и я считаю, что он заслуживает всех объяснений, которые мы можем ему дать.

Карен некоторое время молчала. — Я надеялся держать его в стороне от всего этого, - сказал он наконец.

- Ты немного опаздываешь.

Лаура вытерла руки и села за небольшой квадратный стол.

- Майкл-яркий и любопытный парень. Он должен говорить с тобой об этих вещах, а не со мной.

Карен резко подняла взгляд. - Он говорил с тобой?

— Да.

- Что ты ему сказал?

— Истина.

Карен ахнула. - Все? Я имею в виду то, что происходило дома, с Тимом, с папой, и все такое?

— Весь.

Она была огорчена. Все происходило за его спиной. - Он еще не готов! Ей всего пятнадцать! - Это было похоже на заговор. - Господи, Лора, это мой сын! Я тоже имею право принимать определенные решения!

- Он твой сын, и мне жаль, что я вмешался. Но он также очень запутанный парень, который отчаянно нуждается в ответах. Он должен был прийти к тебе, но он этого не сделал. Он чувствовал,что не сможет.

- И тогда он пришел к тебе? Но почему? - Ей было больно. - Почему ты являешься частью этой утопии хиппи? И что ты ему сказал? Что все в порядке, просто наденьте узкие потертые джинсы немного чаще?

Лора поднялась на ноги и вернулась к раковине, уставившись в окно, совершенно темное. Карен могла видеть его лицо, отраженное в стекле, с поджатыми губами.

— Это лучшее, что мне удалось получить, - сказала Лора. - Ты это понимаешь? Я верю … я считаю, что, что бы это ни было, наш талант как-то связан с воображением. Умение видеть вещи, которых нет, или, по крайней мере, видеть их форму, контур. Я хотел найти лучшее место, которое мог, место для жизни, здоровое место. Я хотел, чтобы он существовал со своими мечтами. И это лучшее, что мне удалось получить, - пожала она плечами. - Может быть, я не смогла получить много.

— Я не хотел этого говорить.…

- Возможно, Майкл мог бы добиться большего. Вы никогда не думали об этом?

- Майкл? - повторила Карен, взяв себя в руки.

- Это совершенно очевидно. Попробуйте взглянуть на него, иногда. Я имею в виду действительно смотреть на это. - Лаура снова повернулась к ней. Его пальцы сжали край раковины. - Я считаю, что он талантливее нас… может быть, у него даже больше, чем у Тима.

Но это было не то, о чем Карен хотела думать.

Было уже плохо, что Майкл должен был все знать. Было уже плохо, что она привела его туда. Было уже плохо, что Лора втянула его в это старое семейное несчастье. Это было плохо, но в глубине души это также могло быть понятно. В конце концов, он был частью этого, и, возможно, ей следовало поговорить с ним об этом.

Но она не хотела признаваться себе, что Майкл тоже может обладать талантом.

Она не позволяла себе в это верить. Это было большое табу. В последний раз она рассматривала эту идею (воспоминание вернулось в ее сознание), когда она была беременна. Майкл тогда еще не был Майклом, это было просто присутствие внутри нее; странная тяжесть, жизнь, которая вылупилась внутри ее живота. Лежа ночью в своей постели, чувствуя, как он пинается, она позволила себе подумать: А что, если он такой же, как я? Он представил, что это похоже на одно из тех генетических заболеваний, как у Вуди Гатри. Это испортило его жизнь, и это могло испортить и жизнь его сына.

Сможет ли она вынести такое?

Она прижалась к Гэвину, который крепко спал, пока его тепло не проникло в ее тело. В этот момент, погрузившись в мучительный сон, он решил, что даже не рассмотрит такую возможность. Их сын был бы нормальным. Она сделала бы это нормальным. Он желал бы своей нормальности, молился бы за ее нормальность; у них был бы нормальный дом. Конечно, этого было достаточно?

И поэтому, конечно, Лаура была права. Он превратил это слово

“нормальный” в икону. Это был подарок, и она попыталась подарить этот подарок Майклу. Он пытался, и, что было очевидно, он потерпел неудачу.

Он поднял голову и уставился на сестру. - Ты хочешь сказать, что это я сбежала, спряталась.

- Когда-то я так и думал. Но теперь я не думаю, что могу быть так уверена в этом. Я думаю, мы оба убежали, каждый по-своему. Майкл другой, - добавила она.

- Что ты имеешь в виду? - спросила Карен, слегка испугавшись.

- Она так и не научилась этого бояться. Он задавал вопросы, на которые ни я, ни ты не можем ответить. Мы все это унаследовали? Это чудо, или это то, что мы можем понять?

Карен покачала головой. - Нет ответов.

- Мы не можем быть уверены. Мы никогда не искали их.

- И как мы должны были это сделать?

- Карен, я не знаю. Но я думаю, что мы должны начать с дома, с мамой и папой. И нам, вероятно, стоит поговорить об этом с Тимом.

- Но это абсурд.

- Это так?

- Здесь мы в безопасности.

- Мы? - возразила Лора.

- Что ты имеешь в виду?

Он говорил осторожным, размеренным тоном. - Серый Человек. Это еще одна вещь, о которой мы никогда не говорили. Но это тот же человек, не так ли? Тот самый человек, которого мы видели в тот вечер в ущелье, с Тимом, много лет назад.

Карен внезапно погрузилась в свой сон, на темные улицы этого другого приморского города, с холодной галькой под босыми ногами, и Серый человек — это был именно он — предлагал им подарки из пещерных глубин своих карманов. И Лаура тоже помнила это, и в результате это был не сон. Это было

воспоминание, и только ее отчаянное желание не верить в это убедило ее в обратном. — Вы не можете найти нас здесь, - сказал он.

- Ты не знаешь, как мне хотелось бы в это верить. Я просто не знаю, правда это или нет. Дело в том, что мы не знаем. Не в этом ли дело? Мы не знаем достаточно, чтобы защитить себя.

- Но ты же сказал, что здесь мы будем в безопасности!

- Безопаснее того места, где вы жили. Но я до сих пор не знаю, сколько.

— Я не хочу возвращаться домой, - прошептала Карен. - Я не хочу снова вытаскивать все это дерьмо.

Лаура сжала тряпку посуды и повесила ее на просушку. Он подошел к Карен и положил руки ей на плечи. Контакт был прохладным, расслабляющим. — Я тоже — - сказал он. - Ты не знаешь, как сильно я хочу не возвращаться домой. Я бы не сделала этого для себя, и если ты хочешь знать правду, я бы тоже не сделала этого для тебя. Но я думаю, что вместо этого мы должны это сделать; для Майкла.

Той ночью Лора спала внизу с Эмметом. Их отношения приходили и уходили, обычно по усмотрению Лоры. Эммет был почти патологически безразличен к отношениям. Если Лора хотела быть его женщиной, она ему нравилась. Если у него было что-то еще, или кто-то еще, чтобы увидеть, что ж, он мог жить и так.

Это не было нездоровым отношением; и более того, это вполне отражало подход самой Лауры, но, конечно, грешило чем-то с точки зрения страсти.

Но в тот вечер она нуждалась в его тепле. Она лежала рядом с ним в своей постели, старой потрепанной кровати с балясинами, которую она нашла в антикварном магазине в Пуэбло-де-Лос-Анджелес, прижавшись к невероятному пуховому матрасу. Они занимались любовью, и теперь в спальне было темно или прохладно; удобная ниша. Иногда ей нравилось представлять кровать Эммета как парусную лодку, дрейфующую посреди моря, со скрипом досок. Она думала, что это хороший способ заснуть.

Эммет встал с места, закурил ствол и передал его ему. Она потянула, но чуть-чуть. Она боялась впасть в паранойю. Но так

было хорошо, потому что это сгладило бы углы вещей. В тот вечер она хотела спокойствия, спокойствия и расслабления.

За бамбуковыми занавесками стояла темнота и звук волн. Большая рука Эммета задвигалась, поглаживая ее плечо. Простыня Эммета была легкой и прохладной, как дождь. Эммет сделал большой рывок, и она увидела, как угли косяка блестят в темноте.

- Что бы вы подумали, если бы я ушел? - спросил он, почти не желая этого.

Эммет, время реакции которого было довольно медленным, даже когда он не курил, подумал об этом. Через некоторое время он сказал: - Куда ты идешь? И как долго?

Он погладил мохнатые волосы на ее груди. - Я не могу сказать, где. Может быть, на некоторое время.

- Долго?

- Может быть и так. Что бы вы сказали?

— Я бы спросил, — задумчиво сказал Эммет, - собираетесь ли вы вернуться или нет.

— Я почти наверняка вернусь, - сказал он — - вы уклоняетесь от вопроса.

- Ты уже знаешь ответ. - Он сел, скрестив ноги, и она восхищалась тем, как луч лунного света играл на его голых ногах. Бледная плоть, как далекие горы. — Я буду скучать по тебе до твоего возвращения, — сказал он.

Он должен был доставить ей удовольствие. Как ни странно, это было не так.

Она злилась на Эммета и на себя. Что он на самом деле хотел ей сказать? “Разве я не могу жить без тебя?“Останешься или я выстрелю?“У него были определенные отношения, и он, конечно, не мог жаловаться, если он сотрудничал.

И все же (теперь его раздражение достигало апогея), дело было не только в Эммете. Речь шла обо всем; о бирюзовом пляже и его жизни там. Визит Карен пробудил слишком много старых воспоминаний. Лаура прибыла сразу после потрясающей

психоделической спирали Беркли в конце шестидесятых, и бирюзовый пляж показался ей далекой колонией, более мягким форпостом той же бурной империи.

И все же … и все же в те дни она была заряжена энергией, одержима идеей идти дальше, Дальше, глубже. С тех пор, хотя и незаметно, по сантиметру за раз, его жизнь замедлилась. Окончательное откровение, то, что они называли “белым светом” на своих университетских сессиях на основе ЛСД, всегда оставалось вне его досягаемости. И вот пыл упал. И жизнь стала просто приятной.

Ее случайные отношения с Эмметом были приятными. Она всегда была бы приятной. Но Карен, и этого Лаура не ожидала, привела пример морали. Карен прибыла туда с ее принудительным конформизмом, ее чрезмерным вниманием к “нормальности”, со всеми ее старыми страхами, нетронутыми; и все же Лора видела, как она заботилась о своем сыне; глубоко, невыразимо, всем сердцем, и понимала, что ее страсти, по сравнению с ними, незначительны, и что ее представление о любви ограничено и эгоистично. Карен любила Майкла так, что он действительно шел дальше, дальше и глубже.

Он почувствовал прилив головокружения, вызванный сильной травой Эммета. У него создалось впечатление, что кровать закружилась назад. Ночь внезапно взяла верх, как стена.

Любовь, подумал он, очень опасная вещь.

Эммет выпрямился, почти засыпая. Она повернула голову на подушку. - Знаешь, - сказал он далеким голосом — - Майк был прав, может, ты и впрямь немного странная.

Но время шло; неделя, десять дней, и Лора начала думать, что она ни о чем не беспокоилась, что она была необоснованно параноиком… это было до вечера, когда Майкл пришел домой террео в лицо, сказав, что видел серого человека на пляже.

10

- Кто это? - Майкл все еще не мог сдержать этот вопрос. - Откуда он взялся?

Но его мать и тетя просто обменялись украдкой взглядами, как бы напоминая друг другу обоюдную вину, договор, условия которого окончательно истекли.

Он снова взобрался на утес, в том же месте, где разговаривал со своей тетей пару недель назад.

Майкл понимал, почему ей понравилось это место. Мы повернули в одну сторону, и можно было увидеть бирюзовый пляж, расположенный в холмах в рациональных, чистых блоках. Вместо этого достаточно было повернуться в другую сторону, чтобы увидеть океан, а пена волн отражала свечение Солнца. Высота заставляла все казаться очень далеким, неподвижным и очень стилизованным.

В тот день воздух тоже был неподвижен. Он расположился так, чтобы вы могли видеть самую песчаную часть пляжа, на север, где некоторые люди лежали на своих полотенцах, чтобы поймать этот солнечный луч позднего октября. Майкл уставился на далекие силуэты этих песочных тел, бренча бессознательными узорами на Гибсоне. Теперь его пальцы были немного свободнее, благодаря ежедневной практике. Он сыграл несколько пьес “Битлз” и с удивлением подумал о том, как будет впечатлен Эммет. Эй! Он подумал: если мы останемся здесь, я стану автором музыки; меня назовут Ленноном Маккартни.

В эти последние недели он также практиковал свой другой талант. Лора многому его научила. Она показала ему важность дисциплины, контроля.

— Возможно, у вас большой талант, — сказала она ему, — но вы должны научиться концентрировать его, целиться в него. Это похоже на разницу между тем, чтобы идти туда, куда вы хотите, и быть разбитым здесь и там во время шторма. Вы должны знать, куда вы идете, и вы должны знать, как вернуться.

Она была с ним, когда он впервые сделал дверь. В углу пляжа, между двумя большими валунами, Майкл открыл проход, держа его открытым, пока они оба не пересекли его. Они прошли от

бирюзового пляжа до пустынного мира, который он видел через окно своими пальцами, с полчищами тюленей, движущимися по пляжу в темных массах. Он оказался под ярким солнцем с Лорой за спиной, и тюлени сразу же подняли морду, чтобы посмотреть на них, покачивая головами с открытым любопытством. Майкл сразу понял, что никто никогда не охотился на этих животных … он знал, даже не подумав, что на этой планете человека не существует.

Затем Лора показала ему путь назад, поздравила его и сказала, чтобы он больше не делал этого.

Он был поражен этим. - Почему?

— Потому что это не игра, - сказала она ему. - Потому что это может быть опасно. И тогда есть еще одна причина. Я не знаю точно, но я думаю, что это может привлечь внимание … иногда мне интересно, не является ли это своего рода приманкой.

Потому что, подумал Майкл, в отличие от тюленей, за нами охотятся. Лора этого не говорила, но именно это она и имела в виду. Кто-то охотился за ним.

Стоя на мысе, один, он сделал маленькое окошко пальцами. Конечно, это не привлекло бы внимания… он посмотрел на далекий пляж между пальцами, почувствовал сначала покалывание энергии внутри себя… а потом остановился. Там было что-то знакомое…

Затем в круге ее пальцев Майкл увидел серого человека.

Его изумление было безмерным. Она уронила руки на бедра, потерев их о джинсы, как будто прикоснулась к чему-то зараженному. Он сделал несколько шагов назад очень медленно и присел на корточки, прячась за высокой травой и перепадом высот мыса.

Затем он снова шагнул вперед, вспотев. Серый человек, ходок, все еще стоял на пляже, среди купальщиков в своем сером пальто и шляпе, как в уродливой галлюцинации. Невероятно, но никто не обращал на это внимания. Он был невидим, подумал Майкл. Магия. Ходок мог это сделать; сделать себя невидимым в толпе. Ничто не казалось ему невозможным.

И теперь Серый человек смотрел на него издалека.

Майкл чувствовал себя разоблаченным, уязвимым. Он меня видит. Он понял, что Лаура права, что Серый человек привлечен его энергией. Или, может быть, его привлекали независимо от того, тренировался он или нет. Он был втянут в скрытые врата мира; от него можно было убежать, но нельзя было избежать его навсегда. Он нас видит, подумал Майкл.

Он поднялся на ноги. В этот момент больше не было причин не делать этого.

К настоящему времени установилась связь, контакт. Он смотрел на серого человека через песчаный пляж, и это было похоже на то, как другой расширяется, пока полностью не занял его поле зрения. Майклу показалось, что он слышит голос серого человека в своей голове, мягко намекая.

Ты заслуживаешь объяснения, сказал Серый человек. Я могу отдать ее тебе.

Нет, подумал Майкл. Нет бартера. Они охотились за ним. Это он уже знал. Он был бы сумасшедшим, чтобы принять любое предложение… он был сумасшедшим, чтобы стоять там, загипнотизированный.

Но голос был неотразим.

Я знаю тебя, Майкл.

Он чувствовал, что в этих словах есть правда.

Я знаю тебя лучше, чем они.

Ходок подошел к обрыву. Движения его были осторожными, нежными. Ее глаза были прикованы к глазам Майкла. Даже на таком расстоянии Майкл чувствовал давление.

Пойдем со мной, - сказал Серый человек.

Где? - Поинтересовался Майкл. Куда вы хотите меня взять?

Ответ был немедленным. Он закрыл глаза, и в темноте его век он увидел древний промышленный город с мощеными улицами, высокими черными зданиями, каменными воротами, на которых были выгравированы изображения глаза и пирамиды. Что ж, черт возьми, подумал Майкл, я могу пойти туда, если захочу. Он гордился своими новыми способностями. Я могу найти его, это

место.

Мы можем пойти вместе.

Это было не очень далеко…

Но его отвлек проблеск цвета на пляже. Из бани выбежала маленькая девочка в полном костюме ярко-желтого цвета. Он побежал к серому человеку. Он видел это, подумал Майкл. Это был элемент, который его магия упустила из виду. Он подбежал к нему, упал на землю и уставился на него; он смотрел на этого таинственного человека, на этого невидимого человека или, по крайней мере, на того человека, который не был одет как пляж.

Заклинание сломалось, когда внимание Майкла сместилось. Он поморщился, понимая, что оказался на грани страшной капитуляции.

Она почувствовала раздражение серого человека, поднимающегося с пляжа, как жестокая волна тепла. Почти случайным движением Уокер сделал жест рукой в сторону маленькой девочки, и маленькая девочка упала назад вне времени. Движение, которое Майкл едва мог ощутить, как погружение в хаос возможностей. Девочка исчезла с пляжа без шума.

Майкл помолчал мгновение, потрясенный увиденным. Это было убийство, совершенное так же холодно, как убийство мухи.

Он снова уставился на серого человека, а затем повернулся, чтобы бежать по травянистому склону мыса, мимо старых белых домов и их зимних садов, с гитарой Эммета, звенящей, стучащей о его бок в причудливых очертаниях.

Вдалеке послышался голос звонящей женщины.

Ее мать, казалось, была парализована этой новостью. Его тетя действовала более оперативно. Она заперла дверь и велела Майклу собрать вещи. - Я велю Эммету закрыть дверь, - и он направился в спальню.

- Тетя Лора?

Лаура остановилась, обернувшись.

- Кто это? - спросил Майкл.

Она поморщилась. - Мы действительно не знаем. Думаю … думаю, нам лучше это выяснить.

- Мы уезжаем утром?

— Да.

- Куда мы едем?

Ее мать нарушила молчание; ее глаза были окружены, и ее голос был слабым.

— Пойдем далеко, - сказал он. — Домой.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Novus Ordo

11

Кардинал Симон Палестрина из ватиканской Конгрегации чрезвычайных церковных дел, а теперь де-факто папский легат при дворе Новус ОРДО, закрыл плащ, чтобы укрыться от Октябрьского ветра, и мрачно посмотрел на приближающееся побережье Нового Света.

Запустение побережья отразилось в лице кардинала. Суровость его выражения в сочетании с бледностью его щек снискали ему репутацию упрямого ученого, почти иезуита. На самом деле он был манихейским монахом, и его выражение больше всего зависело от периодических приступов гастрита, которые ознаменовали его вступление в средний возраст. Конечно, его друзья это понимали… но у кардинала Палестрины было очень мало друзей. Страдает лучше, думал он, кто страдает один.

По тем же причинам он сохранил свои планы при себе в течение долгого трансатлантического путешествия. В здоровом мире он путешествовал бы на дирижабле. Воздушные средства значительно улучшились со времен тевтонских трагедий. Но у курии был позорно низкий баланс, даже в свете средиземноморских событий. Консерватизм Ватикана, с грустью подумала Палестрина; страх перед потенциальными союзниками … может быть, они проиграют войну именно по этой причине.

Цепляясь за балюстраду, он очистился от видения исламских орд, вторгшихся в цивилизованную Европу. Муэдзим, поющий с колокольни базилики Орвието, улемы, измельчающие конечности честных христиан. И вот я, подумал он, застрявший в течение месяца на этой смолистой Авиньонской Мадонне.

Это была даже не новая лодка. Такелаж был изношен, а паруса были сшиты и заштопаны тысячу раз. Масляный угольный двигатель, расположенный под палубой, создавал больше впечатления от загрязнения окружающей среды, чем от быстрого движения корабля. В первую неделю пути после отъезда из Генуи кардинал Палестрина провел ее в состоянии неумолимой и продолжающейся тошноты. Но я вернусь домой, подумала она, и в базилике Святого Петра будут сумасшедшие мусульмане. А я буду искать брата Освальдо из подкомитета по фондам в любой тюрьме или камере, в которую они его поместили, и скажу ему: я же говорил тебе!

Кардинал наслаждался своей фантазией, когда Авиньонская Мадонна вошла в ветреную гавань Филадельфии.

Город, казалось, точно отражал все, что Палестрина думала об американцах. Порт пахло. Пахло тухлой и Болотной рыбой. Каждое лето в этом миазме рождалась желтая лихорадка, которая затем опустошала город. Доки были старые, покрытые сухим пометом чаек. Далекие башни города возвышались черными и огромными, как грязные памятники промышленного превосходства Новус ОРДО; нового порядка американцев. Так отчаянно они старались подражать декадентским долинам Рейна и Роны, так полностью им это удалось.

Когда он позволил другим пассажирам толпиться перед ним, чтобы спуститься на причал, кардинал почувствовал приступ ностальгии по Риму. Конечно, старомодный город; старше нескольких гордых тысячелетий, чем все, что когда-либо строили американцы. Он думал о Ватиканских садах, о Львиных стенах; он думал о падальщиках, которые пересекали сад сосновой шишки, как армия, оставляя булыжник влажным и сияющим в утреннем свете…

Чудо. По крайней мере, когда ветер не дул с Тибра.

Но это, сказал он себе, не было подлинной ностальгией. Это было только из-за его нежелания. Работа, которую он должен был выполнить, его совсем не привлекала. Он был ученым, а не инквизитором. Он действительно чувствовал себя комфортно только в компании книг. Он написал агиографию Святого Евстахия, которую Римская курия объявила “безупречной”, и поэтому считалась надежной, блестящей, но, прежде всего, неподкупной и, следовательно, подходящей для осуществления акта деликатной церковной дипломатии. Возможно, что еще более важно, его английский был очень хорошим. Но вопросы, которые ставились перед собой, были вопросами средств и целей, ереси и власти, войны и мира… и, прежде всего, подумал он, добра и зла. И силы подземного мира были пугающе активны в то время.

Эта мысль смутила его. Он почувствовал спазм в животе.

Со вздохом кардинал Палестрина спустился в Новый Свет, прижав к носу платок.

На пристани его ждал человек по имени Карл Нейман, за рулем

автомобиля.

Автомобиль был определенно замечательным. Исламские войны нарушили торговлю нефтью в Персидском заливе, а бензин достиг непомерно высоких затрат. Американцы (Палестрина использовала этот архаичный термин в частном порядке), естественно, владели своими месторождениями. И часто их бесконечные пограничные кризисы с ацтеками зависели от вопросов прав на добычу полезных ископаемых. Однако даже там автомобиль был редкой снисходительностью.

Особенно такой автомобиль; широкий и низкий, преувеличенно тяжелый; своего рода сухопутная лодка. Палестрина, не желая этого, была весьма впечатлена, сунула два своих черных портфеля в багажную полку и заняла место на сиденье рядом с Нейманом. Запах внутренней обивки был гнетущим.

— Мы рады, что вы смогли отправиться в это путешествие, Ваше Преосвященство, — сказал Нойман.

Палестрина сразу поняла, что Нейман был одним из тех правительственных чиновников, которые обращались к нему, всегда говоря во множественном числе. Нейман был одет в синий костюм, узкий черный галстук и Федору. Они пожали друг другу руки, и Нейман включил мотор. Когда они пробирались на юг, среди скопления повозок и конных экипажей, Нейман периодически смотрел на черную мантию кардинала. Палестрина догадалась, что это Вальдезианское завещание, о котором его предупреждали в секретариате; смесь любопытства и возмущения. Это было досадно, но по-своему полезно. Он бы держал его на страже. Это напомнило бы ему, что он въехал в чужую страну.

Хотя ему было трудно забыть об этом. В течение часа им удалось захватить асфальтированную дорогу, ведущую на юг, и лес начал закрывать обе стороны дороги. Великий Лес Нового Света, подумала Палестрина. Это было легендарное место, где когда-то жили дикари. Автомобиль продолжал свой путь вдоль бесконечных стен деревьев. Облака открылись, чтобы показать эффектный закат. Вскоре наступила ночь. Внезапно тени за машиной стали очень густыми, и Палестрина подумала о лесных гоблинах, о духах первородных. Но это были исключительно европейские страхи; он где-то читал это. В Новом Свете опасности были исключительно материальными.

Нейман нарушил молчание. — Я буду вашим посредником на

время вашего пребывания здесь, Ваше Преосвященство. Боюсь, вам придется привыкнуть к моему присутствию.

Улыбнувшиеся. Палестрина не сделала этого.

Нейман продолжал: - Я не могу не задуматься над вашим именем. Вы, может быть, родственник знаменитой Палестрины?

- Вы имеете в виду того Палестрина, который написал мессу Марчелло?

— Точный.

- Вы историк, мистер Нойман?

— Меломан, - скромно сказал другой. - Я собираю диски. Именно Missa Papae Marcelli решила музыкальный вопрос в литургии, не так ли? Великолепный кусок. Трогательный.

Кардинал Палестрина не одобрял светские записи литургической музыки. Хотя сам он владел записью. Это был юбилейный Део Джованелли на испанской лакированной пластинке; его тайная любовь. Он слушал его на своей маленькой электрической Виктроле. — Нет, - сказал он первым. - Нет никакого отношения.

Нойман выглядел разочарованным.

— Я действительно очень устала, - сказала Палестрина. - Если бы вы не возражали сказать мне, куда он меня ведет…

- Простите, Ваше Преосвященство. Я считал само собой разумеющимся, что вам сообщили. Мы будем в Вашингтоне к полуночи. Есть гостиничный номер, который ждет вас, и я буду вашим гидом, вашим контактом или тем, что вы хотите. Тогда, конечно, вас ждет визит в штаб-квартиру НИИ обороны. Есть люди, с которыми вам придется встретиться…

- Нам еще пять часов ехать?

- Боюсь, Ваше Преосвященство.

Да поможет мне Бог. - А потом, в Вашингтоне, я смогу его увидеть?

- Видеть кого, Ваше Преосвященство?

- Этот вундеркинд, конечно. Этот монстр, который вы создали.

Человек, который ходит по мирам.

Последовавшее за этим молчание было коротким, но напряженным. Шины кусали асфальт. Маяки играли среди глубоких пещер осеннего леса.

— Полагаю, что да, Ваше Преосвященство, — сказал Нойман.

Для кардинала Палестрины личные встречи со злом были очень ограничены.

Однако он очень уважал зло. В то последнее столетие зло было чем-то вроде того, что американцы называли восходящим титулом. Казалось, никто не был освобожден от этого. Даже церковь (он позволил себе тихую кощунственную мысль) даже церковь совершала поступки, которые можно было считать чрезмерными. Тевтонская инквизиция, например, с ее угнетением евреев и поляков, доктрина, используемая в политических целях, в то время как сам Рим оставался немым…

Но это была история. История была наполнена угнетением. Самое главное было то, что в последнее время само христианство казалось в опасности. Ислам укоренился как огонь в Северной Африке, разжигая революцию против французов, голландцев и британцев; русские также сражались с повстанческими мусульманами на своих южных границах. Восточные расы выселили вооруженные силы Новус ОРДО со своих аванпостов в Тихом океане и запретили торговлю с Западом. Повсюду вспыхивали небольшие войны, и более масштабные конфликты казались неизбежными.

Все предзнаменования были зловещими. В день Вербного Воскресенья 1982 года изображение Принца Тьмы появилось в облаке трихлорфенола над Сан-Пьетро-ин-Винколи; сотни людей оказались в больнице. В то последнее Рождество на Палаццо Венеция обрушился дождь голубей. Сицилия почти уступила турецкому флоту; Средиземное море было в опасности; солдаты были призваны собираться по всей Италии и Испании. Ситуация была безвыходной. В противном случае, почему его отправили туда, чтобы восстановить сомнительную связь с американцами, в надежде, что они действительно могли изготовить секретное оружие?

Потому что, подумала Палестрина, со всем их наивным протестантизмом и неисправимым суеверием они больше похожи

на нас, чем на арабов. Salvandorum paucitas, damnadorum multitudo. Даже не нужно было об этом говорить. И кроме того, политика-странный компаньон.

Он немного спал в машине. Когда она вышла из него, под ужасным искусственным светом вестибюля отеля, она почувствовала боль. Спина у него горела. Нойман, напротив, был свежее, чем когда-либо. Он улыбнулся Палестрине через окно автомобиля, как обрамленная картина особенно наглого Арлекина. - Могу я показать вам вашу комнату?

- Я сам найду ее.

- Завтра заеду за вами. Думаю, вам нужно отдохнуть.

— Спасибо, — сухо ответил кардинал.

Гостиница, которая называлась Waterwheel, или Waterfall, или подобное легкомыслие, давала Потомак. Он был построен в том готическом стиле, который был так популярен полвека назад, лабиринт дворов и искусственных шпилей. Он взял ключ, поднялся на пятнадцатый этаж на шатком лифте, открыл дверь комнаты, наполненной несвежим воздухом, и рухнул на кровать. Он спал, не переодеваясь.

Он проснулся в темные часы, предшествовавшие рассвету. Он спал крепко, но слишком мало, и чувствовал себя более измученным, чем когда-либо, мертвым духом. Он предложил тихую молитву и вымыл лицо в эхом выложенной плиткой ванной.

Почувствовав некоторую клаустрофобию, она открыла шторы. За черной расщелиной Потомака он мог видеть этот американский город, выдыхающий пламя из своих ночных, темных и грязных литейных цехов. Он взял стул и сел, потягивая стакан с водой из раковины. Стакан был завернут в бумагу; новинка. Так много нового … в тот момент ему пришло в голову, что он стар … впервые в жизни он почувствовал себя старым. Как бы подчеркивая этот момент, ее живот сжался в спазме.

Он был стар и никогда не был так далеко от дома.

Так далеко от Бога.

Extra ecclesiam nulla salus.

Но здесь, подумал он с болью, я-Церковь.

Она взглянула на фосфоресцирующие стрелки будильника. Было 4: 20. Он чувствовал себя ослепленным; духовно истощенным. Он поставил стакан на подоконник; голова его упала вперед.

Он моргнул, и вдруг наступил рассвет; окно было залито светом, и Карл Нейман стучал в дверь.

— На самом деле это старый проект, — сказал Нойман. - Это началось в сороковых годах. Тогда мы много исследовали; таланты у нас были, почти все беженцы.

Они пересекли город Вашингтон, направляясь к научно-исследовательскому институту обороны. Движение было легким, и особенно конским. День выдался свежий и ветреный, и кардиналу показалось, что в воздухе пахнет снегом. Прошлой зимой в Риме обрушилась непредвиденная гроза, и лед сломал гидроэлектростанции. Мокрый, пронзительный мороз вторгся в его офис в Ватикане и проник в его память. Теперь тот же неприятный воздух лился из вентиляционных решеток автомобиля, отчего у него ужасно болели колени.

- Еретики, - сказал он.

Нейман выглядел озадаченным. - Что?

- Еретики, а не беженцы.

- Возможно, и то, и другое, Ваше Преосвященство. В любом случае, полезные люди. У нас были Эйнштейн и Гейзенберг, убегающие от инквизиции, и у нас были русские, такие как Лысенко. У нас были Дирак и Планк. И мы поддержали их работу. Отсюда появились очень интересные идеи.

Палестрина читала книги по светской философии; она знала их идеи. - Они были признаны еретиками не просто так, мистер Нойман.

— Однако основные понятия не такие еретические… но я понимаю, что вторгаюсь в опасное поле, - его улыбка застыла, — но двойственность природы, творческие силы света и тьмы-это вещи, которые признает ваш орден, или я ошибаюсь?

- Пожалуйста, не делайте мне лекций по богословию. - Выражение лица Неймана изменилось, и Палестрина продолжила более

спокойным тоном. - Мы также признаем моральный порядок.

- Но это не ново… идея смотреть на природу объективно.

- Я бы сказал, что нет. Декарт был повешен за это.

- И все же это полезно.

- В этом-то и дело?

Нойман пожал плечами. - Я не в состоянии судить.

- Бог делает нас всех судьями, мистер Нойман.

- Если вы так скажете, Ваше Преосвященство.

Город был полон флагов. Повсюду был виден флаг Новус ОРДО, Черная пирамида с одним глазом в центре, на фоне красных и белых полос. Среди флагов и веселой аморальности Неймана Палестрина начала понимать ужас, который хранили в душе европейцы по отношению к американцам; американцы ничего не боялись. Ублюдочное потомство Европы; нация Вальдезийцев, кальвинистов, масонов и еще хуже. Хаос извращенных верований, которые они безрассудно называли ” свободой вероисповедания и религии”. Возможно, там действительно было секретное оружие. Все было возможно в подобной обстановке. Возможно, слухи были правдивыми.

— Мы помогли этим людям, - сказал Нойман. - Мы дали им необходимые инструменты. Конечно, было много критики в отношении некоторых секторов. Я имею в виду такие вещи, как каббалистическая магия, движение стихиями или алхимия. И секретность была чумой; Они сражались друг с другом. Но они были блестящими людьми, и они разделяли эту потребность в понимании определенных вещей; звезды и атомы, и сам пленум.

— Теория, — сказала Палестрина, надеясь, что ей это удастся.

— Они сказали, - весело продолжал Нейман, - что существует не один пленум, а несколько… миров внутри миров, если удастся уловить подобную концепцию, все они разделены единицами вероятностей, которые Планк назвал квантой. Теория также гласила, что человеческий мозг способен проникать через эти барьеры.

Кардинал Палестрина хотел сказать, что это чепуха, химера,

хитрость и разочарование. Но, конечно, это была не ерунда, иначе он бы не оказался там… или Нейман не сказал бы ему эти вещи. Курия обладала тайными знаниями о так называемом Пленуме; Палестрина понимала, что Нейман ведет себя с ним более или менее открыто.

— Я восхищался этими людьми, - сказал Нойман. - Они были неутомимы и серьезны. Они работали на очень высоком уровне. И учтите, они не уделяли особого внимания практическим применениям. Армия, например, или даже один человек, убийца, который мог более или менее пересекать стены, или любой другой барьер… они были удивлены, что кого-то может заинтересовать такое приложение. Некоторые из них испугались, когда мы произносили поисковые заклинания, или когда мы похищали мирных жителей, которые давали признаки задержки. Что ж, на самом деле существует моральный вопрос, и я первый признаю это. Но это чрезвычайные меры на тяжелые времена. Вы не можете приготовить омлет, не разбив яйца, не так ли, Ваше Преосвященство?

Палестрина почувствовала себя плохо.

— Институт здесь не за горами, - сказал Нойман.

К настоящему времени они находились в самом сердце правительственного квартала; большие каменные сооружения, толпившиеся на мощеных улицах, каньон пыльных перемычек, украшенных дидактическими сценами добродетелей, капитала и Труда, идущих рука об руку в будущее. Заводы на Потомаке поставляли драпировку маслянистого угольного дыма; в плохой день, сказал ему Нойман, нельзя было отличить полдень от полуночи.

Но научно-исследовательский институт обороны был самым страшным сооружением из всех. От его одного взгляда день казался холоднее. Это не имело ничего общего с духовностью Ватикана, с его архитектурой, проецируемой на Бога; не было ничего, что вдохновляло бы молитву в этих черных каменных валах или в этих стальных воротах, которые автоматически поднимались по мере приближения автомобиля. Они пересекли арку колонн, на почерневшей вершине которых был выгравирован символ глаза и пирамиды, и температура, казалось, упала на десять градусов.

Дворец был огромен, похож на тюрьму. По словам Ноймана, у

него была собственная электростанция и комиссариат, а также магазины и прачечная. Они прошли через вторую каменную аркаду, и Нейман опознал охранника. Охранник извлек пластиковую карточку, которую Палестрина должна была надеть на свой халат. Там было написано его имя. — Нам понадобится ваша фотография, — сказал Нойман, - но пока это тоже нормально.

Палестрина возненавидела эту карточку. Он ненавидел только то, что был связан с этим местом. Внутренние здания были очень высокими,нависшими, а некоторые окна были заколочены. Он представил, что может слышать крики людей, которых институт, мягко говоря, Нейман, “захватил”. Но все это наверняка уйдет в прошлое, подумал он; или нет?

— У нас были проблемы в сороковых годах, - признался Нейман. - Следственные органы, фанатики, пытающиеся нас закрыть. Это было бурное десятилетие. Теперь все кончено, слава Богу, но это замедлило нашу работу как минимум на десяток лет … и допустило некоторые ошибки, о которых вы, возможно, слышали.

— Побег — - сказала Палестрина. - Люди, которым удалось спастись.

— Я не люблю использовать такой излишне мелодраматический язык.

Нейман припарковал машину в закрытом помещении с надписью. Они вышли из машины и побежали через холодный двор, к огромной стальной двери, которую Нейман открыл ключом. Внутри коридор освещался стерильным светом старых неонов; двери были выкрашены в лососево-розовый цвет и пронумерованы.

Нойман, казалось, был удивлен дезориентацией Палестрины. - Следуйте За Мной, Ваше Преосвященство.

- Куда мы едем? - Нежелание кардинала теперь взяло верх, как некое физическое сопротивление.

— В моем кабинете, - сказал Нойман. - Если, конечно, вы не хотите сразу же совершить грандиозную демонстрационную поездку.

- Я хотел бы поговорить с кем-нибудь. Кто-то в определенной степени… кто-то, кто отвечает за все это.

Эта улыбка…

— У вас впереди — - сказал Нойман.

Нойман сказал, что он работал с Институтом тридцать лет, и что его состояние растет и падает вместе с проектом пленума, который он координировал лично около пяти лет. - Я не ученый, заметьте. Но что касается операций, планирования целей и администрирования, я могу сказать, что у меня почти карт-бланш.

Кабинет Неймана был холодным, каменистым и голым. - Я хочу увидеть это существо, которое вы создали.

- Вы делаете его похожим на одного из наших гомункулов.

- Есть несколько гомункулов, которые работают слугами в книжном магазине Ватикана, мистер Нойман, и я уверяю вас, что не буду говорить об этом в таком напряженном тоне.

Наконец, и кардинал Палестрина расценил это как своего рода личный триумф, улыбка Неймана исчезла. — Мне жаль, что вы подходите к этому вопросу с таким негативным отношением, - сказал он.

- Я не хотел оскорблять его работу….

- Потому что вы должны знать, что последствия огромны. Даже Курия осознала это. Честно говоря, мне кажется, что тот факт, что Государственный департамент пригласил вас, считается актом чрезвычайной щедрости. Обычно мы не показываем такого рода материалы даже нашим союзникам.

Палестрина склонила голову. - Почта немалая.

— Нефтяные запасы, - сказал Нойман.

- Я думал о выживании христианства.

Улыбка Неймана слегка мерцала. - Это тоже.

— Покажите мне этого человека, - сказала Палестрина.

- Разве это не несвоевременное движение?

- Я знаю историю этого места. Должен ли я действительно восхищаться его архитектурой? - Он наклонился вперед. - Ватикан

признает щедрость своей нации. Тем не менее, моральный вопрос остается. Вот почему я здесь.

— Моральный вопрос, - ровным тоном повторил Нейман.

- Средства и цели.

- Я не понимаю.

Это не удивило кардинала. - Вы здесь?

- Да, он в здании, но…

- Тогда я хочу, чтобы меня привели к нему из вежливости.

Нейман колебался. Потрясенный, подумала Палестрина, потому что это заставляло его менять свои планы. Наконец он пожал плечами. - В принципе, терять нечего.

Комната была чем-то вроде камеры из серого камня. Нейман согласился подождать снаружи.

Палестрина понимала, что в каком-то смысле она во власти Неймана. Он не мог сориентироваться в этом здании и никогда не смог бы найти выход. Научно-исследовательский институт обороны был буквально лабиринтом, с коридорами, которые вращались вокруг себя или разделялись перед голыми каменными стенами. Во дворце размещался не только проект пленума Неймана, но и еще десяток секретных проектов; биохимическая война, заклинания невидимости, торговля смертью. Каждый отдельный уровень бюрократической иерархии обладал своей фрагментарной картой дворца. Нейман сказал ему, что, по некоторым слухам, полной карты не существует; ни один архитектор никогда не рассматривал проект полностью, и ни один живой человек не понимал дворец целиком. Из-за своей причудливости Нейман назвал эти слухи легендой, но кардиналу Палестрине было даже слишком легко в это поверить.

Он вошел в серую комнату через одну из двух дверей и сел на один из двух стульев. Сразу после этого вошел человек, с которым он пришел поговорить.

Он просто человек, подумала Палестрина.

Мужчина молча сел перед ним и сложил руки на коленях.

Он выглядел как обычный парень. Пожилой и неопрятный, в потрепанном сером костюме и шляпе со сложенными полями. В Риме, подумала Палестрина, он будет таким же, как и многие другие. Они приняли бы его за малообеспеченного буржуа, продавца алкоголя или отставного клерка кавернозной судебной бюрократии. Ища улики недобросовестности, кардинал ничего не заметил, кроме большой подвижности глаз мужчины. Но ей было трудно смотреть ему в глаза. Соблазн перевести взгляд и каким-то определенным образом отодвинуть взгляд от себя был почти непобедим.

- Как его зовут? - спросил он.

— Ходок, - сказал мужчина, одетый в серое.

Голос был своеобразным; грохочущий, но безудержный.

- Ходок…?

— Ходок, станщик, охотник, Трубадур, — улыбнулся вольпино. - Ходок - моя фамилия.

- Вы познакомились с родителями? - спросила Палестрина.

- Нет, сэр. Я вырос здесь.

Тогда это было правдой, подумала Палестрина, то, что ему рассказали в Секретариате и что хотел подразумевать Нейман. В этом здании они создали мужчин и женщин, как скот. Операции; женские яйцеклетки удалены из живых тканей и оплодотворены in vitro. Клонирование практикуется в стерильных лабораториях с помощью заклинаний плодородия. Одна только мысль заставляла его чувствовать себя плохо.

— Но я знаю, кто вы… - добавил ходок. Вы-папист.

- Меня так называют?

- Со мной никто не разговаривает. Но иногда я слышу, что они говорят что-то.

- Тогда вы понимаете, почему я здесь?

- Это как-то связано с войной.

- Это как-то связано, надеюсь, с миром.

Ходок пожал плечами, как бы говоря: для меня это то же самое. — Вы судья, - сказал он.

- Да, в каком-то смысле. И вы знаете, что я должен судить?

— Меня, - сказал другой. Его улыбка сохранялась, по-детски ужасающей.

— Его полезность, - поправил порпорат. - Если он сможет нам помочь. Если то, что он делает, может помочь нам, в Европе.

— То, что я хорошо делаю, - истолковал мужчина.

Нет, подумала Палестрина; я не должна определять, что ты делаешь хорошо, я должна определять, хорош ли ты. Или еще хуже: если вы покупаете, что наш моральный баланс вы можете себе позволить.

Но вместо этого он сказал: - в некотором смысле.

— О, я не умею делать много вещей; они так поступили со мной, - он потрогал голову. - Но я умею играть.

- Расскажи.

— Чары. Поиск и захват. Это очень трудоемкая работа, но я довольно хорош. К тому же я умею делать то же самое. Я думаю, вы уже знаете, что это такое.

— Путешествовать по мирам, - сказал кардинал. Ему все еще трудно было в это поверить. И все же там, в этой комнате, в этом дворце…

— Через Пленум, - сказал ходок. — Да.

- И вы могли бы сделать это и сейчас, если бы захотели?

— Да.

- Может быть … - Палестрина подняла обе руки, ладонями вверх- куда угодно?

— Только в определенных местах, - ответил ходок.

- Какие места?

- Где они были.

Суть дела.

— Мне показалось, что я понял — - сказал священнослужитель, - что вы семья.

— Давным - давно — - сказал ходок, и тень, казалось, пробежала по его лицу; не столько эмоция, подумала Палестрина, сколько тень эмоции.

- Вы хотели бы поговорить об этом? — спросить.

- Мне сказали ответить на ваши вопросы.

- И вы должны делать то,что вам говорят?

— Да.

— Тогда расскажите мне, - сказал кардинал Палестрина.

Ходок закрыл глаза, и ему показалось, что он может смотреть прямо на память.

— Нас было трое, - сказал он. - Мы были лучшими, кого могли создать. У нас был талант. Очень сильный. Так, они заперли нас внутри, естественно … они заключили нас в тюрьму магией и заклинаниями. И какое-то время это сработало.

Он сложил руки на коленях. Палестрина не могла не смотреть на переплетающиеся пальцы, чтобы потом освободиться; старые костлявые пальцы.

- Они дали нам имя на голову. Ходок, Джулия и Уильям. Мы все происходили от разных родителей, а может быть, и от родителей, но мы считали себя братьями и сестрами. Уильям был старшим, и я его очень восхищала. Он всегда удивлял врачей и медсестер, делая то, что, по их мнению, он не мог сделать. Я думаю, что Уильям носил внутри себя сам пленум; он был таким большим, таким могущественным… он был как Бог.

Глаза Уокера сверкнули при воспоминании о старом чувстве. Кардинал Палестрина молчал.

- Юля была очень красива. Если я скажу вам правду, отец, я был немного потерян между ними. Уильям был большим и могущественным. Юля была красива и хитра. И я, я был просто ходок. Простой ходок. О, Конечно, я тоже умел делать трюки. Но

не так, как они. Но это не имело значения; у нас были сами.

— Пока они не ушли, - сказала Палестрина спокойным тоном.

Выражение лица Уокера застыло. - Иногда об этом говорили. Я считал это плохим. Ошибка. Ничего хорошего из этого не могло получиться. Но они понимали и меня. Я ее очень ценил. “Они не могут нас удержать, - всегда говорил Уильям. - Даже своими заклинаниями они не могут удержать нас здесь.“И в конце концов, вы знаете, он был прав.

— Но она отстала, - настаивал кардинал.

- Я не мог идти! Или я не хотел идти. Или я не был достаточно силен, чтобы идти…

- Вы не помните?

- Я помню, как они молились мне. Тогда мы уже выросли, и я знала, что Уильям и Джулия любят друг друга, и что они тоже любят меня, но по-другому. Они любили меня меньше. Итак, мы разрушили заклинания и собирались уйти туда, где нас никто не мог найти, в мирах и мирах. Но я не хотел или не мог, и, наконец, я сказал им идти, пока они еще были вовремя, идти и оставь меня здесь … и они сделали…

- Они оставили ее?

— Да.

- И вы пожалели?

- Не помню.

- Почему вы не помните?

- Потому что меня взяли чиновники. Меня взяли и отвезли к хирургам, - он уставился на Палестрину, склонив голову набок, с выражением, которое было озорным и жалким одновременно. — Мне сделали операцию, - сказал он.

Кардинал ощутил мгновение ужаса. - Оперировали…?

Ходок снял старую серую шляпу.

Даже спустя столько лет шрам был хорошо виден. Он образовал неправильный круг, который начинался от левого уха, чтобы

пройти над глазницей, а затем исчез под волосами. Ходок следил за следом пальцем. — Мне череп вскрыли, - сказал он. - И они вытащили из нас кое-какие вещи.

— Кое-что, - прошептала Палестрина.

- Ненависть и любовь. Интерес и незаинтересованность.

- И они оставили…?

— Послушание. Лояльность. Они называют это верностью.

- Боже мой, а вы не ненавидите их за это?

- Удивленно улыбнулся ходок. - Не думаю, что смогу.

Нет, подумал кардинал. Нет, это слишком много; слишком много жестокости, слишком много хвастовства. Он напоминал вид пыток, которые суды не практиковали уже много веков.

Они прижигли часть души этого человека, подумал он… и в какой степени можно убить сознание человека или изнасиловать его, если этот человек не станет, по сути, мертвым?

Так что, может быть, он разговаривал с мертвецом.

Эта мысль заставила его вздрогнуть, и это сделало его неуютным.

— Она последовала за ними, — сказала Палестрина. - Именно поэтому его и обучили.

- Я следил за ними годами. — Снова глаза Уокера наполнились этим далеким, потерянным взглядом. - Это тяжелая работа, знаете ли. Но я могу выследить их с помощью нюхательного вещества. Они оставляют следы.

- Джулия и Уильям? Вы их нашли?

- Через некоторое время.

- И он вернул их обратно?

— Убитые.

Пурпур моргнул.

— Это было неизбежно, - сказал ходок.

Выражение его лица было милым, безмятежным, улыбающимся. Этот человек мертв, подумала Палестрина. - Но тогда все кончено, не так ли? Его работа закончена, проект закончен.

— Были дети, - сказал ходок.

- Я понимаю… и у них тоже была такая сила?

- У них есть, и очень сильный. Сильнее, чем они сами знают.

- И вы охотились на них?

- Я подошел к нему поближе. Очень часто! Но вернуть их не так-то просто. Эти руки не могут их удержать. Клетка не может их удержать. Вот в чем парадокс! Это работа, которая требует всей жизни. Заклинания и счета-единственное оружие, которое у нас есть. И они менее хорошо работают в мирах. Но сейчас мы справимся. - Он подошел к кардиналу; его дыхание было кислым. - Они многому научились в этом дворце с тех пор, как я был молод.

— Не сомневаюсь, - тусклым голосом сказала Палестрина.

— А есть еще один, - продолжал ходок. - Сын сына. Это гибрид, но генотип настоящий. Именно на него мы работали все эти годы. Мы вернем его сюда. Я верну его. И он может делать то, что вы все хотите, вы знаете. Это очень мощный. С парой штрихов, - ходок одной рукой коснулся бескровной линии своего шрама, - он сделает все, что вы ему скажете. Он будет вести армии против Святой Земли, если вы этого хотите. Он вызовет подкрепление через Пленум. Армии, которые напугали бы Бога, оружие, способное опустошить целый город. Там есть все. - Ходок снова показал зубами. - Вы бы с ней познакомились? Это то, что он ищет?

Это, я думаю, кардинал Палестрина, может спасти нас.

Или проклятье.

Он смочил губы; судорога охватила его живот, и это было лучшее, что он мог сделать, чтобы не кричать. Он перевел дыхание и сказал: - А вы можете это сделать? Привезти его сюда?

- О, да. - Ходок сунул руки в карманы и весело откинулся на спинку кресла. — На этот раз, — сказал он, - у нас есть те, кто нам помогает.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Земля сердца

12

В среду, ближе к вечеру, они остановили машину в мотеле к востоку от Барстоу, основного мотеля.

И действительно, это было очень важно, подумала Карен. Не было и следа тени, кроме стройного можжевельника посреди гравия двора. В задней части, пустой и чистой, как бирюза в брюнетном просторе пустыни, выделялся небольшой бассейн. В комнате пахло искусственной сиренью и кондиционером.

Она напомнила себе, что теперь они снова дома. Не дома в прямом смысле этого слова, так как эта пустыня была, пожалуй, одним из самых экзотических мест, которые она когда-либо посещала, но в мире, где истины были ей знакомы; Джон Ф. Кеннеди умер много лет назад, оружие продавалось в универмагах вдоль шоссе, и никаких сладких богемных деревень на берегу океана для таких людей, как ее сестра. Настоящий мир.

Дом, этот другой дом, был еще далеко.

Майкл достал из чемодана купальник и вышел в ослепительном дневном свете, направляясь к бассейну. — Сначала приму душ, - сказала Лора. Лора ехала все это время, начиная с Лос-Анджелеса, и выглядела усталой. Из Лос-Анджелеса, подумала Карен, и из бездны времени. Они пересекли миры по пустынному шоссе, среди кустов и песчаных водоворотов. Чудеса и убийства и отели в пустыне.

Пока Лора принимала душ, она читала “время”. Новости были такими же плохими, как и всегда. Распространение СПИДа росло, и на Филиппинах снова возникли проблемы. Через некоторое время Лора вышла из выложенной плиткой пещеры ванной, потерев волосы полотенцем. Она натянула старую цветочную рубашку, и ткань прилипла к изгибам ее еще влажного тела. На мгновение Карен завидовала молодости, которую ее сестре каким-то образом удалось сохранить, в отличие от нее, которая видела, как она таинственным образом исчезает. Лаура никогда не была замужем. Лаура была девичьей. А я, подумала Карен, совсем другое дело. Я-мама-подросток.

— Они не знают, что мы едем, - сказала Лора.

Мама и папа, он имел в виду. — Нет, - подтвердила Карен.

- Мы должны позвонить им.

- Мы должны?

— Я бы не хотела, чтобы это делала я, - призналась Лора.

- Полагаю, вы давно с ними не разговаривали.

- Представь, что я уже много лет с ними не разговариваю. Тогда я-своенравная дочь, не так ли? Плохой успех. И в любом случае, — добавила она, - они возьмут ее с собой лучше.

Но Карен никогда не любила телефон. Он ненавидел звуки, которые он издавал, щелчок и гул отрывочных диалогов, иностранных голосов, ведущих иностранные разговоры. Междугородние были худшими. Было что-то такое одинокое в междугородних звонках … дополнительные номера, которые были похожи на километры; жетоны разделения. Он набрал приставку. Майкл все еще плавал там, под ослепительным солнцем.

На самом деле, Карен никогда не была очень постоянна в отношениях с домом. Он звонил примерно раз в два месяца, если не меньше. И по случаю праздников. Но в основном он пытался звонить во второй половине дня в будние дни, когда выстрелы были дороже, но его отец, скорее всего, был на работе или выпивал. Он уже давно не разговаривал напрямую с отцом. Может быть, годы, подумал он, как Лора? Да, может быть, да. Возможно, это было так давно.

Он представил себе телефон, звонящий в доме Полгер-Вэлли. Родители переехали туда через год после того, как она поступила в колледж, но она хорошо помнила это. Телефон был в гостиной. Полный, массивный желтый диван и телефон на Ореховом столе. А может быть, солнечные лучи проникали между пылью и ледяным тиканьем часов. Карен чувствовала, что между этими стенами ничего не изменилось, что дом Полгер-Вэлли стал своего рода крепостью для ее родителей и что они будут жить там до самой смерти.

Звон внезапно прекратился, и раздался крикливый голос матери:
- Алло?

- Мама?

Последовала короткая минута осторожного молчания. - Карен? —

сказала наконец мать. - Это ты? Все в порядке?

— Я с Лорой, - сказала Карен.

Ему было больно, конечно, сказать это так, без предупреждения. Ее мать не могла ничего сделать, кроме как повторить: - Лаура?

- Мы с Майклом с вами. Он здесь, прямо здесь, в этой комнате со мной.

Снова последовало молчание. - Я не понимаю.

- Это сложно объяснить, мама. Мы здесь, в Калифорнии, в пустыне. Мы едем на восток.

- Сюда?

- Да, мама.

Связь, казалось, на мгновение прервалась.

- Мама?

— Да…

- Мама, есть проблемы? - Его голос вдруг сделался громким и детским даже в собственных ушах. - На это у нас уйдет несколько дней, понимаешь… на это нужно время.…

- Там твой отец.

- Я знаю. Но это не проблема, не так ли? Ты не можешь с ним поговорить?

— Ну, - ответила женщина сомнительным голосом — - попробую. Но если что-то пойдет не так, детка, ты знаешь, что должен сказать мне.

- Я не могу этого сделать сейчас.

- Это Гэвин?

- Я не с Гэвином.

- Он звонил сюда, знаешь ли. Он ищет тебя.

Это ее удивило. - Проблема не в Гэвине.

— Нет, - сказала мать — - я так и думала.

Карен размышляла над этим эхом тоски и страха; неужели все это было неизбежно с самого начала? Этот телефонный звонок, это возвращение домой?

— Я люблю тебя, - сказала Карен.

Телефон захохотал. - Я знаю, ты любишь меня … я знаю.

- Скажи папе.

- Я постараюсь.

- Тогда скоро увидимся.

— Да.

Последовавшая тишина была глубокой и непроходимой.

Аризона, Нью-Мексико, Скалистые горы и угроза преждевременного снега; затем осенние равнины. Праздничный сезон уже закончился, и в результате на широких государственных дорогах было мало движения; особенно грузовики. Однако можно было представить, что он в отпуске. Мы семья, подумала Карен, и теперь мы говорим и ведем себя как семья; мы поем песни в машине и едим у Говарда Джонсона.

Но это никогда не длилось долго.

Они остановились, чтобы пообедать в ресторане сети Trailways где-то в Огайо. Она не была уверена, где они находятся, кроме того, что они ехали через огромные кукурузные поля в течение последних полутора часов. Лаура взяла копию USA Today В кассе и отнесла ее к столу. Он объяснил это, чтобы Карен тоже могла видеть то, что он читал. Это была статья на второй странице о статистике убийств в Детройте в 1988 году. Лора прочитала его дважды, с такой сильной гримасой, что казалось, она вот-вот разрыдается. Затем он поднял глаза в сторону Карен и сказал: — Это не нормально! - как будто спорят. - Господи, это ужасно! И что еще хуже, это чертовски бесполезно!

Мужчина за соседним столиком выглядывал из-под своей бейсболки, подмигивая. Официантка, проходя мимо, не наполняла свои чашки кофе.

Майкл непонимающе уставился на тетю.

И Карен подумала; тогда это правда. Мы такие, какие мы есть, и Серый человек существует, и он может убивать людей, и мой сын, мой единственный сын, Майкл, находится в серьезной опасности, и мы идем домой. Боже мой, после всех этих лет молчания мы действительно возвращаемся домой.

Они поднялись на вершину усаженного деревьями мыса, и Лаура увидела деревню. Это было там, вдоль реки Мононгахела, еще одна из тех потрепанных старых промышленных деревень с древними угольными печами, литейными и доменными печами, которые портили воздух (но не так, как раньше, когда промышленность процветала); с деревянными домами и таунхаусами, построенными в 1920-х годах или даже раньше, когда железные дороги набирали обороты, и был большой спрос на сталь и битуминозный уголь.

Вид долины Полгер с такой высоты вызвал в ней такую волну воспоминаний, что она остановила машину на обочине, крепко сжав руль. Она никогда не жила там; она ушла из дома за месяц до того, как мама и папа покинули Дюкен. И все же это было похоже на все другие места, где они жили; это было похоже на Дюкен, и это было похоже на Берли; это было похоже на Питтсбург с его холмами и узкими улочками. Он повернулся к Карен, сидевшей рядом с ней с пристальным взглядом где-то за рекой. — Веди ты, - сказала Лора. - Ты знаешь дорогу.

Сестра пожала плечами.

Лаура вышла из машины и подошла к пассажирской двери. Она почувствовала, как ее ноги напряглись от долгой езды. Был холодный и пасмурный день, и сейчас был почти вечер; тонкие холмистые клены были тонкими и голыми. Мерцающий свет какого-то уличного фонаря доносился с далеких, пустынных промышленных улиц вдоль реки.

Войдя в машину, она бросила взгляд на Майкла, который сидел сзади. Он тоже смотрел в долину, теряясь в каких-то своих мыслях. С тех пор, как они покинули Калифорнию, он всегда был таким же мрачным, как и в то время.

Лаура опустила окно. - Там холодно?

Майкл лишь пожал плечами.

За неделю до этого, в гостиничном номере за пределами Кливленда, Лора спросила его, почему он так молчал в эти последние дни. Карен ходила покупать зимнюю одежду; Майкл сидел на кровати и смотрел футбольный матч без громкости. Он бросил на нее быстрый, недовольный взгляд. - Я?

- Да. Но вы не просто молчите, вы злитесь и молчите. С кем это у тебя, Майкл?

Он пожал плечами.

- Со мной?

- Мне нужно поговорить об этом?

- Нет; конечно, нет. Но мы все в одной лодке, и в этом нет никаких сомнений. Может быть, если бы вы говорили об этом, вы бы облегчили нам жизнь.

Мальчик снова пожал плечами. - Я просто думаю, что это глупо … короче, все это должно было произойти давно.

- Все это?

- То, что мы делаем. Куда мы идем. То, что мы пытаемся выяснить. - Он расправил плечи. - Я имею в виду, что вы знали, кем вы были. Всю жизнь вы это знали; все трое. И все же никто никогда ничего не спрашивал. Никто никогда не говорил “ ” откуда я?“Или” что я?“Почему только сейчас?

Он прислонился спиной к стене и обхватил колени руками.

- Мы нерадивые и послали тебе твою жизнь, вот в чем дело? - спросила Лора.

— Возможно. Может быть, не только моя жизнь.

- Ну и что, Майкл, у кого мы должны были спросить?

- Кого вы собираетесь спрашивать?

Ладно, подумала Лора. Он умный парень, и у него нет всех ошибок. Но он не совсем понимал ситуацию. Ему было пятнадцать лет, и для него все было слишком очевидно. - Ты не знаешь, как он жил дома.

- Я знаю, это было тяжело. Но…

- Майкл, послушай меня. - Она села рядом с ним, и, возможно, он почувствовал серьезность в ее голосе, поскольку он снова замолчал, уже не нахмурившись, а заинтересовавшись. — Я спрашивала об этом однажды, — продолжала Лаура. - Мне было пять, а может, и шесть лет. Я пошел к папе и показал ему, что я умею делать. Я сделал для него маленькое окошко. Окно в красивом месте, в том, что ребенок считает милым местом, с солнечным днем, И, знаете ли, цветами, лугами и олененком, стоящим там. Я хотел узнать, умеет ли он это делать. Думаю, больше всего мне хотелось узнать, что мне делать с этой странной игрой. Для чего это было.

- А он тебе не сказал? - спросил Майкл.

- Я не помню, что он сказал. Помню только, что я ему показывал, и хотел объяснений. А потом я вспомнила, что лежала в постели, и у меня были синяки на лице. Синяки на руках. Пять очень светлых синяков выше правого локтя, и я знал, что он схватил меня в этом месте, что синяки совпадают с формой и положением его пальцев.

— Он тебя избил, - сказал Майкл.

- Да, звучит ужасно, Но … да, это правильное слово.

— Это ужасно, - возмущение Майкла было явным и ощутимым. - Ты, должно быть, ненавидел его за это.

- Нет, я его не ненавидела.

Майкл поморщился.

- Ты ненавидишь своего отца? - спросила Лора. - Я имею в виду; он бросил вас. Он бросил тебя и твою мать. Это довольно плохо. Ты ненавидишь его за это?

— Нет, - ответил Он более осторожным тоном. - Но все по-другому.

- Это правда? Может быть, это просто вопрос степени.

- Он никогда не бил меня.

- И я должен был ненавидеть папу за это? Ну, может быть, ты прав … может быть, я должен был его ненавидеть. Тим ненавидел ее, по крайней мере, в конце концов. Майкл, я был слишком молод.

Когда тебе пять лет, ты не знаешь такой ненависти. Прощу. Не потому, что вы хотите простить, а потому, что у вас нет другого выбора. Ты это понимаешь? Иногда он прощает себя, потому что больше нечего делать.

Это было больше, чем он хотел сказать.

Майкл уставился на нее.

— Но теперь — - сказал он, - выбор у вас есть.

И не было ничего, что Лора могла бы возразить на этот вывод… она не могла придумать ответа.

Они припарковались перед домом незадолго до того, как стемнело.

Это был старый таунхаус на холме, спускавшемся к реке. За его спиной был крутой спуск посреди леса. Улица называлась Монпелье и заканчивалась перед меловым холмом.

Это был едва ли не лучший район в стране; некоторые дома были отремонтированы или отремонтированы; другие нет. Когда-то, подумала Лора, эта улица будет заполнена рабочими людьми; поляки и немцы; но теперь большинство этих людей были уволены с литейных заводов, и когда они припарковались, она заметила несколько черных лиц, выглядывающих из-за закрытых окон. Внизу, где Монтпилиер пересекался с Риверсайдом, находился большой шумный бар. Риверсайд, торговая улица, была заполнена магазинами ростовщиков, которые были заблокированы с наступлением ранней темноты.

Было странно, что их родители оставались там так долго. Всю свою жизнь, подумал он, мы переезжали каждый год, раз в два года. Иногда потому, что папу увольняли за слишком много пьянства, иногда по непонятной причине. Здесь, наконец, они стабилизировались. Может быть, потому, что они наконец-то остались одни; или, может быть, потому, что папе наконец-то удалось заработать некоторый престиж на местном литейном заводе.

Может быть, потому, что мы уехали.

Но теперь, подумал он, мы дома.

На веранде горела желтая лампочка. Карен припарковалась

параллельно тротуару, и Лора выгрузила багаж из багажника. Майкл взял чемодан. Он смотрел на дом с усталым видом. — Итак, - сказал он — - это?

Входная дверь со скрипом отворилась. Мама шагнула в свет веранды. Руки Лоры дрожали; он сжал их обе перед собой.

— Да, - ответил внук. - Вот это.

13

Его мать и тетя делили спальню на втором этаже,но у Майкла был третий этаж старого дома.

Ему там нравилось. Бабушки и дедушки были слишком стары, чтобы подниматься по лестнице, и в результате все было покрыто хорошим слоем нетронутой пыли, и все было древним. Мебель, которую они носили всю свою жизнь, подумал Майкл. Майкл привык к их дому в Торонто, который был новым и наполненным новыми вещами, как будто ничего не существовало до 1985 года; третий этаж дома ФОВ обеспечивал поразительный контраст.

В ту первую ночь его бабушка однажды поднялась к нему, катаясь по лестнице. Она извинилась за замешательство. — Весь этот беспорядок, - сказал он грустно. - Когда умерла бабушка Люсиль, мы положили сюда все ее вещи. Итак, это наша семья, видишь ли, Майкл? Это был стол твоего прадеда. Эта старая кровать была от моих родителей…

Кровать так долго стояла в этой комнате, и она была настолько тяжелой, что половицы изогнулись под ее весом. Его мать сменила простыни, но кровать сохраняла в равной степени характерный, не неприятный запах древнего пера и матраса; целые жизни, прожитые среди этих одеял. Спя там последние две-три ночи, Майкл хотел, чтобы он мог открыть окна в прошлое, а также через миры; чтобы он мог рыться в сбежавших годах и, возможно, раскрыть секрет своей странности. Он хотел, чтобы эта старая кровать могла говорить.

Он проводил там довольно много времени. Учитывая ситуацию в доме, он предпочитал держаться в стороне. И в любом случае ему нравилось быть одному. В одиночку он мог позволить своим мыслям свободно перемещаться. Там нечего было бояться; нет серого человека; только те старые комнаты с их волнистыми стеклянными окнами, показывающими зимнее небо; только капание воды в радиаторы. Лежа там, подвешенный между пером и историей, он мог позволить себе почувствовать (но слегка и очень осторожно) прилив тайной силы, которую он имел в себе; колеса возможности, вращающиеся внутри него; он мог представить себе боковой шаг за пределами Долины Полгер и самого времени; он мог задаться вопросом, не была ли идея его тети Лоры много лет назад на самом деле разумной, что,

возможно, где-то может быть лучший мир; действительно лучший мир, открыть.

Он часто думал об этом.

Вниз, все было немного иначе. Она была в этом доме уже неделю, и Майкл еще не привык ко всей этой тишине и недостойному обращению.

Ее бабушка настаивала на желании готовить. Каждый вечер он помогал ей приносить тяжелые керамические тарелки; жареная курица с подливкой, ростбиф и картофель, мясной рулет и горох, дымились из маленькой кухни. Жанна ФОВ была немного лишней, но не совсем толстой; она была такой нервной женщиной с быстрым обменом веществ. Он двигался непрерывно, но его движения были резкими; никаких широких жестов, только постоянное волнение. Руки двигались, как птички, и даже глаза сверкали, как у птички. Ее волосы состояли из множества белых локонов, плотно связанных вокруг черепа. Эта женщина ему нравилась достаточно; и он подумал, что, может быть, он ей тоже нравился. Когда Майкл отвлекся, она задумчиво смотрела на него. Но, глядя ей в глаза, она отводила взгляд.

В тот вечер Майкл помог ей отнести жаркое из духовки к столу. Все было в полном порядке; льняная скатерть, керамическая посуда, почерневшее серебро. Все на своих местах, кроме деда. Майкл сел во главе стола. Он был голоден, и жаркое пахло фантастически, но он научился быть терпеливым. Она положила руки на колени; часы над камином тикали. Ее мать что-то прошептала тете Лоре.

Затем, наконец, Уиллис ФОВ медленно вышел из ванной, куда он пошел, чтобы вымыть руки. Уиллис не был таким коренастым, как мужчина, подумал Майкл, но в этой комнате он был большим присутствием. Его предплечья были массивными. На нем были обтягивающие брюки из полиэстера поверх выступающей шишки и накрахмаленная белая рубашка, открытая до последней пуговицы. У него было маленькое лицо, хотя голова была большой. Вокруг тяжелых бифокальных очков черты лица были довольно жесткими. У него были подстриженные волосы, а густые брови заставляли его всегда выглядеть угрюмо. На самом деле большую часть времени он был угрюм. Он, конечно, никогда не выглядел счастливым.

Иногда его видели за столом пьяным. Не в раздражающей или

вопиющей манере, но он приходил с грубым шагом и говорил немного больше, чем обычно; особенно он жаловался на соседей. Она сидела во главе стола лицом к Майклу,и ее едкое дыхание пересекало стол. Уиллис ФОВ был любителем пива. Пиво, по его словам, было похоже на еду. Он имел свою питательную ценность.

В тот вечер Уиллис был просто пьян. Майкл думал о нем как о “Уиллисе“, потому что он просто не мог назвать этого человека”дедушкой”. Идея, которую он имел о бабушке и дедушке, заключалась в том, что он научил его телевизору; доброжелательные седовласые мужчины в своих брюках-комбинезонах. Но Уиллис не был доброжелательным; он тоже не был добрым. Он довольно ясно дал понять, что для него этот визит был вторжением, и что он не будет рад, пока ему не будет оказана его близость. Иногда, если он выпил достаточно, он даже говорил это.

Уиллис сидел, задыхаясь. Не глядя ни на кого, он сложил руки на коленях и закрыл глаза. Майкл должен был сделать свое дело, но вместо этого держал глаза открытыми. — Спасибо, О сэр, — интонировал Уиллис ФОВ, - за эту еду, которую ты имел доброту нас найти. Аминь.

Бабушка Майкла повторила“Аминь”. Уиллис начал резать жаркое, Майкл взял скромную порцию.

Когда он ел, он чувствовал, что внимание деда было сосредоточено на нем. Он не сводил глаз с тарелки, механически обрабатывая вилку и нож. Но она чувствовала, что взгляд Уиллиса все время прилипает к ней. Бабушка попыталась немного поговорить о расходах, которые она сделала, о том, что сказал ей парикмахер, но никто не мог придумать, что добавить, и поэтому попытка вскоре прекратилась. Майкл почти закончил есть, и он не мог дождаться окончания еды, когда его дед сказал слишком громко: - ты знаешь, как я называю эту рубашку?

Он имел в виду рубашку Майкла. Майкл был одет в футболку Talking Heads, которую он привез из Торонто. Он состоял из большой черной буквы ” Т ” с бело-красным графическим рисунком на заднем плане. В этом не было ничего особенного, но Майкл был в меру доволен тем, как она на него набросилась.

Никто не хотел отвечать на вопрос, кроме самого Уиллиса. - С откровенностью сказал Уиллис, - я называю это футболкой.

Майкл изумленно уставился на деда.

— Я вижу этих ребят, - продолжал Уиллис. - Я каждое утро прохожу мимо школы. Я вижу, как они одеваются. И знаете, почему они так одеваются? Это как поднять средний палец. Это оскорбление. Это “пошел ты”. Они говорят это своей одеждой.

Майкл заметил, что Уиллис, который всегда жаловался на тривиальный язык по телевизору, часто позволял себе идти под этой точкой зрения, когда он был немного надменным.

— Майкл забыл переодеться перед ужином, - сказала Карен.

Майкл резко повернулся к матери. Она вернула ему взгляд, как предупреждение: ничего не говори … не сейчас.

— Рубашка на хуй, - повторил Уиллис.

- Майкл, - сказала Карен — - иди переодевайся. - Видя, что Майкл не шевелится, она настаивала: - пожалуйста!

Майкл торжественно поднялся на ноги.

Подойдя к лестнице, он на мгновение остановился, чтобы взглянуть на обеденный стол, на молчаливый стол женщин с недовольно склонившейся головой, а Уиллис ФОВ все еще смотрел на него, с гримасой на лице. На мгновение их взгляды пересеклись.

Уиллис опустил взгляд первым. - Вы позволите ему так одеваться? - сказала она дочери.

Майкл поднялся по лестнице.

— Да пошел ты, — продолжал Уиллис, — за моим обеденным столом.

Но Майкл понял смысл жалобы Уиллиса. Это не рубашка, подумал он. Ты знаешь, а я знаю. Это не рубашка, которую ты боишься.

В своей комнате Майкл подумал о Уиллисе и о тишине этого ужина.

Из окна своего пентхауса он мог видеть крыши долины Полгер, а дальше-реку и литейный завод. Литейный цех возвышался над долиной, как свернувшееся черное животное. Дымовые трубы

были тусклыми и бездействующими в глубокой серости темноты. Майкл уперся руками в окно. Стекло застыло под его пальцами. Скоро придет снег, подумал он.

Он натянул на себя рубашку.

Конечно, речь шла не о футболке, а о силе, которую она имела. Уиллис, должно быть, почувствовал это. Майкл подумал о том, что сказала ему Лора, и о некоторых вещах, которые он догадался из разговоров своей матери. Он понимал, что рубашка совершенно не имеет значения, что Уиллис мог бы с такой же легкостью критиковать ее стрижку, туфли или то, как она держала вилку. Истинный смысл его жеста был: вот новый человек под моей крышей; я не могу ее контролировать, и мне это не нравится.

Майкл также понимал это, потому что дом в Торонто функционировал почти так же, как и без этой угрозы насилия. Он узнал в Уиллисе тень критического молчания своей матери. Он вырос в этой тишине. Между не произнесенными словами. Уиллис не был чем-то новым; это было просто сильнее и страшнее.

Она задавалась вопросом, не так ли функционируют все семьи, передаются ли страхи из поколения в поколение, например, цвет волос или глаз. Возможно, это было похоже на какое-то проклятие, от которого нельзя было убежать, что носилось за ним независимо от того, хотите вы этого или нет.

И все же, подумал он, кое-что меняется. Уиллис очень рассчитывал на свою способность пугать людей, и это сработало; его мать боялась его, и даже у Лоры было это…

Но не я, подумал Майкл.

Не я.

Она легла на кровать, когда начинала темнеть, и смотрела, как первый снег зимы стучит по окну. Он на мгновение ощутил дрожь силы внутри себя и подумал; Черт возьми, я намного дальше, чем Уиллис ФОВ. Это меня совсем не пугает.

Когда мимо проходила Карен, чтобы дать ему Спокойной ночи, Майкл уже спал. Убаюканный старой кроватью, он, казалось, почти вернулся ребенком. Как и следовало ожидать, на нем все еще была рубашка. Вместо того, чтобы разбудить его, она укрыла

его одеялом и на цыпочках подошла к двери.

Майкл пошевелился ровно настолько, чтобы открыть один глаз, и сказал что-то странное, ровным голосом, из глубины своих снов.

— Не бойся, - сказал он.

— У меня их не будет, - сказала Карен. - Спи сейчас. — И он подошел к двери.

Но она боялась.

Она боялась серого человека и боялась отца.

Глубина его страха удивила ее. Может быть, это было очевидно, может быть, он должен был этого ожидать. В конце концов, что изменилось? Теперь она была взрослой, вышла замуж и жила одна. Все это должно было немного изменить ситуацию. И все же он ничего не изменил, и, возможно, это тоже было очевидно; возможно, отношения между родителями и детьми, от отца к дочери были постоянными и вневременными. Перед Уиллисом она всегда была ребенком; несчастная и покорная. Это было не столько то, что он говорил, сколько сила, с которой он это говорил, абсолютная мужская уверенность, которую он мог проецировать. Ее слова были похожи на двери частной доменной печи, которую Виллис ФОВ питал внутри себя; через слова она чувствовала его тепло.

На следующий день, когда Уиллис ушел на работу, Карен помогла матери постирать. Днем она отвела пластиковую корзину, полную вымытых тряпок, на второй этаж, где ее ждала Лора. Карен сидела с сестрой в гостевой спальне, складывая простыни. Они были еще теплыми от сушилки в подвале, а кондиционер для белья придавал им нежный аромат лаванды.

— Мы никуда не денемся, - сказала Лора.

— Знаю, - ответила Карен. Она тоже была напугана этой неподвижностью. - Это сложнее, чем я думал.

— Это тяжело, потому что ничего не изменилось, - Лора расстелила простыню на кровати. - Все старше, но ничего не изменилось. Они говорят, что вы никогда не сможете вернуться домой, но меня пугает то, что вместо этого вы можете, вот и все… слишком легко вернуться к тем же ошибкам.

- Ошибки? - сказала Карен.

- Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Он деспот, как всегда, здесь. Ты видела его за ужином, как он кричал на Майкла. И мы остались там пронзенными. Мы приняли это. Никто не бросает вызов Уильяму Фову; нет, сэр, не на его территории.

- Ну, это так, не так ли? Это его территория.

- Это был и наш дом двадцать лет, ей-Богу! Мы жили под его крышей, как пленники… только Тим нашел что посмеяться.

Но посмотрите, что случилось с Тимом, подумала Карен. Тим исчез в большом мире; из-за того, что о нем знали, он также мог быть мертв. Возможно, он был мертв. Или, может быть, хуже. Возможно, его нашел Серый человек.

Он сложил эту предательскую мысль в ящик вместе с несколькими простынями. - Тим был храбрее нас.

- Храбрый или глупый. Или, может быть, ему просто нравилось, когда его избивали. Но, по крайней мере, он реагировал.

Карен подумала внутри себя, что Тим похож на испуганную маленькую собаку; чем больше вы пинаете его, тем больше он пытается укусить вас… пока он не сможет разорвать веревку,удерживающую его, и тогда он убегает. Тим, после семнадцати лет, наконец сумел разорвать веревку. — Мы ничего не узнаем от папы, - сказал он.

— Мы еще ни у кого ничего не пытались выяснить, - Лаура разгладила простыню на матрасе и сунула две старые подушки в цветочные наволочки. - Мы должны поговорить с мамой.

- Ей это не понравится.

— Если мы подождем, пока она вас порадует, — сказала Лора, - мы можем подождать еще около двадцати лет.

Что было неоспоримо.

— Сейчас, - сказала Лора. - Мы должны поговорить с ней сейчас.

Карен колебалась, а потом размышляла о своем нежелании. - И тебя это совсем не пугает… что он может сказать? Вы не думали, что это может означать … знать?

Лаура пошла с ней к лестнице. Теперь сестры вернулись, это было точно. Время не прошло; они были еще маленькими девочками.
— Я больше боюсь того, что может случиться, если мы не знаем, — сказала Лора.

Внезапно в доме стало холоднее.

Мама стояла на кухне, вытирая посуду.

Как наполнен воспоминаниями этот дом, подумала Карен. Но не столько дом, подумал он, сколько декор, расположение предметов. Кухня была идентична кухне всех других домов, в которых они жили. Обои отслаивались, а настенные шкафы были окрашены в тусклый, обесцвеченный желтый цвет. Кухонные полотенца висели на деревянной подставке,а тарелки были сложены в белую скворечницу. Чашки висели на крючках, прихватки для кастрюль в форме Петухов, застрявших за тостером, и вязание крючком ручной работы с отрывком из Ветхого Завета. Был поздний день, и из окна кухни виднелся убогий двор, покрытый тонким слоем мучнистого снега, дальше холмы и пустое небо. Папа вернется через час или два… или даже больше, если он остановится, чтобы выпить.

Именно Лаура набралась смелости сказать: - Мама, нам нужно поговорить с тобой.

Жанна ФОВ подняла взгляд. - Говорить о чем?

- Из старых времен.

Женщина несколько секунд стояла неподвижно, затем откинула тарелку, которую сушила, и повернулась к дочери. Выражение его лица было неподвижным, неразборчивым. — Подожди здесь, - сказал он наконец и вышел из комнаты.

Карен сидела с сестрой за кухонным столом, рисуя пальцем рисунки на расколотой муравьиной поверхности. Сколько лет этому столу? Его ровесник? Боже мой, подумал он; нам не нужно копаться в прошлом; Прошлое-это все здесь, вокруг нас.

Вернулась мать с обувной коробкой под мышкой. Она тоже села и открыла крышку.

Она была полна фотографий.

— Это старые времена, - сказал он. - Все эти фотографии. - Он

опустил коробку на стол.

Карен рылась в куче. Фотографии были очень старыми; она вспомнила камеры, которые была у ее матери; Kodak Brownie, который произвел большую часть этих ретушированных черно-белых фотографий, а затем большой пластиковый Polaroid, такой, в котором фотография выходила сама по себе, а затем нужно было передать ее с кисло пахнущим фиксатором.

— Вот, - сказала мама. - Дом Константинополя … помните?

Карен внимательно изучила фотографию. Папа, должно быть, сделал это; это была фотография мамы возле их новой машины, металлического синего Рамблера, припаркованного перед домом. Карен, Лора и Тим стояли на заднем плане, вяло прислонившись к перилам террасы. Какой у нас скучный вид, подумала Карен. Должно быть, это был церковный день; все они были хорошо одеты, мама в своей квадратной кепке, в нелепой черной сетчатой вуали, а Карен и Лаура в накрахмаленных белых платьях. Тим был одет в черное платье с воротником. Он всегда ненавидел этих воротничков. Они подтолкнули его к подбородку, придав его лицу свирепый вид.

В мгновение ока она вспомнила свой сон; ущелье за домом, вечер, когда они вошли в жуткий мир, задуманный Тимом. И это был не просто сон. Это было воспоминание. Это было так же реально, как эта фотография.

Если бы мы перенесли Мамин домовой Кодак через эту дверь, подумала она, возможно, у нас могла бы быть фотография; фотография этого странного города, фотография серого человека.

В своем сознании Серый человек сказал: ваш первенец.

— Это были хорошие времена, - говорила ее мать. - У вашего отца была постоянная работа. И я любил этот старый дом в Константинополе больше, чем любое другое место, где я жил с тех пор. Даже больше, чем это место здесь.

- Тогда почему вы ушли? - спросила Лора.

Лаура была сосредоточена, внимательна; Лаура не отвлекалась на фотографии.

— Ну, знаете, - сказала Мама — - вы помните, что я говорила вам, когда вы были маленькими мальчиками? Мы цыгане, мы всегда

двигаемся…

— Это не повод, - сказала Лора.

Женщина на мгновение колебалась, затем вернулась, чтобы полностью сосредоточиться на фотографиях. - Вот квартира в Вест-Энде. Карен, ты была в пятом классе в том году. Это был твой день рождения; ты помнишь это? Вот когда мы переехали в Вефиль. Это Тим на трамвае, идущем в центр города. Здесь мы с бабушкой Люсиль, когда мы путешествуем на лодке вокруг мыса; я считаю, что это был 1965, или 66, год, когда у нас было много светлячков. О, И вот я здесь. В то время я была худой. Я поднимаюсь на склону вместе с вашим отцом. Вот…

- Прервала ее Лора. - Нет фотографий, когда мы были младенцами.

Жанна ФОВ молчала, устремив глаза на груду фотографий.

Лаура продолжила: - Мне это кажется странным. Там нет фотографий нас в детстве. И потом, то, как мы двигались… я имею в виду; была улица Константинополь, был vbethel; был Вест-Энд, был Duquesne. И мы могли бы спокойно остаться. Папа в те дни не так много пил. А потом вспоминаю наши выезды. Они готовили чемоданы, а ночью уходили. Как будто мы убегаем. Но я помню, что вы всегда оставляли аренду в белом конверте, прикрепленном к внутренней части двери с помощью клейкой ленты. Поэтому мы убегали, но не из-за денег.

Мама ответила торжественным тоном: - Вот почему вы пришли? Чтобы исправить эти старые проблемы?

- Неужели так неправильно хотеть что-то понять?

— Возможно. Может быть, была веская причина, если мы так поступили.

— Теперь мы все выросли, — настаивала Лора. - Мы имеем право знать.

— Если бы я могла вам помочь, — сказала мать яростным тоном, — вы думаете, я бы вам не сказала? Он был один и всегда защищал вас, чтобы вы могли вести нормальную жизнь.

Нормальная жизнь, подумала Карен. В то время она была пассивна; наблюдатель за этим обменом между ее матерью и

сестрой, и она думала, что нормальная жизнь-это то, чего я всегда хотел. Нормальная жизнь-это то, чего я хотел для Майкла.

— Но мы не ведем нормальной жизни, - воскликнула Лора. - Но вы могли бы это сделать!

- Нет, мы не можем. Возможно, по той же причине, по которой вы не могли этого сделать. - Лора взяла в руки горсть старых фотографий. Казалось, подумала Карен, столько сухих листьев. - Он здесь?

Мама приняла испуганное выражение. - Кто?

- Ты прекрасно знаешь, кто. Он здесь? Смотреть из-за чьего-то плеча? Он смотрит в окно через улицу, как папа дает воск своему Рамблеру? Вот почему мы всегда двигались? Почему он нашел нас на улице Константинополя, нашел нас в Вефиле и нашел нас в Дюкене?

Карен теперь затаила дыхание. Она думала о том, что сказал Майкл О сером человеке на пляже, и о том, как он одним простым жестом отправил эту маленькую девочку из этого мира. Своими глазами.

Запыхавшись, мама сказала: - Не стоит даже называть его. Вы можете вернуть его. Приносит плохо.

— Это уже не имеет значения, - твердо сказала Лора. - Ему не нужна удача.

— Да поможет нам Бог, - сказала мама. Часы на кухне тикали. Порыв ветра заставил оконное стекло вздрогнуть. - В голосе мамы сквозило раздражение, и она добавила: - она вас нашла?

— Она нашла Майкла в Торонто, - сказала Лора. - Он нашел нас всех троих в Калифорнии. Нет никаких оснований полагать, что он не может найти нас и здесь.

- Прошло так много времени … мы думали, что вы в безопасности.

- Вы так думали? А Тим? Тим в безопасности?

— Я за него молюсь, - мама опустила голову. - Я молюсь за него так же, как молился за вас все эти годы.

Лаура выглядела ошеломленной. Он открыл рот, снова закрыл его.

- Мы должны знать все, что нужно знать, - слова вырвались из-под контроля. - Не только для нас. Для Майкла.

— Он нас чуть не погубил, - вполголоса сказала мама. - Вы это понимаете? Это может погубить нас еще… я ничего не знаю, что могло бы вам помочь.

— Пожалуйста, — сказала Карен.

Ее мать казалась бесконечно скорбящей и в то долгое время невероятно старой. Хлопковый фартук с принтом неуклюже свисал с ее плеч. Снаружи ветер поднял снежную катушку.

— Не могу, - сказал он наконец. - Постарайтесь понять; я никогда никому об этом не говорил. Нелегко. Может быть, позже. Я должен думать об этом…

Затем входная дверь открылась и захлопнулась. Ледяной поток воздуха прокатился по полу. Жанна ФОВ поднялась на ноги, поправляя волосы. — Это ваш отец, - сказал он, складывая все фотографии в обувную коробку. - Мне нужно приготовить ужин.

14

В ту ночь в доме было тихо, но Майкл не мог уснуть.

Темные окна третьего этажа были покрыты снегом. Снег, подумал он, растает. Это было слишком рано для такого рода времени. Но температура упала, и снег поднялся, повалившись на темные улицы, заполняя долину, в которой Полгер встречал Мононгахелу.

Майкл провел день, исследуя страну, идя с севера на юг, а затем с юга на север.

Он купил пару дешевых книг у грустного Кресжа и остановился на какой-то жаре и чашке кофе в McDonald's в Риверсайде. Но больше всего он шел. Долгая и удручающая дневная прогулка, из одной части долины в другую. Страна, по его подсчетам, была примерно такой же большой, как бирюзовый пляж, но старше, грязнее и беднее по-другому. Майкл понимал, что многие жители бирюзового пляжа добровольно отказались от провизии и что они живут так, чтобы иметь возможность рисовать, писать или сочинять музыку. С другой стороны, в долине Польгер бедность была непредвиденной аварией; катастрофа столь же ощутима, как и крушение поезда.

Он взобрался на холм, пока не увидел грязную страну во всей ее полноте, широкое русло реки, литейный завод, серое шоссе и надвигающиеся облака, катящиеся с северо-запада, как и сама зима. Там, стоя в своем тяжелом пальто, Майкл почувствовал, как сила давит на него; сильнее, казалось ему, чем когда-либо. Это было похоже на течение, выходящее из недр земли, из старых угольных жил, погребенных там внизу; это была река, впадающая в его тело. Он понимал, что это исходит не от него, а от того, что он всего лишь транспортное средство; эта сила была чем-то другом, вечным, фундаментальным. У него не было конца; он был неограничен по определению. Единственным ограничивающим фактором был сам Майкл.

Я могу пойти куда угодно, подумал он. Места, которые он видел, были настоящими местами, как и бирюзовый пляж; но они были доступны только в том случае, если вы могли добраться туда своими мечтами.

Он думал об этом, идя к дому. В тот вечер она не сводила с

Уиллиса настойчивых взглядов. И он погрузил свои мысли в постель.

Свернувшись калачиком в тепле этой старинной кровати с одеялом, натянутым до подбородка, и ветром, подметающим снег в окно, Майкл продолжал думать.

То, о чем мы мечтаем, мы, подумал он.

Некоторые вещи были бы закрыты для него навсегда. Были миры, которых он не мог достичь, миры вне его досягаемости. Он мог слышать их там, в шторме возможностей, тонкие двери, которые он не мог открыть. Ему пришло в голову то, что Лора сказала о бирюзовом пляже: это лучшее место, которое мне удалось найти. Она хотела рая, но на самом деле не могла мечтать об этом… может быть, она и не верила в это.

Он представил себе, что Лора знает, что ее шаткая богема также является свидетельством ее собственных ограничений.

Но, по крайней мере, она пыталась. Майкл подумал о своей матери, которую он даже не пытался, которая делала вид, что у него нет даже этой силы… и, может быть, теперь это тоже было правдой. Возможно, он потерял его. Возможно, он атрофировался, как мышца. Она провела свою жизнь в соответствии со строгими нормами Уиллиса Фова, пытаясь вести “нормальную ” жизнь. И это, в конце концов, было по крайней мере таким же эфемерным, как рай Лоры.

Лучший мир, подумал Майкл.

Возможно, такая вещь действительно существовала.

Возможно, он мог его найти.

Она почувствовала, как сон окутывает ее. Он также чувствовал Лабиринт возможностей, извилистые коридоры времени. Он мог ходить по этому лабиринту, подумал он, мог выбирать место назначения, чувствовать его, следовать интуиции, которая его называла… здесь и здесь, и здесь.

Она закрыла глаза, и ей приснилось место, которого никогда раньше не видела.

Он видел все это вместе, с большой высоты. Место, где ярко окрашенные города стояли посреди равнин, место, полное диких

пространств, бизонов и лесов из красного дерева, и занятые города, где разделялись реки. Он подумал об именах. Они пришли к нему в голову спонтанно, но с ощущением королевских имен, географических названий: Адирондак, Свободная Новая Англия, народы равнин. Он увидел хрупкий самолет, несущийся по ясному небу; изображение увеличилось, и он увидел множество людей, движущихся по переполненному рынку, болтающих птиц в клетках, акробатов на общественной площади, пернатого мужчину, покупающего специи у женщины в китайском халате.

Затем он повернул голову к подушке, попытался открыть глаза и увидел только темный профиль своего чердака, с снегом на окне.

Видение исчезло.

Спи, подумал Майкл с жгучим желанием. Спи сейчас.

Он лежал в темноте и слушал, как Уиллис бродит по дому, закрывая и проверяя двери, возможно, наливая себе последний стакан, прежде чем подняться по лестнице до своего долгого сна без сновидений.

Лаура делила гостевую комнату со своей сестрой, но в тот вечер, на одной из двух односпальных кроватей, она не могла уснуть.

Она встала, взглянула на неподвижный силуэт Карен, затем надела халат поверх ночной рубашки и двинулась к маленькому письменному столу в углу комнаты.

Это был их стол для учебы; его и Карен, много лет назад. Это было типично для ее матери, чтобы держать ее там все эти годы. Лаура зажгла лампу и моргнула перед кругом белого света.

Столешница стола была незагроможденной.

Он порылся в последнем толстом ящике и извлек из него два громоздких предмета. Одним из них была обувная коробка с фотографиями мамы. Другой была огромная семейная Библия в кожаном переплете.

Здесь похоронены истины, подумала сонная Лора.

Сначала он просмотрел фотографии. Всего их было тридцать или сорок. Он перетасовал их и развел веером, как карты, а затем разделил их, вяло, в хронологическом порядке.

Был очень старый, призрачный образ бабушки Люсиль с маленькой девочкой, которая, должно быть, была мамой, и двумя взрослыми мальчиками, дядей Дюком и дядей Чарли. Чарли умер в Корее все эти годы назад, а дядя Дюк исчез после неудачного брака. Из фотографии Лора не могла сделать вывод, что у этих людей может быть что-то необычное. Это была просто фотография Люсиль Казинс с тремя детьми перед перилами у Ниагарского водопада; дата за фотографией была 1932. Солнечный, но ветреный день; это было замечено по волосам каждого. Мягкие, солнечные улыбки. Эти люди, подумала Лора, имели дело с оккультизмом или сверхъестественным, как кнопка рубашки. Может быть, именно от нее ее мать черпала свое видение идеальной нормальности; от ее матери, от этой улыбающейся женщины с ее прямым и счастливым взглядом. Дедушка Казинс умер через несколько лет после того, как сделал эту фотографию. Бабушка Люсиль стала получать государственную пенсию. Итак, эта фотография представляла Эдем, из которого была изгнана ее мать.

Сила, подумала Лора, эта особая черта, должна была исходить откуда-то еще.

Он никогда не знал никого из семьи отца, кроме бабушки ФОВ, которая также была вдовой. Лаура помнила ее как огромную женщину, одержимую фундаменталистским культом по почте, который она обнаружила по радио через WWVA Уилинга. Он вышивал маленькие картины странными и страшными отрывками из Ветхого Завета; его книжный шкаф был переполнен брошюрами и буклетами с такими названиями, как “предупреждение с небес” или “Жизнь в последние дни”. Лаура, будучи ребенком, очень хорошо смотрела на свою бабушку, глядя ей в эти ее неподвижные глаза… страшные глаза, по-своему; но она никогда не видела силы в этих глазах; она никогда не видела того, что хотела увидеть.

У папы его не было. У мамы его не было.

Значит, мы ошибаемся, подумал он. Мутанты, монстры.

И все же власть была наследственной вещью … Майкл это доказал.

Он быстро пролистал другие фотографии. Образ Тима остановил его интерес; Тим вырос на этих фотографиях, как в немом фильме. У нее был менее агрессивный вид, чем она помнила. Она

вспомнила, как Тим издевался над своими сестрами, даже шестеро были моложе… что-то было в ее голосе, в ее манере поведения; а может быть, это была просто воля делать то, что ей не нужно, нарушать не одно правило, а все правила. Однако на фотографиях он был не более чем ребенком. Его пухлое лицо выглядело не страшно, а испуганно; испуганный ребенок.

Фотографий Тима было немного, но, по крайней мере, из них он мог почувствовать какую-то торжественность, таившуюся в нем. На нем был кожаный жилет, который даже угрозы Уиллиса не смогли сорвать с него. Лора улыбнулась и подумала; жилет пошел на хуй. Тим смотрел в камеру с поднятым подбородком и вытянутыми губами в угрюмом выражении. Его узкие глаза были устремлены.

Лора взглянула на образ пропавшего брата и подумала: сколько ты об этом знаешь?

В нем сила была чрезвычайно сильна. Он продолжал практиковать это даже после того, как Уиллис начал бить его; Хотя он делал это наедине, с большой осторожностью. Лора вспомнила, как Тим шел вверх по холмам или по какой-то одинокой дороге. Она подозревала, что он практикует свой скрытый талант прямо там, но никогда не спрашивала его об этом. Она никогда не была таким хорошим ребенком, как ее старшая сестра, но она всегда немного боялась своей силы, того, что она могла бы увидеть или вызвать. Карен верила в то, что сказал ей Уиллис; лора нет, но она была довольно осторожна; Тим…

Тим, подумал он, ненавидел нас всех.

Он отложил фотографии и снова положил коробку.

Он открыл Библию. Это была очень старая семейная Библия, и последние страницы были разделены на три колонки: рождение, брак, смерть. Библия была написана бабушкой Люсиль,а страницы были наполнены чернилами ее трепещущего письма. Что в какой-то момент ее заменила обычная в Биро ее мать.

Лаура склонилась над хрупкими страницами с их расплывчатым запахом пыли и папируса. Роды с начала века. Он нашел маму рядом с герцогом и Чарли. Он нашел свою кузину Мэри Эллен, которая была дочерью герцога и женщины по имени Барбара, прежде чем герцог убежал. Были также таинственные ветви семьи,

люди, которых он никогда не знал, имена, которые он не мог вспомнить.

Она искала его имя или имя Карен и Тима.

Но этих имен не было.

Брак Карен был зарегистрирован; в Гэвине Уайте, Торонто, Канада, 1970 год, но не в его рождении. Ни один из них не появился в реестре рождений.

Внезапно Лора почувствовала себя потерянной, запыхавшейся. Ей показалось, что она может выплыть из окна, к небу. Мы не родились, подумал он. Так как же нам существовать? Она подумала о сказках, которые читала в своей большой книжке с картинками в детстве. Мы подкидыши, подумал он. Гоблины оставили нас. Он вспомнил гоблинов с иллюстраций. Узловатые лица и огромные головы, с острыми носами и блестящими зловещими глазами. Гоблины оставили нас здесь, подумал он, и теперь гоблины хотят нас вернуть.

Ее охватила дрожь, и она натянула халат на талию. Он закрыл Библию и положил ее обратно в последний ящик под коробкой с фотографиями. Он собирался закрыть ящик, когда заметил что-то на дне, скопление слегка знакомых, серых, покрытых пылью форм.

Он открыл ящик как можно больше и порылся в глубине.

Три объекта. Он вытащил их, под Круг света.

Пресс-папье, выцветшее и матовое.

Маленькая, жалкая, простая куколка.

И дешевое розовое пластиковое зеркало.

Я помню, подумал он в волнении, я помню!

Он снял большим пальцем слой пыли с зеркала и посмотрел на себя. Старое стекло было согнуто и сколото. Как он любил этот старый предмет, самый красивый в царстве. Кто это сказал? Еще одно воспоминание из сказок, подумал он, еще одно воспоминание из книжек с картинками. Она повторила слова про себя вполголоса: самая красивая в царстве.

ААА … но это не так.

Его собственные глаза печально смотрели на нее из потаенных глубин зеркала.

Правда в том, что она постарела в этой тихой калифорнийской деревушке. Она постарела почти не замечая этого, таинственно и без усилий. Когда-то я была прекрасна, подумала она. Я была красива, и я была молода, и, черт возьми, я хотела изменить мир или, по крайней мере, найти лучший. Ее охватил тот короткий, раскаленный взрыв берклейского идеализма … все то, что люди имели в виду, когда с тоской говорили о шестидесятых. Он горел, как огонь внутри нее, и она следовала за ним за барьеры мира, и он никогда, никогда не оставлял ее.

Но теперь я стара, подумал он, и я провел двадцать лет, наблюдая за волнами, которые приходят и уходят. Двадцать лет розового чая, поэзии и зимнего тумана; двадцать лет легкой и случайной любви Эммета. Он сказал себе, что двадцать лет неуравновешенного равновесия, и это возвращение домой, безусловно, не заставит меня омолодиться.

Зеркало заставило ее чувствовать себя очень грустно. Но эти предметы, эти игрушки были полны смысла. Он не мог точно вспомнить их происхождение, но они создавали волшебное ощущение. Утром он показал их Карен.

Тем временем он снова спрятал их в дальний конец ящика, выключил свет и лег спать. В темноте он мог слышать, как снег стучит по окну, двигаясь, как песок в песочных часах. Двадцать лет, подумал он. Двадцать лет, Боже мой! Она смотрела на бледное свечение Луны, пока оно не начало угасать; затем она коснулась лица рукой и с изумлением поняла, что плачет.

Эта долгая ночь еще не закончилась, когда Майкл проснулся один, на просторах большой кровати наверху.

Он взял свои часы с тумбочки и посмотрел на них в мерцающем свете уличного фонаря, проникающего сквозь пыльные окна.

Четыре часа утра. И он чувствовал себя совершенно и отчаянно бодрствующим, как был полдень.

Она вздохнула, поднялась на ноги, надела трусы и Леви, постояла некоторое время у окна.

Хватит снега на эту ночь. Они мельком увидели звезды за краями угасающих облаков, над старыми уличными фонарями в переулках и за закрытыми окнами этой захудалой страны карбонари. Его дыхание создавало острова пара на стекле. Видение лучшего мира полностью рассеялось. Он даже не мог вспомнить это чувство. В этом месте не было волшебства, подумал Майкл, были только эти пустые, холодные улицы. Содрогаться.

Он хотел пойти домой.

Беда пробуждения в четыре часа утра, подумал он, в том, что он чувствовал себя ребенком. Уязвимый. Как будто я могу разрыдаться в любой момент.

Они воскрешают вещи, о которых он не позволял себе думать до этого момента; что он устал от преследования, что он устал от страха, что он устал спать в странных кроватях в домах, которые не принадлежали ему.

Но это были мысли о том, что ему может быть десять лет, и Майкл твердо вспомнил, что ему уже не десять… просто иногда он так чувствовал.

- Дерьмо, - громко воскликнул он.

Он спустился босиком по лестнице, прошел через другие спальни и добрался до первого этажа. Она включила кухонный свет и налила себе стакан молока. Напольная плитка была холодной.

Придавленный импульсом, он вытащил бумажник из правого кармана джинсов.

Он открыл пакет с кредитками.

Он все еще был там… номер, который он скопировал с повестки дня своей матери, номер телефона отца в Торонто. Поспешный каракули на изношенном зеленом листке.

На кухне был телефон; старый черный телефон на полке рядом с поваренными книгами.

Майкл посмотрел на листок и подумал, но почему? Сделать междугородний звонок, разбудить его в четыре часа утра — или разбудить его женщину, ради Бога … - чтобы потом сказать ему, что? Привет, па. Я провел пару недель в Калифорнии. Ну, вроде

Калифорнии. Я видел похороны Кеннеда в теле, ты должен был быть там.

Правильный.

Но десятилетний ребенок внутри него настаивал. Дом.

Тюки. Там не было дома. Просто пустая квартира, и его отец жил в каком-то месте, которого он никогда не видел с женщиной, которую он никогда не знал. - Неправда, - сказал десятник. Ты можешь вернуться. Ты можешь сделать так, чтобы все было так же хорошо, как и раньше.

Тюки, подумал Майкл. Тюки, тюки, тюки. Когда же все было так хорошо?

Никогда так хорошо.

Но даже не желая этого, он формировал число. Полуобнаженный, стоя на кухне, он слушал тиканье междугородних линий … затем слабый сигнал, как приглушенный.

Алло? - голос отца; усталый и раздраженный.

Майкл открыл рот, но только для того, чтобы обнаружить, что у него нет слов.

Алло? Но что это, шутка?

Повесит трубку, подумал Майкл. И, может быть, так будет лучше.

Но вместо этого прошептала: - Папа?

Долгая тишина змеилась по линиям Канады. - Майкл? Это ты?

Майкл ощутил момент полной и бездонной паники; сказать было нечего. Ничего, что она могла ему сказать.

- Эй, Майкл, я рад, что ты позвонил. У меня были плохие времена, мы были наказаны за тебя.

Майкл интерпретировал это “мы ” как очень горькую ноту.

- Майкл, ты здесь?

— Да, - согласился он.

- Скажи мне, откуда ты звонишь.

Нет, подумал Майкл, это будет ошибкой.

— Ну, - сказал отец. - Ты хоть в порядке? А твоя мама в порядке?

- Да, мы в порядке. Все в порядке.

- Он дал тебе хоть какое-то оправдание, чтобы тащить тебя таким образом? Потому что вы знаете, с моей точки зрения, его состав очень странный.

Ты даже не знаешь половины того, что произошло, подумал Майкл. — Я позвонила только для того, чтобы услышать твой голос, — сказала она.

Я позвонил, потому что хочу домой. Я хочу, чтобы был дом.

- Я рад. Слушай, я понимаю, что все это должно быть очень трудно для тебя понять. Может быть, мы не говорили об этом достаточно, мы вдвоем. И, может быть, ты винишь меня в этом. На развод и все такое. Что ж, мне кажется, это справедливо. Возможно, я заслуживаю часть этой вины. Но вы должны увидеть это и с моей точки зрения.

— Конечно, - сказал Майкл. Но это было не то, что он хотел услышать. То, что она хотела услышать, это вернуться домой, ты и твоя мама, все в порядке, все как раньше. Немного безопасности для ребенка внутри него. Но, конечно, это было невозможно. Развод не ушел бы. Серый человек не собирался уходить.

- Скажи мне, где ты, - настаивал отец. - Черт возьми, я могу прийти за тобой.

Внезапно десятилетний ребенок проснулся. Да! Возьми меня! Отвези меня домой! Дай мне безопасность! - Папа … - сказал он.

Но вдруг раздался другой голос, сонный и женский. - Гэвин? Кто это?

Нет дома, в который можно было бы вернуться, подумал Майкл.

Десятилетний мальчик был потрясен шоком.

- Майкл? Ты все еще там? - сказал отец.

— Мне было приятно поговорить с тобой, — сказал Майкл. -

Слушай, может, я тебе еще позвоню.

- Майкл…

Он заставил себя повесить трубку.

Он посмотрел на свои часы.

4:15.

15

Майкл понимал, что он должен быть человеком в семье, а это значит защищать и быть начеку.

Распорядок дня в доме ФОВ был так задуман: Уиллис просыпался рано, а Жанна готовила ему сытный завтрак. Затем Уиллис уезжал на свой рабочий день или полдня на литейный завод, поэтому Майкл, его мать и тетя рискнули спуститься вниз. Никто не кричал " добро!"или что-то вроде этого, но ощущение было именно таким; они ждали стука входной двери и шагов Уиллиса на крыльце. Его старый Ford Ferlaiue вырывался из гаража, и дом был в безопасности.

Бабушка Жанна всегда настаивала на приготовлении. Его завтраки были героическими; хлопья, тосты, яйца, горы бекона, и Майкл всегда отказывался от бис. Однако в то утро она позволила ему есть, как ему хотелось, не протестуя, и он заметил отсутствующую манеру, с которой она двигалась от стола к плите, и странные взгляды, которые бросали на нее Лора и Карен. Что-то кипело в кастрюле.

Он был просто просто заинтригован. Он знал, почему тетя Лаура привела их туда, и был благодарен, что она, возможно, начала что-то совмещать. Он понимал, что надо все хорошо понимать с самого начала, но уже догадывался, что это еще не все. Действительно, это был только принцип. Потому что все равно останется проблема серого человека.

Серый человек мог найти их, когда захотел.

Размышляя над этим, Майкл проглотил большую вилку яичницы.

Шаг, который они сделали, уходя с бирюзового пляжа, посеял бы серого человека, но не окончательно. Он следовал за ними раньше, и он мог следовать за ними и там. Это был лишь вопрос времени. А мать с тетей волновались, так что настала очередь Майкла быть настороже.

Бабушка Жанна взяла свою тарелку и ополоснула ее под краном. Мать положила ему руку на плечо. - Майкл? Мы хотели бы поговорить с бабушкой Жанной наедине.

Майкл кивнул и встал. Бабушка не смотрела на него; она

смотрела на пену в раковине. Тетя Лаура торжественно кивнула головой, телеграфируя ему, что это важная вещь и что ей лучше очистить лагерь.

— Я выхожу, - сказал он.

- Прикрой — - мать небрежно взъерошила ему волосы. - И стой возле дома.

Он ничего не обещал.

Температура на улице всегда была ниже нуля,но ветер утих. Было солнце, таявшее снег на тротуарах. Дыхание Майкла создавало облачка в зимнем свете.

Он пошел по той же дороге, по которой шел накануне, по Риверсайд-Авеню к южной окраине деревни, а затем вверх по заснеженному холму, пока не увидел всю долину Полгер у ее подножия. В таких местах он воспринимал силу с большей ясностью.

В стране, среди народа, ее отменяло еще десяток других ощущений. Вместо этого он мог слышать ее пение, как тихую, но важную песню, исходящую из далекого радио. Как двигатель, гудящий в глубинах земли.

Ему пришло в голову, как все это изменило его жизнь. Незадолго до этого его главными заботами были экзамены и как весело провести время в субботу вечером, когда вы не могли водить машину. Но это была прошедшая вода; сметено. И все же, подумал Майкл, никогда не было так, или нет? Ты знал, подумал он. Ты знал это еще до того, как Эммет заставил тебя курить в тот день на бирюзовом пляже. Ты знал это до того, как папа ушел. Вы знали, что вы особенные или в любом другом случае. Майкл теперь чувствовал силу внутри себя, и он верил, что всегда чувствовал ее, только не знал, как дать ей имя. Он был в восторге от этого, в восторге от его безымянной необъятности, точно так же, как человек мог бы бояться упасть с оврага, если бы он жил рядом с нами… но он также любил ее, тайно, без слов.

Он помнил определенные вечера, когда возвращался домой после того, как был у друга, в гораздо более холодные зимние ночи, и дрожал в своей жилетке, и были звезды, и ледяное кольцо окружало Луну, и он был совсем один на какой-то Пригородной улице. И он чувствовал, что будущее открывается перед ним, он видел свою жизнь как широкую и чистую магистраль

возможностей. И все же не было никаких оснований, никаких оснований полагать, что он был чем-то особенным или что его жизнь будет особенной. Это было просто чувство. Как будто время вылупилось, как цветок, только для него.

И снова вылупляется, подумал он. Он вспомнил свой сон прошлой ночью, города, Луга и леса, которые он видел. Видение дошло до него с большого расстояния. Он задавался вопросом, Сможет ли он добраться до нее, сможет ли он когда-нибудь вспомнить ее. Может быть, она была слишком далеко; может быть, она была вне его досягаемости, никогда более реальной, чем во сне.

Но он видел это, и на интуитивном уровне он чувствовал, что это настоящее место. Может быть, он каким-то образом пробрался туда через несколько дней. Возможно, именно туда и направлялась его жизнь.

Возможно.

Если бы им удалось справиться с серым человеком.

Ходок, сказал Серый человек. Ходок, станщик, охотник, Трубадур…

Он почти взял меня с собой, подумал Майкл. За день до того, как мы покинули Торонто. Он загипнотизировал меня или что-то подобное. Он заставил меня следовать за ним через какую-то уродливую дверь из этого мира.

Она вспомнила то место, куда он почти ушел. Она вспомнила его чувство, его вкус и запах. И в отличие от мира, о котором он мечтал ночью, он был совсем недалеко… Майкл был уверен, что сможет найти его, если захочет.

Возможно, это было бы необходимо, когда-нибудь. Может быть, она ему что-то скажет.

Украдкой поднял перед собой руки.

Вероятно, это была не очень хорошая идея… так он сказал себе. Но это было важно, подумал он. Кусок мозаики. Это был шаг, который Лаура и ее мать никогда не сделали бы; это была ее ответственность.

Он сделал круг пальцами.

Через круг он посмотрел на долину Польгер, устрицу под сантиметром снега.

Он почувствовал, как в нем растет сила, посмотрел еще раз, посмотрел получше.

Страна изменилась.

Очевидно, это была та же страна. Старая промышленная страна на реке Мононгахела. Возможно, в каком-то смысле это было лучше. Литейный цех был больше, и на берегу реки возвышался длинный ряд угольно-черных зданий. Были сложные причалы с большим количеством деревянных барж, а река кишела баржами. Но страна была еще грязнее, и небо было черным; дома на холмах были лачугами из листового металла и Дегтярной бумаги. На земле был снег, но он был серым от пепла; деревья были тонкими и голыми. У подножия холма было большое движение, особенно лошадей и повозок; единственный проезжавший мимо грузовик имел квадратную форму и имел старинный вид. Майкл почувствовал запах сернистого химического запаха.

Он прищурился, чтобы увидеть полицейский участок и ратушу, простые здания из серого камня примерно в полукилометре вниз по Риверсайду. Он увидел флаг, развевающийся над ратушей, и понял, что это не американский флаг, и что это вовсе не знакомый флаг; что-то темное с треугольным символом в центре.

Плохое место, подумал Майкл. Он чувствовал себя в воздухе. Бедность и злая магия.

Это его дом, подумал Майкл; именно здесь живет ходок. Может быть, не в этой стране, а в этом мире.

Он вздрогнул и моргнул, отчего видение исчезло. Ее руки опустились ему на бедра.

Возможно, он должен был следовать за ним. Возможно, это был их единственный шанс. Возможно, они дошли бы до этого момента. Но пока нет, подумал Майкл. Он чувствовал себя грязным, запыленным; даже этот короткий контакт заразил его. Он спустился с холма к Долине Полгер, которая вдруг показалась ему чистой, и между тем подумал: еще нет, мы еще не готовы к этому… мы еще недостаточно сильны для этого.

Он проехал около половины Риверсайда, мимо Кресжа и хозяйственного магазина, когда Уиллис остановил машину рядом

с ним.

- Привет, - сказал Уиллис.

Майкл неподвижно стоял на потрескавшемся тротуаре и недоверчиво смотрел на деда через опущенное окно Ферлейн.

— Садись, - сказал Уиллис.

— Я хотел прогуляться, - сказал Майкл.

Но Уиллис протянул руку и открыл дверь со стороны пассажира. Майкл пожал плечами и поднялся.

Машина была испачкана бумагами фаст-фуда и сигаретами, но запах алкоголя был едва заметен; в тот день Уиллис был трезв.

Мужчина медленно двинулся вниз по Мэйн-стрит. Время от времени она поглядывала на Майкла и даже делала пару попыток разговора. Она спросила его, как он учится в школе. Довольно хорошо, сказал Майкл. И разве это могло привести его в замешательство из-за того, что он не встречался так долго? Нет, она бы справилась. (Как будто это имело значение.)- Твой старик ушел? - спросил Уиллис.

Майкл помедлил секунду, затем кивнул.

— Хороший жест, - подтвердил Уиллис.

- Полагаю, у него были свои мотивы.

- У каждого свои проклятые мотивы.

Свернув на улицу Монпелье, Уиллис сказал: - Смотри, я знаю, от чего ты убегаешь.

Майкл поднял глаза, изумленный.

— Делая то, что вы делаете, — продолжал Уиллис, — вы можете только усугубить ситуацию.

- Я не понимаю, о чем ты говоришь.

- Я думаю, ты знаешь. Я думаю, вы точно знаете, что я имею в виду. - Уиллис говорил теперь голосом, который, казалось, исходил из глубины его живота. Он поднялся на марш и притормозил, приближаясь к дому.

- Тимми всегда так делал, - продолжал он. - Он пошел вверх по холмам, или бог знает куда. И я знал, что он делает, точно так же, как я знаю, что ты делаешь. Я чувствую запах этого-Уиллис свернул на подъездную дорожку к маленькому темному гаражу. Он нажал на ручной тормоз и оставил двигатель умирать. - Я чувствую на тебе тот же запах.

Майкл сделал шаг, чтобы открыть дверь, но Уиллис схватил его за запястье. Его хватка была сильной. Он был стар, но у него были сильные, волокнистые мышцы.

— Это для твоего же блага, - сказал он. - Послушай, так, ты заставляешь его приходить. Ты это понимаешь? Вы выходите туда, открываете маленькую дверь в ад, и он выскакивает.

- Что ты об этом знаешь? - спросил Майкл.

- Больше, чем вы себе представляете. Вы не доверяете мне, не так ли?

Майкл предупредил, что гнев Уиллиса нарастает. Он двинулся к дверце, но хватка на запястье не поддалась.

- Господи, - продолжал Уиллис, — твоя мать ничему тебя не научила? Или, может быть, да; может быть, он слишком многому тебя научил.

Майкл вспомнил, что сказала ему Лора, как Уиллис их избивал. Он понял, что это правда, что Уиллис может это сделать, что он на это способен. Уиллис излучал гнев, как ослепительный красный свет.

- Признайся, - сказал Уиллис — - ты был на этих холмах и открывал двери.

Мальчик покачал головой. Ложь была автоматической.

— Не говори мне, - все более сердито сказал Уиллис. — Я хороший христианин и умею нюхать дьявола даже в темноте.

Эта фраза вернула Майклу сернистый запах мира Ходока. — Я ничего не делаю, - сказал он.

Хватка Уиллиса усилилась. — Я не позволю тебе снова заманить эту тварь. Слишком много лет … я слишком много времени прожил с этой проблемой, - он наклонился вперед, приблизив

свое лицо к лицу племянника. Тусклый зимний свет заставлял его казаться чудовищным. - Я хочу, чтобы ты призналась в том, что делала. И тогда я хочу, чтобы вы пообещали, что никогда больше этого не сделаете.

— У меня нет…

— Тюк — - сказал Уиллис и поднял правую руку, чтобы ударить его.

Именно этот жест разозлил Майкла по-настоящему. Это сильно разозлило его, потому что он представил, что его мать уже видела эту поднятую руку, и Лаура тоже, и они были детьми, слишком маленькими, чтобы реагировать. - Хорошо! — воскликнуть. Уиллис колебался,и Майкл продолжал. - Я умею. Вы счастливы сейчас? Я могу выбраться отсюда боком, а ты меня даже не увидишь, пока я ухожу! Это то, что вы хотите?

Уиллис сильнее сжал его запястье и другой рукой схватил его за волосы. Ее хватка была болезненной, и глаза Майкла слезились.

— Даже не думай об этом, - сказал Уиллис.

Его голос был похож на грохот, словно в груди у него была песчаная машина.

- Обещай, - сказал Уиллис. - Обещай, что больше никогда этого не сделаешь.

Молчание.

Уиллис снова дернул его за волосы. - Обещай!

- Иди к черту! - воскликнул мальчик.

Уиллис был слишком потрясен, чтобы отреагировать.

Сквозь зубы Майкл сказал: - я мог бы сделать это прямо здесь! Ты никогда не думал об этом? Я мог бы сделать это сейчас — и это было правдой. Он чувствовал силу внутри себя, которая пела во всей своей силе. Не раздумывая, он сказал: - Я могу заставить тебя рухнуть на пол еще до того, как ты успеешь моргнуть… это то, чего ты хочешь?

Уиллис потерял дар речи.

- Отпусти меня, - сказал Майкл.

Невероятно Уиллис повиновался.

Майкл открыл дверь, прежде чем другой опомнился, и упал на маслянистый асфальт.

— Ты заблудился, - сказал Уиллис из темноты кабины. - О, Мальчик … ты проклят — - но сил в его словах уже не было.

Майкл побежал в дом.

— Я не люблю об этом говорить, - сказала мама. - И я даже не могу вам все рассказать. Я не знаю всего. Но я думаю, что могу рассказать то, что знаю.

Тикали кухонные часы. Две сестры сидели, потягивая кофе. Карен понимала, что тишина-это самое лучшее, и что ее мать смотрит в одну точку за этими стенами, в глубь похороненной истории. Это тяжело для всех, подумал он.

В глубине души Карен была напугана. Слова, которые будут произнесены в этой комнате, могли изменить ее жизнь. С этого момента, подумал он, будущее мрачное и странное.

Карен отпила еще один глоток кофе, ожидая. За запотевшими окнами неподвижное утреннее солнце заливало двор.

— Ну, - начала мама — - когда я встретила Уиллиса, я была девочкой и жила в Уилинге. Вы знаете, это было так давно, что это похоже на историю. Ваша бабушка Люсиль работала в парикмахерской, а в том году я устроилась кассиром в банк.

Он откинулся на спинку стула и вздохнул.

- Я познакомилась с Уиллисом, посещая церковь.

“Это была церковь Собрания Бога, которую мы, возможно, в наши дни назвали бы фундаменталистской церковью. Для нас это была просто церковь. Уиллис был очень серьезен в этом вопросе. Он участвовал во всех мероприятиях. Я ходил туда по воскресеньям, но я не очень много делал, и я не очень много посещал собрания. В подвале была молодежная группа, и я иногда туда заходил. Уиллис всегда был рядом. Прежде чем она набралась смелости пригласить меня на свидание, мы виделись на этих встречах почти год. Возможно, это покажется вам странным, но в те времена все было иначе. Люди не просто прыгали в чужую кровать. Были ухаживания, и были свидания. Но вскоре мы

начали встречаться. И в конце концов он мне понравился настолько, что я вышла за него замуж.

“В молодости он был другим. Я говорю это не для извинений. Но я хочу, чтобы вы правильно поняли. Он был забавным человеком. Он рассказывал анекдоты. Представляете? Он любил танцевать. Когда мы поженились, его двоюродный брат нашел ему работу на литейном заводе в Берли, и именно тогда мы переехали из Уилинга.

“Я думаю, мне было достаточно тяжело уезжать далеко от своей семьи, в странную страну, жить с мужчиной, и все это сразу. Просто быть замужем полностью изменила мою жизнь. Уиллис не всегда был таким добрым или интересным, как когда мы встречались как парни. Но в некотором смысле я ожидал этого. Но он также делал много сверхурочных, и в некоторые дни я его вообще не видел. Признаюсь, иногда мне было одиноко. У меня были дружеские отношения, но это никогда не было похоже на Уилинг … это всегда оставалось для меня странным местом.

“Мы хотели детей. Больше всего я хотел их. Я хотел их в основном потому, что дом, который мы арендовали, казался пустым. Это был не очень большой дом; Уиллис не получал много зарплаты в те ранние годы. Но когда я была совсем одна, она казалась мне большой. Убирайся, может, послушаешь радио, и время ускользнет. Поэтому было естественно думать о детях, о их компании, даже если это будет ребенок. У наших соседей были дети, и эта женщина, Эллен Конклин, приходила ко мне днем, пила одну чашку кофе за другой и жаловалась на свою жизнь. У нее был чертенок, по-моему, его звали Эмилия, который никогда не оставлял ее в покое. Она действительно была плохим ребенком. И все же я ему завидовал. А было бы … что-то.

“Но у нас их не было.

“Мы ждали пять лет.

“Я не знал, что вы можете обратиться к врачу, или что-то подобное. Я думал, что этого достаточно, и что это произойдет или нет в зависимости от того, что Бог предпочитает. Там мы тоже посещали церковь собрания, и однажды наедине я рассказал об этом пастору. Он так покраснел, что едва мог говорить. Он был молодым человеком. - Дай Бог, - сказал он, употребив эти слова. - Молитесь, - сказал он мне.

“Итак, - молилась я. Но ничего не произошло.

“Я ничего не знал о материнстве, о том, как оно работает, кроме того, что мужчина и женщина соединились в постели, и так и случилось. Я подумал, не ошиблись ли мы. Потому что в те дни никто не говорил об этом, об этих вещах. Никто из моих знакомых не говорил об этом. Наконец я набрался смелости сказать Эллен Конклин, что у нас не может быть детей, и она сказала мне: «черт возьми, Жанна, я думала, что вы сделали это нарочно!“И это было ново для меня; что существовал способ не заводить детей, нарочно. Меня это смущало. почему кто-то хотел, чтобы их не было? Что, конечно, заставило Эллен Конклин разразиться смехом.

“Он посоветовал мне обратиться к врачу. Это мог быть я, сказал он мне, или это мог быть Уиллис. И, возможно, что-то можно было сделать.

“Ну, я пошла к врачу одна. Уиллис не хотел туда приходить. Он даже не хотел слышать об этом. Это было не то, о чем он хотел говорить. Поэтому я пошла туда одна, и в конце концов не имело значения, что Уиллис не пришел, потому что на самом деле это был я. Я была той, у кого не могло быть детей.”

Он посмотрел на Карен и Лору, переводя взгляд с одного на другого. - Вы знаете, о чем я говорю?

Карен дрожала; она не могла говорить. Вместо этого Лора холодно сказала: - Нас усыновили? — а потом добавила: - Я заглянула в семейную Библию, мама … я знаю, что нас там нет.

Карен вдруг почувствовала себя дрейфующей, как корабль, у которого сошли причалы.

— Не совсем усыновлены — - сказала мама. - Но я расскажу вам историю. Или, по крайней мере, то, что я знаю.

Они были странной парой, сказала мама. Почти два года они приходили в церковь, и они были иммигрантами.

О политических беженцах так думали люди. Беженцы из того, что осталось от Европы после войны. Никто не мог точно определить, из какой страны они бежали. Они говорили на хорошем английском, но со странным акцентом; как смесь голландского и французского. Они были похожи друг на друга. Он был высок, а она низка, но у них были очень похожие глаза.

Они прибыли в деревню в любой день и поселились в лачуге на подъездной дороге. Было очевидно, что они пережили плохой период. Они сказали, что их зовут Уильямс, и поэтому люди думали, что у них не будет документов, они подпольем … это было возможно.

Но они не были бродягами. Человека звали Бен, он не знал какого-либо конкретного ремесла, но у него было желание работать, и он много работал. Иногда его можно было увидеть в задней части хозяйственного магазина, трахающегося на полу или убирающего товары на полках. Люди говорили, что никогда не жалуются. И у него была семья.

Трое детей.

Майору было четыре года. Младший только что родился.

Я вижу, вы поняли, куда я хочу попасть. Но подождите … это еще не конец.

Из-за своей неопрятной внешности они выглядели так, словно за ними охотились. В период депрессии их можно было принять за преступников или бомжей, но мы были во времена процветания, и у них не было ничего из преступников. И в то время мы читали все ужасные истории войны … именно тогда появилась правда о лагерях смерти. Они не были евреями, но они могли быть цыганами, или поляками, или кто знает что. Никто из нас на самом деле не понимал, что там произошло, за исключением того, что многие невинные люди были выслежены и убиты.

Бен казался очень серьезным в отношении церкви. Однако я до сих пор не знаю, был ли он честно убежден в этом, или он сделал это только для того, чтобы интегрироваться в сообщество. Иногда я видел его в церкви, на расстоянии двух-трех скамей, передо мной, с гимном в руке, но он не пел, он просто следовал словам устами. И у него был совершенно потерянный вид, как у нас, если мы случайно попадем в синагогу или что-то подобное, и у нас не будет возможности уйти вежливо. Я думаю, что он предпочитал процессию. Когда он играл на органе, он всегда закрывал глаза и улыбался. И он всегда вкладывал деньги в блюдце. Для человека в его положении он жертвовал с большой щедростью.

Я никогда не думал, что она бросит своих детей. Казалось, она неплохо себя чувствует в Берли, а потом любила этих детей. Видно было.

Но это та часть, о которой я мало что знаю. Уиллис никогда не говорил об этом.

Все, что я знаю, это то, что однажды вечером что-то случилось в их хижине. Уиллису позвонили и вышли с другими людьми из церкви. Когда он вернулся, он был смертельно бледен и дрожал. Но он никогда не говорил мне об этом. Люди сказали, что в тот вечер туда съехала пара полицейских машин, и они рассказали несколько историй, но все разные, так что я не знаю. Наконец они сказали, что Бен и его жена уехали из страны или что, возможно, Бен убил свою жену и убежал … но я никогда не верил.

Пастор позаботился о трех детях. В округе был приют, но у него была очень плохая репутация. И дети не были зарегистрированы в ЗАГСе; у них не было свидетельства о рождении или крещении. Тогда, в тех местах, люди были менее бескомпромиссны в некоторых вещах. Пастор подумал о нас.

Он рассказал об этом Уиллису.

Не знаю, как ему понравилась эта идея. Но он знал, что я хочу детей, и что я не могу их иметь. Может быть, пастор или кто-то из Дьяконов убедил его. Во всяком случае, он согласился. И я все еще считаю это смелым поступком.

Он отвез вас домой, всех троих.

— Я ничего этого не помню, - ошеломленно сказала Карен.

— Ну, - сказала Мама — - тебе было всего четыре года, и ты тоже была незрелой для своего возраста. Это не так удивительно. Лора все еще носила подгузники, а Тимми только что родился.

— По крайней мере так, - сказала Лора. - Он наводит порядок в вещах.

- Ты думаешь?

- Должна быть причина, если мы такие, какие мы есть.

— Тебе даже не стоит об этом говорить, — сказала мама.

— Но мы это делаем, - возразила Лора. - Разве мы не говорили об этом до сих пор? Мама, вот почему мы здесь.

Карен наблюдала, как мать встала на ноги и нервным шагом

подошла к раковине.

Тусклым голосом мама сказала: - Ваш отец был напуган этим.

Он повернулся к окну.

- Я видел, как ты это делал однажды. Ты, Карен. Я помню это. Это не показалось мне таким уж плохим. Ты показал мне это. Ты гордилась этим. Вы сделали круг в воздухе, и в этом круге появилось прекрасное место; озеро, деревья и птицы в полете. Как на открытке. Это было мило, и это было такое место, которое ребенок мог нарисовать мелками. Это меня не пугало, не в то время. Может быть, я испугалась этого позже, потому что это было чудо, знаете ли, и было страшно подумать, что это может означать. Но ты так гордилась этим … может быть, кто-то научил тебя этому еще до того, как мы тебя поймали. Или, может быть, вы просто знали. Когда я успокоился, я сказал тебе, что это мило, но тебе больше не нужно этого делать, и что особенно не нужно показывать это папе… я уже знал, как он это поймает.

Я помню это! - подумала Карен. Это было очень давно, но воспоминание всплыло внезапно. Ощущение, которое он дал ей сделать этот круг, почувствовать силу внутри себя … она действительно очень гордилась этим.

Сколько времени! - сказал он себе. Когда-то я был молод, и я мог слышать это пение внутри себя, хотя я этого не хотел. Теперь я пуста. Опорожненная, подумал он, как бутылка.

— Это всегда был папа, — продолжала мама, - который решал, когда нам нужно переехать.

— Серый человек, - сказала Лора.

Мама кивнула, несколько раз покачивая головой, отдавая ей плечи. - Его можно так назвать. Я видел его однажды. Только один раз. До того, как мы уехали из Питтсбурга. Мы были в трамвае, я должен был сделать некоторые покупки. Ты, Карен, училась в школе. Но Лора и Тимми были со мной. И он сел в трамвай. Тимми пристально посмотрел ему в глаза… оба, казалось, узнали его. И я тоже посмотрел на него.

“Я знал, что с ним что-то не так. Это заставило меня задуматься о ком-то, кому каким-то образом причинили вред. Когда я была ребенком, я видела ветеранов, которых отравили газом во Франции; он напомнил мне этих людей. Он странно мотнул

головой, и под старой шляпой с загнутыми полями у него были странные глаза. Я подумал, что это может быть … вы знаете, задержанный.

“Но вместо этого он сел и уставился на детей, и я увидел, что они тоже смотрят на него, а затем он улыбнулся, и это была ужасная улыбка, и его глаза загорелись ужасным, голодным образом… и когда я увидел, что Тим улыбается ему в свою очередь, я почувствовал слабость, как можно почувствовать, если увидеть, как его собственный сын играет с гремучей змеей или чем-то подобным. Я схватила детей, позвонила в дверь, и мы вышли на остановку. Бегом.”

- А после этого мы все-таки перебрались? - спросила Лора.

- Я рассказал об этом Уиллису… и да, мы переехали почти сразу после этого.

- Каждый раз, когда мы двигались, это всегда было из-за серого человека?

- Думаю, да. В особенности. Уиллис никогда не говорил об этом.

- А ты его никогда не спрашивал?

- Почти никогда. А когда я его спрашивал, он не отвечал.

Мы никогда об этом не говорили, подумала Карен. Никто никогда не говорил об этом.

— Интересно, жив ли этот Бен Уильямс, - сказала Лора. - Может быть, в Берли есть кто-то, кто мог бы знать… мама, что ты думаешь?

- Ты уверена, что хочешь все это пересмотреть? - спросила мама.

- Не думаю, что у нас есть большой выбор.

- Сомневаюсь, что вы найдете кого-нибудь, кто поможет вам. К настоящему времени большая часть собрания собраний должна быть разбросана. Литейный завод был закрыт много лет назад. Некоторые люди знали, что случилось в тот вечер, когда вас троих увезли из этой хижины. Но никто из них, казалось, не хотел говорить об этом. В стране сплетников это было то, что люди держали при себе. И потом, кто еще может быть?

— Есть папа, - сказала Карен.

Лаура уставилась на нее. Мама обернулась с удивленным выражением лица.

— Твой отец, - начала мама — - никогда бы не согласился…

В этот момент хлопнула входная дверь, и в дом ворвался Майкл.

16

Карен обнаружила, что сын тяжело дышит в своей комнате, сидя, скрестив ноги на кровати. Когда она вошла в комнату, Майкл резко поднял глаза.

- Майкл? - он закрыл за собой дверь. - Майкл, что случилось?

- Уиллис, - сказал он.

По его словам, он был на холмах к югу от деревни, и Уиллис встретил его на улице и подвез до дома. Он не был пьян, но злился. Она обвинила его в колдовстве, или в призыве демонов, или в чем-то подобном… Уиллис попытался ударить его.

Карен охватила внезапная дрожь. - В каком смысле он пытался?

Мой сын, подумал он. Мой отец.

— Я не позволил, - сказал Майкл.

- Майкл, не будь дураком … если бы он хотел ударить тебя, он бы это сделал.

- Остановил его я.

Возможно, Уиллис постарел, но он все еще был силен, и он был вдвое больше Майкла. - Как ты мог остановить папу?

Но Майкл не ответил, и Карен, думая о папе и Майкле в машине, представила себе ответ.

- Подожди здесь, - сказал он.

Он спустился на первый этаж, но папа еще не вернулся. Затем он вышел, втиснувшись в свитер и выбив из него ледяные струйки дыхания.

Дверь гаража была открыта. Больше, чем гараж, это было подсобное помещение, навес, навесной на северной стороне дома. По прошествии сезонов все потрескалось и потрескалось. С этим зимним светом внутри было темно.

Он осторожно двигался вокруг хромированных, Рябых бамперов Ферлен, вдоль стены, полной ржавых садовых инструментов.

- Папа?

Нет ответа. Но внутри машины он увидел мерцание света. Угли сигареты Уиллиса повернулись к ней.

- Папа, - сказал он — - мне холодно.

Уиллис раздраженным жестом распахнул правую дверь. - Чего ты хочешь?

— Поговорим, - сказала Карен.

Дверь открылась.

Немного поколебавшись, Карен забралась в машину. Уиллис отодвинулся в ее сторону, одной рукой приподняв голову, а другой опираясь на руль. Салон был наполнен сигаретным дымом. На приборной панели лежала свернутая пачка верблюдов.

Карен посмотрела на него; она посмотрела на его лицо. Ей потребовалось определенное мужество, чтобы не спускать с него глаз. Ей редко случалось на самом деле смотреть на своего отца; она так долго училась, что лучше этого не делать. В ее памяти он был не столько присутствием, голосом, сколько Громовым императивом. Это была естественная сила, как молнии и гром; и нельзя утихомирить время, глядя на него.

Но он также был стариком в старой машине.

— Ты пытался избить Майкла, - сказал он.

Уиллис выбросил дым и потушил дым в пепельнице двери. - Он побежал к маме, это так?

- Спросила я.

- И ты больше ничего не спрашивал об этом?

- Нет … я должен был?

— Возможно. Например, возможно, Вам следовало спросить его, что он делал на этих холмах сегодня днем.

Теперь не было никакого способа избежать этой темы. Он прочистил горло и сказал: - Папа, я знаю, что он делает.

Уиллис изумленно уставился на нее, а потом отвел взгляд. Его

толстые руки сжимали руль. Через некоторое время он сказал: — Я думал, ты другая. Но это не так, не так ли? Ты такой же, как два других.

Ей хотелось закричать. Нет, он хотел сказать, Я другая, ты сделала меня другой! Я-то, чего ты желал… Господи, посмотри на меня! Вместо этого он с усилием отодвинул эту мысль и сделал большой глоток воздуха. - Я пыталась вырастить Майкла обычным мальчиком. Я действительно пытался. Но он не может навсегда остаться тем, чем он не является.

- Ну, тогда что это? Ты когда-нибудь думал об этом?

Нет, он никогда не думал об этом, но вот почему мы пришли. Чтобы узнать, что такое Майкл. И что мы.

Уиллис с горечью покачал головой. - Пригрозил он мне. Он тебе это сказал? Он угрожал бросить меня в дыру в аду. И я…

Казалось, он застыл в памяти.

- Ты ему поверила? - сказала Карен.

- Разве ты не сделал бы то же самое?

- Папа, ты его напугал.

- Он как твой брат. У него такое же плохое уважение. Может быть, даже меньше. Да, ты проделал с ним большую работу.

— Я никогда его не била, - сказала она.

- Ну, ты должен был это сделать.

Нет, подумала Карен. Теперь я взрослая женщина. Я знаю. — Возможно, Тим был прав, - сказал он.

Уиллис уставился на нее.

Карен продолжала: - возможно, нам следовало ненавидеть тебя. Возможно, проблема в том, что мы никогда этого не делали. Ты бил нас, а мы все равно тебя любили. Это было похоже на любовь к камню, но мы это делали. Лора любила тебя, хотя и не хотела признаваться в этом. И Тим тоже, по крайней мере, когда он был маленьким. Но ты хочешь кое-что знать? Если бы у меня был сосед, который относился к своим детям так же, как вы относились к нам, вы знаете, что бы я сделал? Я бы позвонил в

полицию.

Он говорил и думал одновременно; она была удивлена его словами, по крайней мере, так же удивлена, как и Уиллис. - Ты пришла сюда, чтобы рассказать мне об этом? - спросил Уиллис.

- Я пришла сюда, чтобы спасти жизнь Майкла!

Уиллис поморщился.

— Седому человеку почти удалось поймать его, папа, - сказала Карен. - И ребенка убили.

Уиллис вздрогнул. - Иисус Христос, - покачал головой он. - Ты никогда не говорил мне,…

Карен прервала ее. - Кем был Бен Уильямс? Кто были наши родители? Папа, ты это знаешь или нет?

Но Уиллис не ответил. Он уставился на нее, затем открыл отсек приборной панели и взял еще одну пачку “верблюда”. Он снял целлофан и бросил его в тень у своих ног. Он достал из пачки сигарету, зажег спичку и глубоко вдохнул. Он на мгновение задержался в дыму, а затем отстраненным тоном, которого Карен не узнала, сказал: - Твоя мать рассказывала тебе об этом?

Карен кивнула.

- Ну, черт! - сказал Уиллис.

- Но он не рассказал нам важных деталей. Папа, мы должны знать.

Уиллис долго молчал. Он закурил сигарету до самого фильтра. Карен собиралась сдаться и вернуться в дом, как вдруг Уиллис открыл дверь. Так же внезапно загорелся внутренний свет машины,и холодное свечение залило салон. Уиллис вышел на асфальт.

В свете гаража она стояла, поправляя джинсы. - Пойдем со мной, - сказал он.

Он повел ее в спальню, которую разделил с женой.

Это было уединенное место; Карен не заходила в эту комнату даже для того, чтобы сменить простыни. Но он узнал старый дубовый комод, желтые муслиновые шторы, картину с

парусником на стене. Они владели этими вещами все время. Папа наклонился, чтобы открыть последний нижний ящик комода, немного покопался, а затем встал с фотографией, старинной и коричневой; фотография, которая не была включена в коробку мамы.

Карен приняла ее с зарождающимся чувством удивления. Это была фотография пикника, устроенного церковью. Мужчины в рукавах рубашки и шляпы, женщины в пухлой одежде, все выстроились в очередь к камере.

— Это там, - сказал Уиллис. - Он второй в последнем ряду. Это Бен Уильямс.

Карен внимательно наблюдала за этим маленьким, размытым изображением своего биологического отца. Это был высокий мужчина с большими удивленными глазами. Ее цвет лица был бледным, а волосы длинными, растрепанными. В руке он держал Библию в кожаном переплете, с отсутствующим видом.

— Женщина рядом с ним, — нейтральным тоном сказал Уиллис, — это его жена. Эта блондинка там; вы не видите ее так хорошо. Малыши играли на траве.

Маленькие, подумала Карен. Я, Лора и Тим. Мы были там в тот день, прежде чем все изменилось.

Карен посмотрела в глаза мужчины на фотографии. - Он мертв?

- Да, он мертв.

Карен задумалась.

- Расскажи мне, - сказал он наконец.

- Ты уверена, что хочешь этого? - спросил Уиллис.

Она совсем не была в этом уверена, но кивнула головой.

— Хорошо, - сказал Уиллис.

— Ну, - начал Уиллис — - мы всегда знали, что это странные парни.

“У них был этот странный вид. Мы приняли их за беженцев из-за их акцента, и все такое. Преподобный Далквист сказал им, что в центре Берли есть греческая православная церковь… он подумал,

что, возможно, она подойдет им лучше. Но они сказали “нет”, они сказали, что Церковь собрания-это то, что они хотели. Это были общительные люди, которые присоединились к собранию и сделали все, чтобы объединиться. Так что через некоторое время никто больше не обращал на нас особого внимания.

“Не раньше той ночи.

(Карен, открой окно. Твоя мама злится, когда я курю здесь, но мне это нужно.)

“Вы должны понимать, однако, что я не был свидетелем начала дела. То, что я знаю, я слышал от преподобного Далквиста. Случилось так, что однажды вечером миссис Уильямс прибыла в приход со своими тремя детьми; уже давно стемнело, и ей пришлось постучать добрых пять минут, прежде чем преподобный спустился в ночную рубашку и открыл ей дверь. - Простите, преподобный, - сказал он. Пожалуйста, не могли бы вы держать детей в безопасности только на эту ночь… пожалуйста? Преподобный Далквист спросил его, почему, но она не захотела отвечать. Преподобный совсем не был доволен этим делом, но позже сказал мне, что забрал детей, потому что боялся за них. Было ясно, что миссис Уильямс в ужасе. Она представила, что Бен пришел в ярость, или что он пьян, или что-то в этом роде. Не то чтобы это было то, чего от него ожидали, но в этом месте это был довольно распространенный факт. Преподобный дал детям небольшой ужин и уложил их в постель. В этот момент он тоже мог бы лечь спать, вместо этого он продолжал думать о лице миссис Уильямс, о ее испуганном виде, пока она не начала беспокоиться, что с ней что-то случится, и думать, что, если Бен будет таким, каким он себе представлял, он тоже может причинить ей боль. Итак, он позвонил нескольким мужчинам в собрании и предложил нам зайти к Уильямсу, чтобы проверить.

“Было поздно ходить, но Чарли Дагостино и Курт Блоеделл пришли с большой Паккардом Чарли и подняли меня. Втроем мы направились в хижину, в темноту. У Курта Блоделла была небольшая винтовка для белок 22-го калибра, но я не думаю, что он действительно собирался ее использовать. На самом деле он не использовал его, не всерьез, хотя, возможно, он должен был.

“Мы прибыли к Уильямсам вскоре после полуночи. Все было темно.

“Чарли сказал, что нам лучше вернуться домой. Было видно, что

ничего странного в этом нет. Я тоже согласился, но Курт Блоеделл вместо этого хотел постучать, чтобы убедиться, что это так; Курт любил совать нос в чужие дела. Мы немного поспорили, и, наконец, Чарли сказал, что все в порядке, ради Бога, давайте постучим. Я хочу вернуться домой и залезть в постель. Итак, мы поднялись по всем трем деревянным ступеням входа.

“Это был не большой дом, на самом деле это была лачуга, одна из тех, которые мы видим на улице округа. С крышей из Дегтярной бумаги и угольной печью на зиму. Но Бен поставил ее на место, стараясь изо всех сил, и его жена наполнила землей старые шины грузовиков и посадила вьюнки и сирень из прерий. Мы не боялись, за исключением того, что Бен мог бы сказать нам, если бы мы разбудили его. Никто из нас не воспринял это слишком серьезно; Курт оставил винтовку на сиденье машины.

“Но прежде чем мы постучали, дверь открылась.

“Из него вышел человек.

“На нем был серый плащ и серая шляпа. Он выглядел как иностранец. Стоя у входа в темный дом, он странно улыбался.

“Возможно, вы уже поняли, о ком я говорю.

“Я думаю, что в тот момент мы должны были испугаться или, по крайней мере, заподозрить, что что-то произошло. Но вместо этого, как ни странно, у нас не было ни одной из этих реакций. Он посмотрел на нас всех троих, один за другим; сначала на меня, потом на Курта Блоеделла, а затем на Чарли Дагостино. Затем он просто улыбнулся и сказал” Спокойной ночи ” детским тоном. Он пошел по дороге и исчез в тени, пока мы смотрели на него. Мы не спрашивали его, кто он и что он там делает. Клянусь, я не знаю почему. По-моему, он околдовал нас каким-то заклинанием. Но я не мог сказать Курту и Чарли, и они никогда не упоминали ничего подобного. Но когда человек исчез из нашего поля зрения, мы все качали головами и начинали чувствовать, что что-то ужасно не так. И вот тогда мы начали бояться. Курт Блоеделл продолжал бормотать “ “о, Иисус, О Иисус”, а Чарли просто хотел сесть в машину и сбежать домой. Но я сказал, что мы пришли посмотреть, как поживают Уильямсы, и что мы должны это сделать, и в то же время мы все трое думали, что было очень странно, что мы громко разговаривали перед входом в дом и что нас никто не слышал; что случилось? Затем я вошел и нащупал выключатель света, потому что я знал, что они

недавно установили линии электропередач там, и, по крайней мере, мы могли видеть друг друга. Я нашел выключатель и включил его.

“Короче говоря, они были мертвы.

“На самом деле они были хуже, чем мертвые, потому что некоторые их части были разбросаны по лачуге, а другие отсутствовали. На полу лежали небольшие чемоданы и одежда, словно готовились к отъезду, когда все произошло. И на земле валялись какие-то детские игрушки. И много крови.

“Я не могу описать сцену лучше, чем это. Но это было ужасно.

“Ужасно просто помнить об этом.

“Я вышел на улицу и вырвался среди цветов, Курт Блоеделл побежал к Паккарду, взял свой 22 и начал стрелять в воздух. Думаю, ему было бы больно, если бы мы с Чарли не остановили его. Он плакал, как ребенок.

“И я продолжал думать, эти бедные маленькие!

“Мы бы позвонили в полицию из самой хижины, если бы там был телефон, но Бен никогда не устанавливал его. Затем мы взяли машину и побежали в приход (это чудо, если никто не остался сухим в этой поездке), рассказали преподобному Далквисту, что произошло, и он вызвал полицию.

“Пока мы ждали полицию, мы решили, что не будем говорить о детях.

“Государственная опека означала бы детский дом, или Бог знает что, и мы подумали, что лучше поторопиться с ним, чем с церковью … может быть, так можно было бы присмотреть за детьми. Кроме того, преподобный Далквист и жена Чарли Дагостино слышали о ситуации Жанны…

“Я думаю, он тоже сказал вам это.

“Пойму.

“Полицейские допросили нас, и сначала они были немного подозрительными. Но мы с Куртом и Чарли никогда не смогли бы сделать что-то подобное, даже с 22-м, и на нас не было ни следов крови, ни ничего подобного. Мы рассказали им о человеке,

которого видели, и о том, как выглядел дом. Преподобный Далквист рассказал им, что отправил нас туда, потому что боялся, что Бен напьется и избьет жену. Что касается полиции, возможно, потому, что они просто не могли понять, что произошло и почему, казалось, что они не хотят расследовать дальше. Для них они были не более чем двумя бродягами, погибшими при подозрительных обстоятельствах; не более того. И никто из нас троих никогда не говорил об этом другим после той ночи.

“Но даже сегодня… даже сегодня я иногда мечтаю о ней.”

Карен не знала, что сказать. Это было слишком загадочно, слишком ужасно.

Уиллис продолжал.

- Я ничего не понимаю. И я не претендую ни на что. Но я знаю, что чувствовал в первый раз, когда увидел, что Тим играет свою маленькую игру. Однажды летним вечером он был в саду, на улице Константинополя, и был окружен светлячками. Вы двое были в доме, Жанна принимала ванну, а я там ухаживала за малышом. Он преследовал светлячков. Она бегала по саду, смеясь и пытаясь поймать их. А потом, внезапно, он нарисовал круг в воздухе своей маленькой рукой. Круг был наполнен светом светлячков, и в свете были силуэты. Лица и тела, и вещи с крыльями. Это могло быть что угодно, но я подумал … я был уверен, что это был тот самый ад, который открыл Тимми. И я не мог не думать о человеке в серой шляпе и о том, как он смотрит на меня, Чарли и Курта Блоеделла, а затем на кровь и куски тела в лачуге.

- Подхватил Тимми и дал ему столько, что тот чуть не упал в обморок.”

Карен ничего не сказала.

— Мне это, конечно, не понравилось, — ровным тоном сказал Уиллис. - Но я хотела, чтобы он этого боялся. Если это означало, что он должен бояться меня, пусть будет так. Что бы он ни делал, я знал, куда он ведет. Она вела к той лачуге, к тем телам.

— Но это не сработало, - вполголоса сказала Карен.

— Тим всегда боролся со мной, — Уиллис почесал лицо своей мозолистой рукой. - Он ненавидел меня. Ты сама это сказала.

— А когда мы переезжали, — сказала Карен, - это было из-за серого человека.

- Может быть, я видел его на улице. Или кто-то из вас назвал его. Или, может быть, Жанна видела его. И тогда мы сбежали.

- Но он всегда нас находил.

- Рано или поздно.

— Ты должна была сказать нам, прежде чем мы уйдем из дома, — сказала Карен.

- Мне всегда казалось, что он охотится на Тимми. И иногда я думал, что это Тим заставил его прийти. Он не боялся этого человека. Я не совсем понимаю, что произошло… Возможно, у Тима были с ним какие-то отношения. - Он потушил окурок сигареты подошвой ботинка. - В течение многих лет я верил, что этот Человек-дьявол.

Карен поняла, что это, безусловно, правда. Его отец происходил из фундаменталистской традиции, такой как короткие волосы / рубашка, и было более чем возможно, что он верил в дьявола в старой серой шляпе. И, учитывая то, что он видел, это была не такая уж абсурдная идея.

- И ты все еще веришь в это? - спросила она.

- Я уже не знаю, во что верить.

Она посмотрела на отца, бросив мрачный взгляд в окно. Послеобеденное сияние угасло. Воздух, входивший в комнату, был морозным. Глядя на него, глядя на собравшуюся темноту, Карен сказала: - Ты хотела, чтобы мы испугались.

— Да, - ровным голосом ответил Уиллис.

- Потому что ты боялась.

Но он не ответил.

17

За день до их отъезда Жанна ФОВ отвела дочь Лауру в сторону и прошептала ей на ухо: - а теперь куда вы пойдете?

Они стояли в гостиной с изношенным персидским ковром и непрерывным тиканием часов на камине. Воздух был сухим и твердым. Печка гудела. Наверху Майкл и Карен собирали вещи.

— Не знаю — - сказала Лора. - Может быть, в Берли, чтобы посмотреть, что нам удастся выяснить.

— Я думаю — - сказала ее мать, - что если вы полны решимости пойти на дно, вам следует поговорить с Тимом.

- Ты знаешь, где он? - спросила Лора.

- Не совсем. Но мы получили это на Рождество… может быть, это вам пригодится?

Жанна достала открытку из кармана своего стеганого фартука. Это была не рождественская открытка, а обычная иллюстрированная открытка с изображением моста Золотые Ворота, видимого сверху, и белых зданий на холмах дальше, как в городской мечте какого-то художника.

Это была единственная новость, которую она получила от сына за последнее десятилетие.

Лора схватила ее. Он повернул ее и прочитал сообщение. Он просто говорил “Счастливого Рождества”, но после всех этих лет она узнала почерк Тима. Послание было таинственным; в нем не читалось ни иронии, ни искренности.

Но был также адрес отправителя, неясный и написанный мелким шрифтом поверх открытки. Где-то в Сан-Франциско.

Лаура мрачно подняла взгляд.

— Спасибо, - сказал он.

— Будьте осторожны, - сказала мать.

В ту последнюю ночь в доме Полгер-Вэлли Карен не спала и записала свой дневник.

Порыв ветра у окна, хруст пера на листе.

“Я думаю о папе”, - написала она.

Ручка остановилась на странице.

Он написал: “Я ношу его внутри себя, и я носил его внутри себя дольше, чем я себе представлял.

Он добросовестный, писал он.

Но потом он все отменил.

Он писал: Мы верим, что живем в каком-то месте, или знаем человека, или имеем родителя, но это неправда. Мы такие вещи. Это они нас строят. Мы сделаны из этих вещей.

Я из Уиллиса, написала Карен. Я вижу это в зеркале чаще, чем хочу. Я слышу его голос в своем.

Она поняла, что его рука дрожит.

Он писал, сильно пиная кончик Биро: я тоже думаю о Майкле.

Майкл сделан из меня.

И в этом опасном деле, которое мы предприняли… Дорогой Бог, писал он, я не знаю, хватит ли ему этого.

Она закрыла дневник и собралась выключить маленькую настольную лампу, когда услышала голос Лоры: - Подожди.

Карен резко обернулась. - Ты меня напугала… я не знала, что ты проснулась.

- Я не хотел тебя прерывать.

Они были одни в комнате, с полуночным снегом, навалившимся на подоконник, и легким отдаленным гулом печки. Карен носила стеганый халат поверх ночной рубашки; Лора была заправлена под одеяла.

— Какой это был визит, - сказала Лора.

Карен улыбнулась. - Адский визит.

— Подкидыши, - сказала Лора.

— Цыгане, - сказала Карен.

- Это мы. - Лора встала, сжав колени. - Ты заглянул в последний ящик?

Карен поморщилась. Ей никогда не нравились такие сюрпризы. И она устала. Но он медленно открыл большой ящик.

— О, - сказал он. - О Боже.

- Ты тоже их помнишь?

Карен взяла розовую мясистую куклу. Она была маленькой. Она была голой. Пыль начала проникать в поры пластика.

- Детка, - сказал он. Он посмотрел на Лауру с поглощенным видом. - Это был не сон.

- Ничто из этого никогда не было мечтой. Это та часть, которая пугает, не так ли?

Карен рассказала ей о сне, который периодически навещал ее почти всю жизнь; дом Константинополя и дверь, открытую Тимом в этот холодный промышленный город. Лаура кивнула. - Это примерно так, как я помню. Тим всегда был разведчиком. Может быть, это все еще так.

Карен вернула куклу туда, где нашла ее. Было что-то неприятное в тактильном ощущении пластика. - Думаешь, мы его найдем?

- Думаю, нам стоит попробовать.

- Думаешь, он все еще ненавидит нас?

- Думаешь, он когда-нибудь действительно ненавидел нас?

— Не знаю — - сказала Карен. Вопрос беспокоил ее. - Это было так давно….

Он зевнул, не желая этого. — Эй, я тоже сплю, - сказала Лора. - Пора спать. Завтра утром нас ждет долгая поездка.

Но они оставили свет включенным на всю ночь.

Уиллис помог Карен отнести последний чемодан к машине.

Жанна смотрела на них с веранды, закутанная в тяжелое суконное

пальто. Это был холодный, но ясный день; небо было глубокой зимней лазури. Они уже попрощались. Майкл и Лора забаррикадировались в машине, и двигатель нетерпеливо крутился.

Уиллис колебался мгновение, прежде чем закрыть багажник. Его глаза были непостижимы под бифокальными линзами.

Он положил руку на плечо Карен. - Ты понимаешь, зачем я это сделал?

Она сразу поняла, что он имел в виду под этим. Страх, подумал он, этот затяжной мутизм … и бочки.

Он кивнул, неловко.

- Но это не стоит ни хрена, верно? - сказал Уиллис. - Понимание ничего не улучшает, верно?

Она смотрела на него в своей клетчатой зимней куртке, шляпе охотника, седых волосах, подстриженных щеткой, или на щеках с редкой бородкой.

— Нет, - грустно сказал он. - Это ничего не меняет.

— Желаю тебе удачи, - сказал Уиллис.

— Спасибо, - ответила она.

- Если бы я мог вам помочь… - но он не шевельнулся. Он стоял, тяжело дыша. Его руки были гибкими и неподвижными.

Карен забралась на переднее сиденье рядом с Лорой, закрыла окно и не оглянулась. Она не хотела, чтобы папа видел ее, потому что она плакала. Как это произошло? И в чем смысл?

Уиллис долго стоял там, глядя на исчезающую по дороге машину.

Ледяной ветер дул с севера и охватил долину Полгера, его щеки были красными и горели, но Уиллис не обратил на это внимания. Он наблюдал за машиной, исчезающей за углом Риверсайда, и оставался там даже после этого, подняв руку, чтобы защитить глаза от солнца, устремив взгляд мимо старых таунхаусов, к далекой коричневой ленте Мононгахелы.

Он был удивлен, когда почувствовал на своих руках руки Жанны, которые мягко вели его вверх по крыльцу.

- Заходи и согрейся, - сказала она.

Его голос был сладок. Но морозный воздух оставался, комнаты были слишком велики, и тени были переполнены голосами и временем.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Novus Ordo

18

Кардинал Палестрина был представлен наиболее видным представителям дипломатического сообщества Вашингтона, некоторые из которых были осведомлены о задаче, которую он выполнил: германский посланник Макс Вирхеллер и человек по имени Корчной из суда Заэ.

Во время приема в резиденции сенатора-республиканца в Вирджинии Корчной вывел его на застекленную веранду, в то время как за пределами теплицы падал снег.

— Конечно, он уже знает, - начал русский, говоря по-английски, — что дело не только в одном оружии, а в другом, - и сделал широкий жест с Кубком ацтекского вина в руке. - То, что предлагают американцы, - это их участие в этой войне. Действительно ли имеет значение дар, который они выбирают, чтобы узаконить его? Это церемония. Театр. Главное-перспектива союза между Римом и Америкой. Неверные боятся этого.

— До недавнего времени, — заметил кардинал, - именно американцев считали неверными.

— Не совсем, - сказал Корчной. - Еретики, может быть. Гибридная нация масонов и протестантов … разве это не то, что говорит духовенство? Но промышленная мощь, благосостояние, военная мощь… вот что вы сами смогли заметить лично.

— Ясно, - призналась Палестрина, - у меня нет ничего общего с Союзом. И Рим тоже. Ватикан и Сенат уже договорились об этом. Но на карту поставлено не только преимущество альянса. Он должен был прочитать De Officiis Civitatum. Адриан-понтифик-роялист, но не совсем прагматик. Если мы дадим свое церковное одобрение этому проекту, в частности…

— Простите меня, - сказал Корчной, - но он начинает говорить как идеолог… иезуит.

“Нет, - подумал кардинал. Иезуиты придерживались гораздо более строгого взгляда на политическую реальность. “Вместо этого я провинциальный епископ, занимающийся делами, выходящими за рамки его компетенции. Я никогда не должен был ехать в Рим. Возможно, я был бы счастлив в какой-нибудь деревенской волости; виноградники, простые крестьяне и так

далее.“Он мог бы сохранить свой уровень образования на более низком уровне. Это была бессильная любовь к знаниям, которая привела его к церковной политике; грех гордости или тщеславия. Палестрина страдала от сильной тоски по дому.

— Рим и Америка, - сказал Корчной, и в его глазах промелькнул огонек. - Америка и Европа. Ты думаешь об этом … ты думаешь об этом.

На следующее утро Палестрина отправила сообщение Маркони через консульство Ватикана. По сути, он сообщил, что прибыл, и что догадки о шпионской деятельности Конгрегации по чрезвычайным церковным делам были в корне верны. После этого он взял такси, которое доставило его в IRD.

Он ненавидел это здание. Теперь у него была официальная идентификационная карточка, фотография, прикрепленная к платью. Он шел по снегу от главных ворот к внутреннему зданию или, по крайней мере, к той небольшой части здания, в которой он научился ориентироваться. Он направился прямо в кабинет Карла Неймана.

- Ходок все еще здесь?

— Пока да, - сказал Нойман. - Но я думал, вы с ним покончили.

- У меня есть еще несколько вопросов.

- Ну, если сочтете нужным. Мы рады сотрудничать, Ваше Преосвященство, пока позволяют обстоятельства. Однако вы должны понимать, что мы достигаем того, что можно назвать решающим моментом наших усилий. Можете ли вы найти комнату для допросов самостоятельно?

— Нет, - призналась Палестрина. Это было унизительно, но верно.

— Я вас провожу, - сказал Нойман. - И я сделаю так, чтобы ходок уже был там и ждал вас.

И снова кардинал Палестрина встретился с серым человеком в холодной кабине без окон. Ходок уставился на него терпеливым, выжидательным взглядом. Священнослужитель достал блокнот. Он бросил несколько вопросов. Кроме того, его руки были заняты … предлог, чтобы избежать глаз Ходока.

Он почувствовал жесткий контур стула под собой. Она почувствовала неприятный скрежет в животе.

— Я хочу быть уверенным, — начал он, - что у меня есть правильное и точное понимание того, что он мне сказал. Прошу извинить меня, если я повторюсь. Была ли она одним из оригинальных продуктов этого исследования?

— Нас было трое, - уточнил ходок.

- А двое других сбежали.

— Да.

- И у них были дети.

— Да.

- И вы убили этих двоих, но дети выжили.

Вопрос, казалось, поставил Ходока в неловкое положение. - Убийство, - сказал он — - было ошибкой. В этом я признался. Меня за это наказали. У меня были заклинания, чтобы вернуть Джулию и Уильяма, но это были дети, которые нас интересовали. Но детей там не было! И Уильям не хотел говорить, где они их спрятали! Итак, я протянул руки…

Серый человек колебался.

- Он убил их обоих своими руками? - спросила Палестрина.

— Я отправил их домой, - сказал ходок с резким видом. - Некоторые их части. Но, конечно, нельзя стоять в двух местах одновременно, - покачал головой он. - Это была очень кровавая штука.

Палестрина на мгновение закрыла глаза.

- И вам сказали это сделать?

— Нет, - сказал ходок. - Я же сказал, Меня наказали.

- А разве он не мог просто забрать детей и все?

- Они были слишком молоды, чтобы я мог их найти. У них не было … - он, казалось, искал слова. - У них не было пения. Я не мог их слышать.

- Но я думаю, что у него был шанс позже.

- Когда они начали проявлять свои таланты.

- И все же он не вернул их обратно.

- Мы хотели убедиться. Нет больше ошибок. Мы поняли … доктор Нойман объяснил, что для такой работы нужно время. Есть заклинания, которые лучше всего развиваются в определенный промежуток времени. Зреют. Но мы посадили семя, - сказал ходок — - когда дети были очень молоды.

- Семя? - спросил кардинал.

— Обязательные заклинания, - сказал ходок.

- Что за ограничения?

— Тщеславие, злость и страх, — серый удовлетворенно улыбнулся. - Зеркало, царства земли, и первенец сын…

— Заклинания, которые дадут результаты позже, - толковала Палестрина.

— Точный.

- Вы способны предсказать будущее?

— Нет. Но в этом здании есть люди, которые способны на это. Это еще один из наших проектов. “Как сквозь стекло, в темноте”. Вы знаете это выражение? Мы полагаемся на их советы. Они не являются надежными, но в этом случае выглядят довольно хорошо.

- Заклинания дают свои результаты?

— Да.

- Сейчас?

- О, да.

- Вы уверены, что сможете вернуть третьего поколения … сына мужского пола?

- Это то, что вам нужно? - сказал ходок. - Я могу вернуть его.

Палестрина подняла взгляд от своих заметок. — Есть еще кое-что … кое-что, что он сказал в прошлый раз, кое-что, что я не совсем понял. Он сказал, что теперь у него есть помощь. Что он имел в виду?

Ходок, с его старым, морщинистым, но раздражающе детским лицом, бросил взгляд на пурпура. — Его зовут, — сказал Серый человек, - это Тим.

Кардинал встал, чтобы покинуть комнату, на мгновение колебался и, наконец, снова обернулся. Ему в голову пришел незапланированный вопрос, и он не знал, как его задать.

И если это был случай порла. Однажды антиоканский епископ Малабарский, посетивший Рим на какое-то экуменическое событие, признался ему в своей вере в то, что самым серьезным из простительных грехов была тоска. Как гордость грех ангелов, тоска грех духовенства. Значит, подумала Палестрина, я должна быть виновата.

— То, что вы называете Пленумом… - сказал он — - имеет бесконечную протяженность?

— Есть миры на мирах, - сказал ходок. — Бесконечность. Так мне сказали.

- Но вы, конечно,не можете его видеть, или слышать, или что-то еще, что вы делаете… не все?

— Нет. Не все. И я могу идти только туда, куда они идут. Но иногда я мечтаю о других местах.

Палестрина прошептала: - но есть ли там все? Все, что мы можем себе представить?

— Возможно, — ответил ходок.

- И … - кардинал смутился собственным вопросом. - И Бог там?

Серый человек улыбнулся. - Бог везде … не так ли?

- А рай? — рявкнул церковник. - Мир, где человечество никогда не впадало в немилость? Сад, господин ходок? Существует ли это там?

Ходок улыбнулся.

— Если есть, - сказал он — - то я его так и не нашел.

Кардинал Палестрина обернулся прежде, чем Уокер успел увидеть, как он покраснел; дверь закрылась с непонятным чувством конца.

Ходок с изумлением посмотрел на эмиссара-паписта, который выходил из комнаты.

Кардинал Палестрина ему нравился. Он был доброжелательным человеком. Однако его беспокоили нервные тики, и это выражение отвращения едва сдерживалось. А теперь это райское дело. Это было то, с чем Уокер никогда не имел дела, и тем более в коридорах IRD.

Не имея других инструкций, мужчина вернулся в свою комнату, в глубине подвалов института, по коридору с потолком, заполненному трубами.

В комнате Уокера были ковер и фотография в рамке Скалистых гор; кровать с пружинным матрасом и тонким хлопковым одеялом, а также телевизор с круглой громоздкой электронно-лучевой трубкой на поворотной платформе. Он не очень часто пользовался телевизором. Смотреть было нечего, кроме правительственного канала, который выпускал Новости, информацию по связям с общественностью и пару скучных эстрадных программ. Из всего этого ходок предпочитал выпуски новостей. Ему нравились карты и те анимированные стрелки, которые двигались по Средиземному морю, все указывали на Сицилию. Ему нравились аэрофотоснимки турецких городов, когда над ними летали европейские самолеты, вращались пропеллеры, а бомбы падали, как конфетти.

Он понимал политические мотивы, которые привели кардинала к пересечению Атлантики; он понимал войну на Ближнем Востоке. Ходок не был глуп. За исключением того, что, хотя он и понимал, ему было все равно. Войны всегда были, и всегда будут. Повсюду были войны. Война не имела никакого значения. Это был поиск в себе, который преследовал ее; это чувство присутствия, которое мучило его на непостижимых расстояниях. Сложная и яркая сеть магических обязательств, жажда того, что принесет ему завершение этого усилия, удовлетворение.

Ходок верил, хотя редко позволял этой мысли стать явной, что он что-то упустил так давно и что приведение сына Карен Майкла в

IRD каким-то образом вернет его ему. Но что он потерял? Ну, он не знал. Может быть, что-то эфирное, как запах, память, чувство, или, может быть, что-то осязаемое, награда. Что-то, что он когда-то владел, но ускользало от него. Ходок часто мечтал потерять кошелек или шляпу и просыпался, лихорадочно рылся в простынях. Он был здесь, я знаю, он был где-то здесь.

Но он никогда не позволял себе чрезмерно настаивать на этом. Если он слишком много думал об этом, когда был один (а он почти всегда был один), у него слезились глаза, и он сжал кулаки. Хирурги IRD прижигали почти все его эмоциональные способности, но те немногие эмоции, которые он все еще чувствовал, были капризными и иногда приводили его в ярость. Он старательно пытался их подавить.

Но он вернул то, что потерял.

После ужина в столовой ходок пошел к Тиму.

Нейман выделил ему роскошную комнату на третьем этаже, достаточно высоко, чтобы он мог видеть город, теперь темный и покрытый постоянно движущимися облаками. Тим стоял у окна и смотрел на улицу. Ходок, понимавший природу заклятий, построенных за все эти годы, принял вертикальное положение, отпечатал улыбку на губах и попытался принять авторитарный вид.

При этом он мимоходом увидел свое отражение в окне. Как я выгляжу старым, подумал он! Конечно, он был стар. Он потерял точный счет своего возраста, но он, безусловно, был достаточно стар, чтобы быть отцом Тима. Это было естественно. А Тим был взрослым. Не мужчина средних лет, но и не молодой человек. Ходок наслаждался крепким здоровьем, но он знал, что возраст и время затягиваются, и надеялся, что он не умрет, прежде чем вернет то драгоценное, что потерял.

- Тебе нравится город? — сказало.

Тим обернулся.

Тимоти ФОВ сильно изменился за последние шесть месяцев. Теперь его глаза были ясны, одежда и лицо чисты, и он был здоров. Вороновые волосы доходили до его плеч, но не были тусклыми. Он побрился. Его руки не дрожали.

— Здравствуйте, ходок, - сказал Тим. - Я не думаю, что это такое

место, о котором можно сказать, что оно красивое. Допустим, я не против.

Улыбка Уокера слегка расширилась. - Ты проделал довольно долгий путь.

Более или менее максимум, что вы могли бы сделать. Со всех сторон.

- Мы не останемся здесь еще очень долго. Ты готов?

- Думаю, да.

- Ходок предпочел бы более решительный ответ. Он поморщился и заметил, что другой реагирует на вздох. - Ты понимаешь, как много мы работали, чтобы добраться до этого стадиона?

Тим энергично кивнул.

- Ты понимаешь, что мы для тебя сделали.

- Конечно, я понимаю. Конечно.

- А что на кону?

— Да.

- Ты уверен, что готов к заключению?

- Абсолютно, - ответил Тим.

- Хорошо, - ходок расслабился. - Что бы вы сказали о игре в шахматы?

Он дал ему гандикап ладьи и слона. Ходок был хорошим игроком. Быстро, методично и чисто. Он владел шахматными шашками, как хирург, владеющий скальпелем.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Родная земля

19

За три дня им удалось добраться из Пенсильвании до калифорнийской границы. Лаура перенесла их в и из сухого, теплого мира, с широкими улицами, легким движением и горизонтом, который всегда казался немного ближе. Однажды они тоже остановились в ресторане на шоссе, но меню над ящиком было написано странным курсивом, который больше походил на Персидский, чем на английский, что подразумевало, среди прочего, что их деньги ничего не стоят. Поэтому Лора отвела их обратно на межгосударственную дорогу, и они остановились в ресторане сети Stuckey's, недалеко от Кингмана, штат Аризона.

— Я не знала, что ты способен на все это, - сказала Карен.

Сестра пожала плечами. - Я тоже.

— Я думала, — продолжала Карен, - что это может привлечь внимание.

- Не думаю, что сейчас это имеет большее значение. У нас уже есть их глаза на нас.

— Это только вопрос времени, - сказала Карен. - У тебя тоже такое чувство?

— Да. Думаю, нам лучше поторопиться.

Карен заказала бутерброд и колу. Майкл попросил гамбургер, а Лора заказала салат. Пока они ждали, Карен протянула руки к пожелтевшему мраморному прилавку. - Теперь все изменилось.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, - ответила Лора. - Я умею делать то, что раньше мне не удавалось.

- Потому что потребность более непреодолима. Вот что я чувствую… срочность.

Официантка принесла обед. Карен уставилась на Майкла, который уставился на свой гамбургер. Волны света пробивались сквозь широкие окна, выкрашенные в зеленый цвет. Все было неподвижно. Кондиционер был остановлен. Стабильно, подумала Карен.

- Давай, кушай, - подтолкнула их Лора. - Нам лучше поторопиться.

Это был первый раз, когда Карен отправилась в Сан-Франциско.

Гэвин пару раз бывал там по делам. Он всегда говорил ей, что это прекрасный город. И это было, подумала Карен, издалека. Ей нравились холмы и старые белоснежные здания, и ей нравились низкие облака, бегущие с океана. Но как только вы вошли, это был город, как и многие другие, с теми же многолюдными тротуарами, теми же дизельными автобусами и теми же районами, которых лучше избегать.

Они нашли жилье в Ramada Inn на Маркет-стрит. Кредитная карта Карен была принята, и она задалась вопросом, как долго он еще проведет ее с этой историей. Это был счет, который она разделила с Гэвином, и теперь, когда она ушла, он, вероятно, отрезал бы ее.

Но были более насущные проблемы, о которых нужно было беспокоиться.

Каждый принес по одному из больших чемоданов вверх по мокрой лестнице на второй этаж. Комната была большой и слегка пахла закрытой, но простыни были свежими, а полотенца чистыми. Ванная была храмом зеркал.

Лаура достала открытку, которую дала ей Жанна. - Мы могли бы пойти сегодня вечером. Это не так далеко.

Но Карен решительно покачала головой. - Уже поздно. Я устала.

- Что ж, одна ночь и один ночной сон, конечно, не повредят нам. В фойе есть закусочная; вам это подойдет?

— Я хочу принять душ и лечь спать, — сказала Карен. - Вы двое, хорошо?

Лора на мгновение остановилась перед дверью. - Ты уверена, что все в порядке?

- Я в порядке. Мне просто нужно побыть немного одной.

Майкл заказал еще один гамбургер.

- Это убивает тебя, понимаешь? - сказала ему Лора. - Они

наполняют скот гормонами. Это отвратительно.

Майкл улыбнулся. - Ты вдруг стала вегетарианкой?

- Я просто говорю, что если ты должен есть мясо, ты должен есть его по-настоящему. Красивые бифштексы из красивых толстых вакконов. Когда-то недалеко отсюда был ресторан, где готовили стейки по разумной цене. Но из настоящего мяса, а не из хряща и ТГВ.

- Ты жил здесь?

- В Беркли. Но давным-давно.

— В шестидесятые, - сказал Майкл.

Лора улыбнулась про себя. Это всегда оказывало на нее определенное влияние, когда люди говорили “шестидесятые” так, как будто говорили о месте или адресе. — Да, - ответил он, - в шестидесятые.

Майкл откусил свой гамбургер. - Ты была хиппи?

- Это действительно глупое слово, Майкл. Я всегда так думал. Это слово из таких журналов, как Time.

— Ну что ж, — сказал он, — ты знаешь, ЧТО ЭТО ТАКОЕ.

Она неохотно кивнула. - Думаю, я могу сказать, что был. Во всяком случае, я была хиппи из Беркли. Иногда я приходил в хейт. Я танцевал в “Филлморе” … думаю, это меня устраивает.

— Пару лет назад я смотрел программу по телевизору, в которой говорилось об этом, — сказал Майкл. - Она называлась “Лето Любви”.

Улыбка Лоры превратилась в гримасу. - Лето Любви было полно наркоманов. Это был конец всему. Десять тысяч человек пытались жить на полуострове. Вы знаете, что такое Хейт-стрит в конце так называемого Лета Любви? Это было место, куда многие бездомные дети ходили за гепатитом. Или венерические заболевания. Или изнасиловать, или забеременеть. Все говорили только о том, чтобы уйти.

— Как и ты, - серьезно сказал Майкл.

— Да.

- Ты уехала на бирюзовый пляж.

- Что ж, я туда попала.

- А здесь все было так? Я имею в виду, когда он был в порядке? Хейт был похож на бирюзовый пляж?

Лора решительно покачала головой. - Хейт был уникальным местом. Он был полон всех этих безумных идеалистов, поэтов и святых … я не могу вам это объяснить. Это было похоже на сжатие всего мира в кулаках. Бирюзовый пляж-хорошее место, знаете ли. Это лучшее, что мне удалось найти. Но это намного медленнее. Нет этой страсти. Нет…

Он обнаружил, что заикается.

— Я не собирался огорчать тебя, - сказал Майкл.

Мальчик сидел на противоположной стороне стола; сын его сестры, очень восьмидесятых, с короткими волосами и узкой рубашкой. Странно было думать, что в 1967 году его еще не существовало. Внезапно ей пришло в голову, что он может быть ее сыном, что у нее может быть такой сын, что она может вырастить его. Вместо этого она ушла в страну никогда-никогда… где можно было вечно оставаться молодым. Или почти навсегда. Пока однажды не проснулась, с седыми волосами и в менопаузе.

— Я знаю, что это значит, — сказал Майкл, говоря вполголоса, почти только для себя, — искать лучший мир… я могу это понять.

Лора положила вилку на стол. - Сделай это, - сказал он. Его аппетит пропал. Его голос затвердел. - Сделай Это, Майкл. Но ищите хорошо, я рекомендую. Не сдавайся слишком рано.

Карен приняла душ, затем легла на одну из просторных двухместных кроватей отеля. Матрас был жестким (она привыкла к старым домашним толстовкам), но все было в порядке. Он планировал заказать что-нибудь в сервисном центре, но позже обнаружил, что не голоден. Он открыл шторы, но снаружи не было ничего, кроме убожества парковки.

Он посмотрел на телефон.

Он поднял трубку, думая, что все-таки ему лучше съесть что-нибудь. Но когда диспетчер ответил, Карен обнаружила, что просит междугороднюю линию. Может быть, это было то, что он

намеревался сделать с самого начала; может быть, это было из-за того, что он послал Майкла и Лору поесть в одиночку.

Он Позвонил В Торонто.

Это был номер, который оставил ей Гэвин все эти месяцы назад. Если она ответит, она сказала себе повесить трубку. Но, может быть, придет Гэвин. Три часа разницы, подумал он. Дома было время обеда. Возможно, Гэвин ел в квартире своей подруги с видом на озеро. Возможно, шел снег. Возможно, у них были открытые шторы, и они смотрели на снег, падающий во тьму воды.

Он подождал до четвертого звонка, затем до пятого, а затем у него было желание повесить трубку, немедленно повесить трубку, но вместо этого он услышал далекий тиканье и, наконец, голос Гэвина: - Алло?

— Здравствуй, - сказал он ровным голосом. - Это я.

- Господи, Карен, где ты?

- Довольно далеко-но это было глупо. — В США, - добавил он. Она не хотела, чтобы он знал это точно.

- И какого черта ты там делаешь?

- Нам пришлось уйти.

- Майкл с тобой?

- Конечно, он со мной … конечно, он.

- Ты ведь знаешь, что оставил здесь целый бардак? Я подал жалобу в полицию. Пришлось впустить их в дом. Это было странно. Все эти картонные коробки сложены. Она была как Мэри Селеста. И школа позвала меня к Майклу. Ты заставляешь его ходить в школу, по крайней мере?

— Майкл в порядке, - сказала она оборонительным тоном.

- У тебя есть рациональное объяснение всему этому?

Ничего ты не сможешь понять, подумала Карен. — Не совсем — - ответил он.

- У тебя было какое-то истощение, это так? Ты забрала Майкла и

просто уехала? Так просто?

— Так просто, - ответила она.

- Ты понимаешь, что это не так уж и справедливо. Это может пойти вам на пользу, когда речь идет об опеке.

Сначала он не понял. Опека на что?

Потом ей пришло в голову. - Гэвин, это безумие!

- Я, конечно, не настаивал на этом. Я имею в виду, это я тот, кто ушел. Признаюсь. Но я говорил об этом с Дианой, и нам кажется, что Майклу нужна более стабильная семейная ситуация.

- Стабильный?

- Вместо того, чтобы вытаскивать из школы и тащить по всей стране. — А потом раздражительным тоном, - Я не видела его уже несколько месяцев, понимаешь? Может быть, ты думаешь, что это не важно для меня. Но не забывай, что я ее отец.

Карен почувствовала, как она задрожала. Она удивилась, почему он позвонил. Ей пришло в голову, что, возможно, Гэвин обеспокоен. Она хотела его успокоить.

- Скажи мне, где ты, - сказал Гэвин. - Вернее, скажи мне, когда вы вернетесь домой.

— Так нельзя, - сказала Карен. - Ты не можешь просто отдавать мне приказы.

- Но ведь это не проблема, не так ли? Это Майкл проблема.

- Ты не можешь взять его у меня.

- Я имею в виду его благополучие. Его школа. Его здоровье. Я должен сообщить полиции, что ты позвонил.

- Майкл в порядке!

Но когда он это сказал, это показалось ложью.

— Это не мне больно, знаешь ли, - сказал Гэвин. - Это он тебе.

- С ним все в порядке.

- Мне нужен только адрес. Даже номер телефона. Майкл там? Позволь мне поговорить с ним. Я…

Карен захлопнула трубку.

После обеда Лора и Майкл прошли пару кварталов по Маркет-стрит. Было поздно, и это был не самый лучший из кварталов, но улица была заполнена людьми. Мужчина средних лет с усами в стиле Сальвадора Дали спросил их, есть ли у них мелочи. Лора протянула ему четвертьдолларовую монету. — Да благословит Вас Бог, - сказал мужчина с довольным видом. Это напомнило ей о хейте, его днях в Беркли. Сколько он потерял с тех пор … медленно, не замечая этого.

Когда они вернулись в отель, Карен спала. — Иди в ванную, - сказала Лора племяннику. - Я сделаю последнюю смену.

Через десять минут ванна была его. Она приняла нарочито длинный душ, в котором вода была максимально теплой, которую она могла выдержать; она также вымыла волосы и растиралась полотенцем, когда пар исчезал из зеркал.

Свет в ванной был безжалостной, холодной флуоресценцией, и зеркала были повсюду.

Старуха, подумала Лора.

Посмотри на эту женщину в зеркало, подумал он. Эта женщина считает себя молодой. Она двигалась так, как двигалась, когда ей было двадцать. Она считает, что она молода, и она считает, что она красива.

Но она обманывает себя по обоим пунктам.

Бох, подумала Лора. Просто я немного подавлена, немного устала от вождения и немного напугана. Эй, подумал он, просто зажми глаза и исчезни морщины.

Морщины, язвы, растяжки.

Слишком поздно, Подумал он. Слишком поздно, слишком поздно, слишком поздно … ты уже стара.

Самая красивая в мире.

Трудно.

Слишком поздно для любви, и слишком поздно для детей. Она слишком долго играла, и теперь все хорошие передачи по телевизору закончились, и свет вот-вот погаснет.

Скуля, подумал он. Тебе должно быть стыдно.

Ему было стыдно.

В постели, сказал он себе. Спать. Каждый нуждается в своем сне, чтобы оставаться красивым.

Она медленно пересекла гостиничный ковер, слушая хруст своих хрупких костей в безмолвной темноте.

На следующее утро они проверили телефонную книгу,но в районе залива не было Тимоти ФОВ.

— Это ничего не значит, - сказала Лора. - Может, он использует другое имя или что-то еще.

Однако, подумала Карен, это вряд ли было хорошим предзнаменованием.

Позавтракав, они подъехали к адресу открытки, которую Тим отправил домой.

Это соответствовало гостинице в районе миссии. Это был пансионат, и, конечно, не то место, к которому привыкла Карен; заброшенная гостиница с явно бездомными мужчинами, торчащими на тротуаре впереди. Его звали Грейвенхерст, и имя было выгравировано на старой вывеске, покрытой ржавчиной. Карен встревоженно посмотрела на него. Это было не то место, куда она могла бы пойти.

Но он последовал за Лорой вверх по трем изношенным бетонным ступеням с Майклом за спиной.

В подъезде было темно и слегка пахло плесенью и хмелем. Справа была комната с баром, а слева-письменный стол. Лаура подошла к нему и спросила о Тимоти Фове. Человек за столом был преувеличенно тучен, и у него, казалось, были глаза. Он посмотрел на Лору и сказал, что никогда не слышал этого имени. — Он был здесь на Рождество в прошлом году, - сказала Лора.

- Здесь много народу.

- Вы не могли бы взглянуть?

Мужчина просто уставился на нее.

Лаура открыла сумку и достала двадцатидолларовую купюру. — Пожалуйста, - сказал он.

Карен была поражена. Она никогда бы не сделала такого. Ей бы и в голову не пришло.

Мужчина вздохнул и начал листать огромный старинный журнал. Наконец он сказал: - ФОВ, комната 215. Но он ушел уже несколько месяцев.

- Вы помните? - спросила Лора.

- Что тут помнить? Он был тихим парнем. Он приходил и уходил.

- Вы никогда с ним не разговаривали?

- Я не говорю.

Лора, казалось, колебалась на мгновение. - Эта комната сейчас пуста?

— На данный момент, — сказал мужчина, — комната не занята.

- Мы можем взглянуть на нее?

- Похоже на все остальные комнаты. И она пуста с мая. У нас была утечка в водопроводных трубах.

- Всего несколько минут? - и достал еще одну десятитысячную купюру.

Мужчина сунул ее в нагрудный карман рубашки. — Если хотите, — сказал он и протянул ей ключ.

Но он был прав, подумала Карен. Ничего не было видно. Только этот длинный влажный коридор, деревянная дверь с ручкой и замком, пустая комната.

Это была дыра. Он был размером с табуретку. За потрескавшейся дверью были туалет и раковина, но без душа. Стены были покрыты серой штукатуркой. Сломанная труба заставила ковер намокнуть, и плесень дошла до двери.

- Он жил здесь? - спросил Майкл.

— Хотя бы на какое — то время, - ответила Лора.

- Не думаю, что он очень хорошо справился с этим.

— Мы не знаем, почему он здесь, - сказала Лора. - По правде говоря, мы ничего о нем не знаем. Мы потеряли его следы с тех пор, как он ушел из дома. Но он был в этой комнате. Я чувствую это.

Карен бросила взгляд на сестру.

— Здесь кое-что произошло, - сказала Лора. - Он ехал отсюда. Оставь следы.

— Он путешествовал из этого мира, - сказала Карен.

— Да.

Карен тоже пыталась это услышать. Это были годы, когда она не позволяла себе даже поверить в то, что подобное возможно. Но, конечно, сейчас не было причин отрицать это … он смотрел на пустую, потрепанную комнату, пытаясь найти в ней какую-то магию.

Ничего не было.

Если я когда-либо была способна на это, подумала она, то теперь я уже не такая.

- Ты знаешь, куда он ушел? — церкви.

Лора вздохнула.

— Нет, - ответил он. - Не знаю.

Потерпев поражение, они молча прошли через вестибюль. Лаура уронила ключ на скамью, и мужчина даже не поднял глаз.

Выйдя, Карен прикрыла глаза от света, внезапно встревоженная. К их машине прислонился человек.

Он был чуть выше Карен и слишком худой, но был достаточно хорошо одет. Накрахмаленная белая рубашка и пара чистых Леви. Его глаза были узкими, а губы-в улыбке. Он держал руки в карманах. Она подняла глаза; ее лицо было бледным в солнечном

свете.

На мгновение она озадачилась. Затем, когда она узнала его, она почувствовала, как у нее кружится голова.

- Тим! - закричала Лора.

Улыбка мужчины расширилась.

- Вы меня искали? — сказало.

20

Они пошли обедать в рыбацкую Пристань.

— Вы должны позволить мне отвезти вас немного, — сказал Тим. - Экскурсия.

Ресторан понравился Карен. Официантка принесла рыбные блюда в богатых маслянистых соусах; и за окнами можно было увидеть залив Сан-Франциско и Мост Золотые Ворота. Облака поднялись, и яркое зимнее солнце отразилось на веренице туристических катеров, пришвартованных у пристани.

— Но мы не туристы, - сказала Лора. - У нас нет времени.

— Ну, может, и есть, - сказал Тим. - Может быть, дела обстоят не так плохо, как вы думаете.

- Как ты нас нашел?

— Я искала, - Карен ощутила тонкий ударение, с которым произнесла слово “искала”. - И я знал, что вы меня ищете.

- Ты можешь это сделать?

Тим кивнул.

Но это было не подходящее место, чтобы говорить об этом. Карен ела методично, не очень понимая, что она ест, и бросала взгляд на брата. Он был хорошо одет. У него был довольно здоровый вид. Но тогда почему он жил в том отеле, который был дырой меньше года назад? Да, для него все шло правильно… но затем Карен заметила легкий, но стойкий нервный тик его правой брови, что заставило ее подумать, что, возможно, что-то тоже не так…

Тим повернулся к Майклу, который заказал блюдо из смешанной рыбы, обнаружив, что в меню не предлагается какой-либо бургер. - Должно быть, странно узнать, что у вас есть дядя после всех этих лет.

Майкл пожал плечами. Он молчал все утро. Тихо, но осторожно.

— Чуть-чуть — - сказал он.

— Иногда мы должны встретиться и поболтать, - сказал Тим.

- Конечно, - ответил Майкл.

Карен почувствовала укол уныния.

— Домой, - сказал Тим. - Вот где я был.

После обеда Лаура поехала в парк, выходящий на залив. Они сидели в машине с закрытыми окнами, и Карен наблюдала, как ряд чаек спускается к воде. Это было тихое место, и они были одни.

— Полагаю, ты не имеешь в виду Польгер — Вэлли, - сказала Лора.

Тим рассмеялся, и Карен вдруг вспомнила старые времена. Тот же насмешливый смех. - Это то, что вы называете домом? Но будьте честны: вы когда-нибудь действительно чувствовали себя там как дома?

- Мама с папой кое-что признали — - сказала Лора.

- Ну, а что вы скажете мне, что знаете? - спросил Тим.

Итак, Лора рассказала ему о том, что они обнаружили; она рассказала ему об их настоящих родителях и о сером человеке. И Карен повторила то, что рассказал ей Уиллис; хижину на соседней улице в Берли и тела, которые он там нашел.

Тим внимательно слушал; когда Карен закончила, на его лице появилась гримаса. Он покачал головой. - Я знал об этом из других источников. Но это заполняет некоторые пробелы.

- Ты знал? - сказала Лора.

- Мне сказали.

- Когда?

- Ну, недавно.

- Кто тебе сказал… Серый человек?

Слова, казалось, висели в воздухе, и на мгновение Карен услышала зов чаек.

— Конечно, я должен начать с самого начала, - сказал Тим. - Вам нужна длинная версия или Версия из Reader's Digest?

Лора на долю секунды взглянула на Майкла и сказала:

Тим сидел впереди рядом с Лорой, и Карен видела только его затылок или его профиль, когда он оборачивался, но она смотрела на него как можно внимательнее, пытаясь вспомнить свой прежний облик и заметить изменения. Она вспомнила, как надутый ребенок фотографировал ее мать. Но теперь он не был угрюм. Напротив, он был слишком экспансивным. Иногда он говорит как представитель, подумала Карен.

— Я ушел из дома, - начал Тим. - Я много путешествовал. Я делал несколько поделок в течение некоторого времени. И я тоже совершил много других поездок. Но в конце концов я всегда возвращался сюда… потому что это место, которое мне знакомо, я знаю, как устроиться. И большую часть времени я неплохо справлялся. Но у меня были те же проблемы, что и у вас. Серый человек иногда меня видел. И дело было не только в этом. Возможно, вы тоже испытали это чувство… это как тоска по месту, которого вы никогда не видели. Клянусь, у меня никогда не было ощущения, что я принадлежу к этому месту.

Карен заметила, что Майкл время от времени кивает.

— Итак, - продолжал Тим — - в какой-то момент я стал пить. И вскоре это тоже стало проблемой. Меня несколько раз госпитализировали. Потом я понял то, что, как мне кажется, вы оба поняли, а именно то, от чего нельзя убежать. - Его губы сжались в тугую зловещую улыбку. - Мы можем бежать дальше и быстрее, чем кто-либо, верно? Но мы не можем убежать.

- Тогда какая альтернатива? - спросила Лора.

- Хватит убегать, - сказал Тим. - И начать бежать навстречу.

- Что значит…?

— Я нашел серого человека и последовал за ним, - сказал Тим.

Новая тишина наполнила кабину.

— Я уже делал это, - продолжал Тим, - когда мы были детьми. Когда я не знал, чего он хочет. Когда я доверял ему. Вы помните ту ночь в ущелье…? Старый прибрежный город?

— Да, - невольно сказала Карен.

— Ну что ж, - сказал Тим — - именно с этого места он и приезжает.

До нее тоже дошло. Тим добавил: - Вот откуда мы тоже пришли.

Она наклонилась вперед, готовая отрицать это.

— Это самое разумное предположение, — сказал Тим, - нравится вам это или нет. Кем бы мы ни были, Серый человек-один из нас. От этого не убежать. Мы можем сделать эти трюки, и никто в мире не может сделать это, кроме него. Что это подсказывает вам?

- Что ты узнал? - нетерпеливо спросила Лора.

— Мы родственники, - сказал Тим. - Мы семья. Отношения немного странные, но я могу подойти достаточно близко, сказав, что вы можете считать его дядей.

21

Майкл слушал от дяди описание мира серого человека с растущим интересом.

Это было то, откуда они пришли, и именно там они были созданы. И это был единственный настоящий дом, который у них был и когда-либо был.

Это не обязательно было хорошее место. Это было похоже на любой мир; не явно хороший или плохой, но немного того и другого. Это была не утопия, но кто верит в утопии? Нужно было принять его как есть.

Но там были некоторые различия.

История разворачивалась несколько иначе. Рим и Римская церковь все еще доминировали в Европе; Америка обрела независимость и стала убежищем европейских протестантов. Он назывался Не США, а Новус ОРДО новый порядок Америки; великая экономическая и военная держава. В течение двух столетий Рим завидовал и боялся Новус ОРДО, но теперь была гораздо более серьезная угроза, исходящая от исламских стран Ближнего Востока и Африки.

Новус ОРДО, еретическая нация, посвятила себя экспериментам или исследованиям, которые мешали силам, к которым Церковь не решалась прикоснуться. Алхимия, каббалистическая магия, астрология… там все было совсем иначе, но очень реально. Именно американцы впервые обнаружили возможность ходить по мирам, и эта способность может быть легко доступна. Возможно, в прошлом она случайно оказалась диким талантом в людях, которые даже не подозревали, что обладают им, которые случайно оказались вне этого мира, когда мечтали, или кто использовал его, чтобы сбежать от семей или кредиторов. Теперь можно было идентифицировать этих людей, собрать их вместе и довести дело до предела.

Не обязательно как оружие (хотя это значение, конечно, не было отброшено), но как поиск. Инструмент для обучения.

Это то, откуда мы пришли, сказал голос Тима … или, по крайней мере, это то, откуда пришли наши родители.

Наши настоящие родители.

— И Серый человек, - сказал Майкл.

— Это неудачный эксперимент, - заявил Тим. - Он болен.

— Он охотится за нами, - сказала Карен. - Он охотится за нами с тех пор, как мы живы. И он убил наших родителей.

Они шли по траве мыса; трое взрослых, и Майкл.

— Девочка на пляже тоже, - сказал Майкл. - Я видел его. Он просто оттолкнул ее … как убить насекомое.

— Это не было запланировано так, - вполголоса произнес Тим.

— Все эти годы, - повторила Карен — - он охотился на нас, а иногда и находил нас… кажется, если бы он намеревался убить нас, он бы уже это сделал.

— Я не совсем понимаю всех его целей, - сказал Тим. - Но, может быть, убить нас не так просто, как убить других. Наши родители доверяли ему. Он был для них братом и, следовательно, мог сблизить их, не вызывая подозрений. Для нас это никогда не было так.

— Кроме тебя; ты доверял, - сказала Лора.

Тим посмотрел на нее с недоуменным выражением лица.

- Той ночью в ущелье, в переулке. Ты говорил с ним так, будто уже знал его. Если бы он захотел, Тим, он мог бы убить нас в тот момент.

— Думаю, он хотел нашего доверия, - сказал Тим.

- Похоже, у него уже есть твоя.

- Я больше не разговаривала с ним после того времени.

- И то, что он нам дал; эти игрушки. Ты знаешь, что у мамы и папы они все еще есть, спрятанные в ящике? И то, что он сказал. Я часто размышлял над этим. Это было как проклятие, или предзнаменование, или что-то подобное.

- Его безумие.

- Ты, кажется, совершенно уверен в этом.

- Я говорил с людьми.

- Люди из этого места… Новус ОРДО?

- Важные люди.

- Ты просто вошел и поболтал?

- Я сказал им, кто я.

— Но о чем мы говорим, о каком-то военном проекте?

— Исследовательский проект, - сказал Тим.

- И тебя так отпустили?

- Они поняли, что не могут остановить меня.

- И ты поверила тому, что тебе сказали?

- У меня не было причин не верить.

Лора покачала головой. — Если это правда, — сказал он, - то они чего-то хотят. Поневоле. Точно так же, как Серый человек чего-то хочет.

— Я разговаривал с таким человеком по имени Нойман, — сказал Тим. - Настоящий человек из плоти и крови; не монстр. Ничего сверхъестественного. Он работает над тем, что они называют проектом Пленума. Конечно, логично, что они чего-то хотят от нас. Им нужна наша помощь. Так, в некотором смысле, я несу вам это сообщение. Но Господи, Лора, дело не только в этом. Это наш дом, понимаешь? Это место, к которому мы можем принадлежать. - Он уставился на нее напряженным взглядом. - Ты не скучаешь по этому? Вы никогда этого не хотели?

— Если это наш дом, — вмешалась Карен, думая о том, что сказал ей Уиллис, - почему наши родители уехали?

- Они убегали от Ходока, а не от проекта.

- Но если ты только что сказал, что они ему доверяют. Вот как он их убил.

- Они боялись его. Но он всегда был частью семьи. Они любили

его - он пнул камень, который скатился с травянистого спуска в бухту. - Эй, бывает, понимаете? Пусть люди любят тех, кто хочет причинить ей боль. Можно.

Они оставили Тима у автобусного депо Барта и вернулись в отель. Было время поговорить и на следующий день. А между тем было над чем задуматься.

Лаура заказала еду в номер, а Майкл сел в большое кресло у окна, не обращая внимания на бутерброд и бренчание аккордов, которые едва слышны с Гибсоном, который тащился за собой по всей стране. Слушая, как его мать и тетя пытаются что-то понять, Майклу показалось совершенно очевидным, что появление Тима застало их врасплох. Это было не то, что они ожидали.

— Он говорит не правду, — сказала Лора, - или, по крайней мере, не всю правду.

— Давно прошло, - сказала Карен. - Трудно судить.

- Трудно тебе, пожалуй. Я всегда замечала это, когда Тимми лгал.

- Но он уже не ребенок.

- Но это всегда Тим.

Они продолжали так. Майкл напал на свой бутерброд и спустился в бар за кока-колой. Когда он вернулся, его мать говорила: - это зависит от того, чего он хочет от нас, не так ли?

— Он хочет, чтобы мы вернулись туда с ним, - сказала Лора. - В том месте… Новус ОРДО.

- Он не сказал.

- Он скажет….

— Может, нам стоит послушать его, - сказал Майкл.

Две женщины одновременно повернули головы, как будто забыли,что она там. Майкл отпил глоток из банки и сказал: — Судя по тому, как вы его описываете, он выглядит вполне приличным парнем. Я имею в виду; он не был так Здоров дома, но при определенных обстоятельствах, кто мог? И он не сдался. У него был талант, и он следил за ним так далеко, как вел. Я не понимаю, что в этом плохого.

Лора покачала головой. - Ты его не знаешь, Майкл. Ты никогда не жил с ним. Он ненавидел папу, а может быть, и нас, нездоровым образом. Я не думаю, что такая ненависть может просто испариться.

- По крайней мере, он не боялся.

— Не так, как мы боимся, - сказала Лора. - Не то же самое.

Она не боялась своего таланта, подумал Майкл, и не боялась его использовать. Он не был покорен бочками и не укрылся в застойной приморской стране все эти годы. Конечно, надо было отдать ему должное.

Но он держал эту мысль при себе.

22

Тимоти ФОВ вернулся на автобусе к гостинице. Это был хороший отель, недалеко от моря. Он открыл дверь своей комнаты и обнаружил в ней Ходока, его толстую фигуру, распростертую на одной из кроватей. Он держал одну руку за головой, и серая шляпа лежала на его груди. Услышав, как открылась дверь, она подняла взгляд. - Здравствуй, Тим, - сказал он.

Тим закрыл за собой дверь. - Я не знала, что у тебя есть ключ.

- Мне это не нужно.

Тим расплылся в улыбке. - Наверное, нет.

Она включила свет и опустилась на стул. Ходок чего-то хотел. Или она проверяла его. Она посмотрела на мужчину в полумраке комнаты со смесью благодарности и дискомфорта. Она любила Ходока, но он требовал многого.

— Ты говорил с ними, - сказал Серый человек.

— Да.

- И тебя слушали?

- Думаю, да. Я думаю, у них есть некоторые сомнения, но этого следовало ожидать. Но я думаю, что они преодолеют это.

- А Майкл?

- Думаю, он заинтересован.

— Вот что важно, - сказал ходок.

— Но это будет нелегко, - рискнул Тим. - Они боятся тебя. Они знают определенные вещи.

Ходок встал и сел. - Какие вещи?

- Как ты убил Джулию и Уильяма.

— Мы же тебе говорили, - напомнил ему ходок.

— Некоторый. Но то, как это описала Карен, выглядело хуже.

Ходок поднялся на ноги. Его присутствие было громоздким в этой комнате. У нее было окно за спиной, и ее тень нависала над Тимом.

— Вы понимаете, - сказал ходок — - что я не собирался этого делать. Но они были вооружены, и я отреагировал как мог.

- Карен не говорила об оружии.

Карен не было рядом. - Мужчина принял озабоченное выражение. — Мы уже говорили об этом, и я признал, что это была ошибка, если бы я мог этого избежать, я бы это сделал. Но тогда у нас было меньше опыта.

— Есть еще кое — что, - продолжал Тим, гадая, мудр он или нет настаивать на этом, но в то же время желая получить ответ. - Они говорили о маленькой девочке на пляже в какой-то калифорнийской деревушке.…

Выражение лица Уокера помрачнело. — Что ты говоришь; что у них есть сомнения; или что они у тебя?

- Я просто докладываю. Я думал, ты знаешь.

- Но что тебя беспокоит?

- Может, чуть-чуть. Допустим, это вызывает вопросы.

- Ты был на этом пляже?

— Нет, - сухо сказал Тим.

— Я никогда не скажу, что не сделал того, о чем потом пожалел. Но это время было решающим моментом. Я сосредоточилась на Майкле. И это было близко… она могла бы оказаться там, я мог бы отвезти его домой. Это был жест реакции. Инстинктивный.

— Однако, - сказал Тим, - ребенок…

- Интересно, что бы ты сделал в такой же ситуации?

Тим опустил голову…

— Я знаю, кто я, - сказал ходок. - Я понимаю. И я живу там вместе.

Она положила свою большую руку на плечо Тима.

— Если я совершу грех, — сказал он, - то искуплю свою вину. Помнишь, как все было, когда я тебя нашел?

Она никогда не могла забыть его. Он находился в той гостинице в районе Мишн, той самой, где он тогда встречался со своими сестрами,и весил около пятидесяти килограммов. Он делал небольшие повседневные дела, когда ему нужны были деньги, пил токайское вино и персиковый коньяк, и ел Крафт-ужины в своей комнате, в одиночестве, когда он вспоминал о еде. День выплаты жалованья означал либо пьянство, либо дешевый секс, либо, очень, очень иногда, сильно сокращенную дозу героина. С 1974 года он время от времени попадал в нее; с тех пор, как безработный рабочий из Детройта показал ему, как это делается. Однако в последнее время он делал это чаще, чем хотел, начиная принимать порок, который он не мог себе позволить. Это было больше случаев, когда он болел, чем когда он был в порядке,и он также часто пропускал обеды. Он был очень худым для своего роста, и вскоре даже это могло помешать той маленькой работе, которую он мог исправить, и без этих денег он был бы посреди улицы… спал бы на тротуарах. И это было плохо, поскольку Тим узнал, что, по иронии судьбы, то, в чем он жил, было лучшим миром; он открыл много дверей в своей жизни, но так и не нашел места, где хотел бы жить. По большей части это были холодные, закрытые, уродливые миры. В результате неудача в этом была бы похожа на неудачу в целом.

И именно тогда появился ходок.

Ходок выскочил без предупреждения, и для Тима это было все равно, что войти в сон, во что-то, что принадлежало его детству. Потому что она давно знала этого человека. Какое-то время он был ее другом. Ходок дал ему кое-что и показал еще. Но потом Тим обнаружил, что это вызывает у него трепет, и он провел все эти годы в дороге, пытаясь избежать этого, потому что в конце концов он боялся этого … он боялся того, чего мог от него хотеть. Но однажды он нашел его там, в этом убогом гостиничном номере; пожилой человек, но все же внушительное присутствие, излучающее спокойствие и уверенность. - Тим уставился на него, и он сказал: - Я никогда не забывал тебя. - И как будто приветствовали его дома.

— Все остальные забыли тебя, - продолжал мужчина, - кроме меня.

Тим, который провел три долгих дня с тех пор, как в последний

раз ел или стирал, заплакал.

Ходок принес его новусу ОРДО; он накормил его, одел, поставил на ноги и снова сделал респектабельным. Тебе не нужна ни бутылка, ни игла, сказала она ему, и из-за какой-то магии, которую Тим не мог понять, вдруг это действительно так. Эти потребности были забраны. Они исчезли в воздухе. И он был ему благодарен; благодарность от всего сердца, которой он никогда раньше не испытывал. Это было лучше, чем шприц.

Ходок показал ему все, что могло стать его собственным. Ее наследие, сказала она ему. - Ты была создана для этого. - Представьте себе землю, сказал он ему, зеленую Землю, простирающуюся на многие километры; фермы, города и голубое небо. И ты на вершине холма, и ты смотришь на нее, и она твоя … она принадлежит тебе.

Наследие земель и власти.

Царства Земли.

— Если хочешь, — сказал ходок, - просто сделай для нас небольшую работу.

Даже сейчас, в этом гостиничном номере в Сан-Франциско, память была блестящей и чистой, как драгоценный камень. Мое место, подумал Тим. Мой дом, вот что он мне обещал. И, возможно, подумал он, это был способ Уокера искупить несчастный случай на пляже. Найти меня и заставить себя чувствовать себя хорошо. Это было вполне разумно. Несчастный случай мог случиться с кем угодно.

Однако…

— Иногда — - сказал Тим — - я думаю, мы должны просто сказать им правду.

— Я тоже испытываю это искушение, - сказал ходок. - Но ты прекрасно знаешь, что они не поймут.

- Они тебе не доверяют. Не так, как я доверяю.

— К счастью, — сказал ходок, - мне не стоит доверять.

— Все, что мы хотим, - продолжал Тим — - это вернуть их домой, не так ли? Они бы заметили, если бы пришли.

— Я в этом уверен, - сказал человек, начиная исчезать, теперь довольный, просунувшись в какой-то скрытый угол, ведущий из этого мира. - Я уверен.

— Завтра я снова увижу их, - сказал Тим — - и сделаю лучше.

Ходок улыбнулся и исчез.

Теперь, когда он был один, Тим почувствовал себя успокоенным. Он делал то, что было правильно. И если это было неправильно, он делал единственное, что мог. Если подумать, у него было очень мало альтернатив.

Он боялся ходить, но в то же время доверял ему. Это были такие отношения. Доверительные отношения.

В конце концов, Серый человек был самой похожей на отца вещью, которую он когда-либо имел.

23

Майкл долго не спал в свинцовой тишине своей комнаты, совершенно бесшумной, если не считать легкого дыхания Карен и Лоры в темноте.

Ему нравилась тьма, и он любил, чтобы она была вокруг. Во всех странных комнатах, в которых он спал, от бирюзового пляжа до Долины Польгер, а затем до Сан-Франциско, единственной знакомой константой была темнота. Это была самая близкая вещь к его дому, которую он знал.

Домой, подумал он. Слово, которое Тим использовал не раз.

Сейчас Майкл не был уверен в ее значении.

Дом был темным гостиничным номером вдоль какого-то пустынного шоссе.

Или дом был тем далеким миром, который ему иногда приходилось видеть в своих видениях; “лучший мир”, о котором он говорил тете Лоре. Он думал об этом мире; океаны и леса, как Америка могла быть сто лет назад. Но это был также Мир, полный жизни, с многолюдными городами и оживленными рынками. Дороги, фермы, и большие, нежные летательные аппараты. Он задавался вопросом, существует ли в этом мире город под названием Сан-Франциско, и, подумав об этом, он понял, что он существует; но он не был таким большим, как этот, и люди говорили в основном на испанском и науатль. Это был ее дом?

Возможно.

То, что, вероятно, не было его домом, было в пригороде Торонто, где он вырос. Это уже было для него воспоминанием. Воспоминание, которое становилось все дальше и дальше… могло быть за миллион километров.

Но Тим говорил о другом доме.

Он назвал ее Новус ОРДО. Майкл повторил слова вполголоса в темноте.

Это то, откуда мы пришли. Это то, что мы были созданы.

Это было похоже на то, что сделано в Японии или Сделано в Гонконге. Может быть, подумал Майкл, может быть, где-то мы это написали. Знак рождения или татуировка. “Сделано в новус ОРДО””

Возможно, в конце концов, это было не такое уж злое место.

Она слабо ощущала его по отдаленному коридору возможностей. Порт.

Двери и углы, подумал Майкл сонно. Он был всего в одном боковом шаге оттуда. Он мог это слышать, и он мог это видеть. Это было очень, очень холодное место. Он увидел темный старый промышленный город; это был не Сан-Франциско, а какое-то место на востоке; смолистое место под серым небом. Он увидел пламя, хлынувшее из дымовых труб фабрик; он увидел темную реку, извивающуюся на юг.

Это было не привлекательное место. Но Тим так и сказал. Это было не особенно хорошо или плохо, как место. Это была не утопия.

Но это был дом.

Слово эхом отозвалось в его сознании, пока оно не потеряло весь свой смысл. Дом, подумал он, это место, где вы принадлежите. Здесь есть место для вас. Где тебя понимают. Где ты можешь говорить.

Дом был местом, где он никогда не был.

Если только Тим не нашел его для него.

В то утро Карен спустилась в закусочную отеля с Майклом и Лорой, где их ждал Тим. Это был мрачный день. Туман давил на витрины, и противоположная сторона улицы казалась затерянной среди слоев облаков.

— Вопрос, - сказал Тим — - в том, чего вы на самом деле хотите. Почему вы пришли за мной в первую очередь?

— Чтобы узнать, что мы, — сказала Лаура, - и посмотреть, что можно сделать для дела серого человека.

Час пик завтрака закончился, и зал был почти безлюден. Человек с ведром и тряпкой очень спокойно чистил напольную плитку.

Карен сидела с Майклом на центральной виниловой скамье, радуясь тому, что сестра заговорила.

Тим продолжал: - Ну, часть вы получили. Вы знаете, кто вы, и знаете, откуда вы. Что касается серого человека, уверяю вас, вы не сможете справиться с ним без помощи.

- Твоя помощь?

- Помощь людей, которые его создали.

- Люди, о которых ты говорил, Новус ОРДО.

— Именно, - сказал Тим.

- Ты хочешь, чтобы мы пошли туда.

Лора взглянула на Карен, которая кивнула.

— Это было бы мудрым решением, - сказал Тим. - Пожалуй, единственное решение. У вас есть много альтернатив?

— Но мы должны взять тебя на слово за все это, - сказала Лора.

Тим дернулся. Он принял осторожное выражение. - Я не уверен, что вам нравится то, что вы подразумеваете.

- Это было так давно, вот и все. В последний раз, когда мы видели тебя, ты был в возрасте Майкла. Помнишь? Ты был маленьким мальчиком в кожаной куртке с плохим характером. И ты был чрезвычайно спорным.

Тим успел обидеться. - Ты хочешь сказать, что не доверяешь мне.

- Я имею в виду, что ожидать доверия-значит просить много. Мы стоим посреди улицы, и вдруг ты появляешься; ” Привет, сестра, как дела?“Но прошло двадцать лет, Тимми. Люди меняются. Кто этот тип? И что он хочет от нас? Мне это кажется законным вопросом.

Тим покачал головой. У нее был грустный вид, подумала Карен, но был и небольшой, очень слабый след той ненависти, которую она когда-то так свободно выражала.

- Мы в обычном режиме, да? - сказал Тим. - Доберитесь до предела, а потом убежите. Так вы живете, оба. Что ж, оправдываться легко. Но вы, конечно, не решите свои проблемы.

Лаура моргнула. - Почему ты так говоришь? Ты ничего не знаешь о нас.

- Возможно, мне было всего пятнадцать, но у меня были глаза. И у меня есть память.

- Попробуй увидеть ее с нашей точки зрения, - сказала Лора. - Попробуй, по крайней мере.

Его ответ прозвучал как укус. - Я пытаюсь. Я просто не могу понять, что вы хотите.

Официантка принесла кофе в кипящий графин. Карен увидела Майкла, протягивающего ему чашку, и удивилась, когда он начал пить кофе. Может быть, с половым созреванием, как борода.

Он попытался сосредоточить свое внимание на разговоре, но не смог. Какое место в мире может быть безопаснее, чем закусочная отеля? И все же она чувствовала себя неловко, обнаженная…

— По крайней мере, мне хотелось бы знать, к чему мы идем, — сказала Лора.

— Это старый город, - терпеливым тоном сказал Тим. - Его зовут Вашингтон, и он находится на реке Потомак, но он не очень похож на город, который вы знаете с таким же названием. Сейчас зима, а погода холоднее нашей, поэтому можно ожидать, что пойдет снег. Есть здание, которое называется научно-исследовательским институтом обороны. Это правительственное здание, и там есть люди, которые хотят с вами поговорить.

- Они могут нам помочь?

- Они дали мне понять, что могут показать нам способ путешествовать, не оставляя следов; в основном, способ избежать пешеходов.

- Тебе оказали такую услугу?

— Нет. Пока нет.

- Тогда мы должны поверить им на слово.

На этот раз Тим принял страдальческое выражение. - Они не могут держать нас там. Нет никакого наказания, есть только награда. Очевидно, они не хотят давать ее слишком рано.

- Они так нуждаются в нас?

- За свою работу. Ничего страшного. Это нашего сотрудничества, что им нужно.

Мысль пронеслась в голове Карен. - А откуда нам знать, что он не работает на них?

Лора и Тим резко повернулись к ней. Карен покраснела, но настаивала; — Серый человек, я имею в виду. Может быть, он работает на них. Это было бы его наказанием.

Лаура задумалась и задумчиво кивнула. — Возможно. Что ты думаешь, Тим?

— Вы параноик, - сказал он. - Сколько раз я должен вам об этом говорить? Мы говорим о разумных людях, а не о монстрах.

Карен допила кофе. Тим оставил деньги на завтрак вместе с огромным, чрезмерным чаевым. — Я рассказал вам все, что знаю, - заключил он. - Суть в том, что я скоро вернусь туда, и я считаю, что вы должны пойти со мной.

Это было похоже на ультиматум. Карен почувствовала это по его голосу. Это был приказ, или мольба, или угрожающая комбинация того и другого. Тим не изменился.

Наступила тишина.

— Я пойду, - неожиданно сказала Лора.

Карен ахнула. Тим выглядел так же пораженным.

- Завтра, - сказал он.

Другие изумленные взгляды.

— Ну, - продолжала Лаура — - почему бы и нет? Чем раньше вы пойдете, тем лучше, не так ли? Но только один из нас, - добавил он. - Только один из нас. Я пойду. И если мне кажется, что все в порядке, я вернусь и позову остальных, — он посмотрел брату в глаза. - Тебе хорошо?

Последовало молчание, еще более продолжительное, чем предыдущее. Тим уставился на Лору, потом на Карен и, наконец, на Майкла. Он осматривает нас, подумала Карен, чтобы узнать, правдивы ли мы.

Но почему бы не доверять? Чего он боялся?

- Я думаю, вы ведете себя необоснованно осмотрительно. Во всяком случае, это уже что-то.

— Тебе не обязательно это делать, - сказала Карен.

— Знаю, - ответила Лора.

Они вернулись в комнату, и Майкл принял душ. Они были одиноки.

— Это опасно, - сказала Карен. - У меня плохое предчувствие.

- Ну, господи, я тоже. Но я не достаточно важный заложник, чтобы удерживать. Думаю, Тиму придется вернуть меня. Они проведут меня на экскурсию, и, может быть, это будет мессинсена, может быть, он будет спроектирован так, чтобы заманить нас туда… но я все равно кое-что узнаю.

— Мы предполагаем, что он лжец, — сказала Карен, - что он работает на серого человека.

- Это, по крайней мере, возможно. Между ними всегда были отношения,которые я никогда не понимал.

- Тогда это слишком опасно. Ты не можешь идти.

Лаура вздохнула, подняв глаза к небу. - Какие еще у нас шансы? Бегать и продолжать бегать? Я больше не хочу. Я хочу перестать убегать. И в любом случае, это не я, что они хотят. Ходок всегда оставлял меня в покое на бирюзовом пляже. Я не приз.

Это правда, подумала Карен, но это тоже было страшно. То, что он подразумевал, было страшно. - Тогда кто приз?

— Не ты или я, — сказала Лора. - я верю … в конечном счете, я считаю, что это Майкл, которого они хотят.

Пожалуйста, нет, подумала Карен.

Но, может быть, Тим не лгал; может быть, все это было правдой. И, может быть, все было в порядке.

Лежа на кровати, Карен захотела в это поверить.

Может быть, это правда, подумал он, может быть, действительно

существует место, которое мы можем назвать своим домом. Не та утопия, которую Лаура искала на другом конце континента, не рай, может быть, даже не особенно красивое место, но всегда дом. Настоящий дом, к которому они принадлежали.

Это было бы хорошо.

Но он думал о своей мечте, которая была не мечтой, мечтой о ущелье за домом Константинополя и темноте мощеной аллеи в старом дымном приморском городке. Он думал об одиночестве фабрик и складов и дворцах из черного обсидиана. Он подумал о снеге, который начал падать.

Это был тот мир, в который Тим вошел бы по своей воле. Карен слышала, что сказала ее сестра об их таланте. Это был талант, широта которого зависела от собственного воображения. Что было похоже на саму душу. Она вспомнила Тима в детстве и представила, как он открыл двери в дюжину или более из этих мрачных, ограниченных и ледниковых миров. Возможно, это была единственная дверь, которую он действительно мог открыть … из всей сети возможностей, ничего, кроме этих темных переулков и этих холодных городов.

Засыпая наконец, она вспомнила, что сказала ей Лора: это Майкл, которого они хотят. Слова эхом отозвались в его голове.

Не мой сын, молился он. Пожалуйста, не Майкл.

Я думаю о сером человеке, все эти годы назад, и о подарках, которые он им подарил; подарки, которые приняли трое детей и которые томились в закрытом ящике в течение трех десятилетий.

Царства Земли.

Что это значит?

Самая красивая в мире.

Загадка.

Старший сын.

Уснув, он вздрогнул.

У Лоры в соседней постели были похожие мысли.

Ходок подарил ей зеркало. То самое зеркало, которое он нашел в

ящике в Полгер-Вэлли, то зеркало, которое он теперь ясно видел мысленным взором. Это было маленькое розовое пластиковое зеркало, а хромированное стекло с годами отслаивалось. Но было очевидно, что хотел значить этот дар Ходока. Это был его способ сказать: “Ты тщеславна”. Твое проклятие-тщеславие.

И это было правдой. Теперь он мог это слышать. Его жизнь была основана на этом. Наркотики были зеркалом, в которое она некоторое время смотрела. Бирюзовый пляж тоже был зеркалом; волшебное зеркало, отражающее только приятные вещи. Эммет тоже был зеркалом, и она отразилась в его глазах.

В целом, подумала Лора с горечью, это не что иное, как дерьмо. И из-за такого она осталась там, одна и брошенная на этом островке времени.

Итак, подумал он, это должен быть я. Это было совершенно логично. Именно из-за этого она предложила пойти с Тимом. Это была хорошая идея, но это был также акт мужества; позвольте мне пойти на этот риск вместо кого-то другого. Впервые, пожалуйста, Боже, позволь мне позаботиться об этом.

Но он боялся.

Но ничего странного в этом не было. Это было нормально, что она испугалась. Теперь речь шла о том, чтобы столкнуться с истинными истинами. Окончательное сравнение. Окончательные секреты.

Я никогда не сплю, подумал он. Я слишком напряжена, чтобы спать.

Но сон овладел ею, не предупредив ее.

Он спал, и Карен тоже спала, и ночь изнемогала. Когда они проснулись, солнце светило в небе, а кровать Майкла была пуста.

24

В столице Новус-ОРДО зимой было темно, и Майкл не был одет должным образом.

Он надел две футболки, пару тяжелых джинсов и бейсбольную шляпу команды “Блю Джейс”, натянутую до ушей. Но этого было недостаточно. Ветер дул по этим одиноким улицам острым, как нож, и снег проникал в его кроссовки.

Дорога была пустынна. Он спросил себя, был ли комендантский час случайно, или это было просто из-за погоды. Но там тоже должно было быть поздно. Здания были старые и черные, освещенные странными и неточными интервалами натриевыми лампами. Время от времени он пыхтел тяжелой воздушной машиной или каретой, запряженной лошадьми. Падая, снег издавал сухой, пыльный звук. Майкл вздрогнул.

Но это было близко. Он чувствовал это. Еще пара этих длинных узких кварталов, потом направо, а потом еще налево. Он не знал, откуда у него это познание, но оно было немедленным и безопасным; оно фиксировалось в его сознании с того момента, как он прибыл.

Но погода была действительно плохой, и попытка ходить означала, что она пришла в ужасное состояние. Таким образом, он укрылся под скудным навесом магазина в готическом стиле, на вывеске которого были написаны часы, часовые механизмы, ремонт, и попытался пройти.

Мимо него прошли две машины. Третий остановился.

Это был огромный серый автомобиль, а из-под капота торчал черный цилиндр, возможно, бак или камера сжатия. Правая дверь распахнулась, и Майкл вполз в машину.

Плюшевый интерьер автомобиля был не намного теплее дороги, но, по крайней мере, он был защищен от ветра. Майкл с благодарностью посмотрел на водителя. Это был тип средних лет, одетый в русские меха и тяжелые перчатки. Они смотрели друг на друга с пытливым видом в течение минуты, пока водитель не сделал несколько сложных движений рычагом переключения передач, и автомобиль снова задохнулся.

— Уже поздно быть рядом, - сказал мужчина.

Майкл кивнул. - Это не было запланировано.

- Ты оказался в шторме?

- Угу.

- Ты можешь оставаться сухим, ходить в таком костюме.

Акцент у мужчины был странный, подумал Майкл. Как сочетание голландского и французского языков. Тон был нейтральным и осторожным. — Ну, вы знаете, как это, - сказал Майкл. Для ее одежды не было правдоподобного оправдания.

- Ты из-за города? - спросил мужчина.

— Да.

- И далеко идешь?

— Мало.

- Дай мне адрес. Я отвезу тебя.

Но у него не было адреса. Он колебался мгновение. — Я не знаю номера, - сказал он — - но могу указать вам дорогу.

— Лучше, чем ничего, - сказал мужчина.

Некоторое время они шли молча. Огромный паровой Снегоочиститель с синим миганием на крыше пересекал их путь на перекрестке. Свисающие тросы гудели и грохотали между собой в темноте. Здания были высокими и причудливыми, как те фотографии Тюдоровских домов, которые он видел в своей книге географии. Окна на уровне улицы были все витрины магазинов. Через некоторое время их заменили более крупные здания, похожие на склады, чередующиеся с какой-то каменной или бетонной башней с колоннами из искусственного мрамора и шпилями, поднимающимися с карнизов.

Это было не хорошее место, сказал Тим, но и не обязательно плохое место.

Дом, сказал он.

Но Майкл вздрогнул на холодном сиденье и подождал, прежде

чем дать суждение.

— Налево, - сказал он, следуя своему инстинкту. — Правильный. А теперь поднимайся. Может быть, квартал или два…

Дорога, по которой они шли, была шире и усеяна высокими обсидиановыми дворцами. Тросы для трамваев были натянуты над ними. Грохот шин подсказывал, что под снегом дорога должна быть мощена.

Это растущее чувство знакомства возбуждало и беспокоило Майкла одновременно. Откуда он знал, куда идти? Это было странно. И все же он это знал. Инстинкт был сильным, мощным…

- Здесь! - воскликнул он вдруг.

Машина остановилась.

Последовала минутная тишина,прерванная лишь шумом ветра на лобовом стекле.

Здание было огромным. Каменная стена, выходившая во двор. Над входными воротами была выгравирована пирамида с одним глазом в центре.

— Здание правительства, - заметил человек за рулем.

Найти путь туда было легкой частью.

Майкл долго не спал после того, как его мать и Лора уснули. Он чувствовал себя так бодрствующим в этом гостиничном номере в Сан-Франциско, что у него создалось впечатление, что он больше никогда не сможет заснуть. Мысли кружились в его мозгу, как перегретый двигатель. Она думала о Тиме.

Он думал о тете Лоре, которая будет следовать за Тимом до Новуса ОРДО.

Он точно понимал ее намерения. Это была вполне разумная идея. Тетка не доверяла Тиму и хотела точно знать,к чему они идут. Майкл знал, что она боится, и что, вероятно, это был настоящий акт героизма.

Но, оглядываясь назад, она не была такой разумной, как идея. Чем больше он думал об этом, тем меньше ему казалось разумным. Если нужна была разведка, зачем идти туда с Тимом?

Зачем доверять даже этому? Она догадалась, что Лора не сможет найти это место сама… ее талант был не очень силен, и она была там только один раз, и десятилетия назад, в детстве.

Но я его найду, подумал Майкл. Он уже слышал это. Любопытно, что он смог услышать это через Тима. Возможно, так всегда находил их Серый человек; это легкое, но отчетливое ощущение пройденного пути, прошлого присутствия. Это было не то, за что можно было положить руку на огонь, и все же он чувствовал это в этом гостиничном номере в Сан-Франциско.

Был также вопрос о физическом расстоянии (город находился на другой стороне континента), но Майкл понял, что это тоже не существенный барьер, и что в водовороте возможностей расстояние было таким же изменчивым, как и время. Вашингтон или Тихуана, Париж или Пекин не имели никакого значения.

Он встал в темноте, не разбудив ни мать, ни тетю. Она оделась в самую тяжелую одежду, какую только могла найти. Сейчас, подумал он. Дальше ждать было незачем. Лаура планировала уехать на следующий день; Майкл пошел бы раньше, чем она, и это сделало бы ее путешествие бесполезным. Просто чтобы взглянуть, он сказал себе. Просто чтобы получить представление о месте. А потом вернуться. Вернуться до утра. Конечно, все это не понравилось бы его матери и тете. Они не одобрили бы это. Но он был семьянином. Ответственность была за него.

Полшага в сторону, и четверть оборота в направлении, которому он не мог назвать имя. Это было почти страшно легко. Мгновение спустя он обнаружил, что стоит на темной улице со снегом до щиколоток, требуя подвезти к зданию, которое он никогда не видел, следуя столь срочному императиву, что он задавался вопросом, есть ли у него когда-либо возможность выбрать, с самого начала.

Самым странным было то, что здание вообще не было защищено.

Он походил на крепость, с железными воротами и сторожевыми постами, но ворота были открыты, а огромный пустынный двор. Майкл инстинктивно нырнул под падающий снег, содрогаясь от холода, его тень умножилась от свечения натриевых ламп. Он на мгновение остановился и оглянулся через плечо, в сторону входа. Автомобиль, который привел его туда, все еще стоял, припаркованный, с выключенным двигателем. Он подумал, что это немного странно, но это не имело значения. Он решительно

направился к главному зданию; огромная каменно-кирпичная плита с редкими решетчатыми окнами. Вокруг него валялись снежные завесы и драпировки. Это было похоже на содержание в снегу, окутанное снегом. Теперь ему было уже не так холодно.

Инстинкт, или, может быть, лучше принуждение, которое он чувствовал, стал очень сильным. Он подъехал к центральной стальной двери здания, которая была приоткрыта. И это тоже был странный факт. Но он не думал об этом. Порыв ветра впил снег в его воротник, толкая его вперед, как руку. Внутри он, казалось, говорил ему. Хорошо, подумал Майкл, вот куда я иду. Вот куда я хочу пойти.

Он вошел в здание.

Коридор был пустынен. Половина люминесцентных ламп на потолке погасла или пошатнулась, а внутри, на пороге, скопилось немного снега. Майкл закрыл за собой дверь; шум эхом разнесся по коридору, как хлопанье в ладоши.

Что это за место?

Домой, подумал он. Слово было там, в его голове. Но это была не совсем его мысль; это была мысль Тима. Голос Тима. Или ходок.

Он покачал головой и пошел по коридору.

В коридоре пахло дезинфицирующим средством и обожженной изолентой. Одни двери были открыты, другие-нет; из открытых можно было разглядеть темные кабинеты, без окон, с серыми металлическими столами. Время от времени коридор поворачивал влево или вправо или разветвлялся в двух или трех разных направлениях. Не было ни цифр, ни знаков. Майкл продолжал идти, не обращая на это внимания, следуя императиву внутри себя, и все ближе и ближе подходил к сердцу здания (как будто у этого дворца действительно колотилось теплое сердце) и к тому, что его там ждало.

Ему пришло в голову, что он должен испугаться.

На его одежде растаял снег. Она чувствовала холодные, мокрые волосы на шее, а ноги впились в нее. С каждым шагом ее кроссовки издавали звук влажной липкой резины. Я должен бояться, подумал он, потому что все это не так, как должно быть. Было что-то явно не так, и он был в центре этого; это пустое здание существовало, в некотором смысле, исключительно для

его пользы.

Но он не мог даже представить себе, как остановиться или повернуть назад; мысль даже не коснулась его; его разум не мог удержать его. И это должно было напугать его больше всего на свете… но вместо страха был лишь легкий дискомфорт. Только контур страха; как будто страх был похоронен, покрыт снегом.

Он закрыл глаза и уверенно продолжил. Он подошел к лестнице и последовал за ней вниз; он не знал, сколько, но когда он остановился, воздух стал теплее. Это был теплый, испорченный, закрытый воздух; он высосал влагу из его одежды и сжал его грудь.

Он прошел мимо комнаты. В комнате была тяжелая стальная дверь, но дверь открылась без звука и с большой легкостью, когда Майкл коснулся ее.

Вступить.

В комнате был только деревянный стул; в остальном он был пуст. Серия огней указывала вниз от потолка. Майкл был один. Он прибыл, радостно подумал он, в центр здания.

Но таинственное чувство направления, которое направляло его до этого момента, внезапно исчезло, и вместе с этим исчезло и торможение, сдерживающее его страх. Внезапно он почувствовал страх. Глубоко испугался, испугался. Это было похоже на пробуждение от кошмара. Он почувствовал, как внутри него закипает паника. Что он там делал? Что это было за место?

Он снова повернулся к двери, но с новым ужасом обнаружил, что не может двигаться в этом направлении. Он пытался, но просто не мог. Его ноги отказывались работать; он не мог поднять ноги. Он не мог ни наклонить свое тело к двери, ни упасть в этом направлении.

Он чувствовал, как может чувствовать себя человек, оказавшийся в ловушке рухнувшего здания; беспомощный и заключенный в тюрьму. Ей хотелось крикнуть о помощи, но она боялась того внимания, которое могла бы привлечь. Однако, подумал он, должно быть, уже сделал это. По какой причине он оказался там, подумал он, если не потому, что кто-то хотел, чтобы он был там?

Он почувствовал движение в дверях и присел на деревянный стул. Он вцепился в край сиденья и уставился скрюченными глазами в

недостижимый коридор.

В комнату вошел мужчина.

Он был человеком в машине. Человек, который подвез его туда.

Мужчина подошел ближе. Улыбнувшиеся. Казалось, он пронизан подлинным счастьем, и это было ужасно … он излучал счастье.

- Привет, Майкл, - сказала она. - Меня зовут Карл Нойман.

25

— Может быть, — сказала Лора, — он пошел погулять.

Что было, по крайней мере, правдоподобно. Судя по состоянию его открытого чемодана, было очевидно, что Майкл оделся перед отъездом. Тогда, подумала Карен, на самом деле такая возможность существовала. Он мог выйти до рассвета. Может быть, он вернется.

Это была обнадеживающая идея, и через четверть часа она почти убедилась в этом, только в этот момент она поняла, что дверь спальни все еще заперта, и, что еще хуже, она заперта цепью… изнутри.

Значит, он не выходил из комнаты. Не в этом мире.

Как ни странно, ей удалось сохранить спокойствие даже перед лицом этого откровения. Он указал на цепь Лоре, которая воскликнула: “черт!”, и набрал ряд цифр на телефоне. Это был номер, который оставил Тим.

— Комната 251, - сквозь стиснутые зубы сказала Лора. Затем после долгой паузы: - ФОВ. Тимоти ФОВ … это что? Господи… Нет. Нет, ничего. Благодарю.

Он опустил трубку.

— Он ушел, - рискнула Карен.

- Сегодня утром. Чёрт возьми!

Итак, Майкл ушел, а Тимми ушел.

Они взяли его, подумала Карен. Это был он, которого они хотели, и теперь они взяли его. Вот что это значит.

Но Майкл ушел всего несколько часов. Времени было мало. Она хотела вернуть его, вернуть часы назад, пока он не найдет его в комнате, а затем схватить и сжать, сжать так сильно, что никто не сможет отнять его.

— Однажды — - сказала Карен — - когда Майклу было всего два года, прошло пару дней с его дня рождения, я возила его в коляске, пока делала покупки. Мы были в центре города, и это

было почти Рождество. Магазины были переполнены. Я наклонилась к полке и прижалась к нему спиной. Я искала то ароматное мыло, которое посылала маме все годы, которое ей так нравилось. Но мыла там не было, и тогда я рылся в других продуктах. Мне казалось, что … должно быть хотя бы одно, но за этим стоит еще кое-что. Так что я долго искал в этом месте, пока толпа проходила мимо меня. Но я не нашел того, что хотел. В конце концов я обернулся и поискал коляску. Но его не было. Она исчезла с Майклом внутри. Но я не стал паниковать. Я остался один на камне. Это было похоже на то, что они сняли все дно. Голова кружилась, но разум у меня был ясный. Я позвонил ему и спросил людей: “вы видели коляску? Желтая цветочная коляска?“и тем временем пробирался по коридорам. И тут я увидел ее. Я был как радар; я заметил коляску в толпе. Она была далеко, близко к эскалаторам. Мое сердце учащенно билось. Я подбежал к коляске, толкая людей, которые мешали мне шагать. Мне было все равно. Это было похоже на сотню метров.

Карен сделала паузу.

— Потом, - продолжал он — - когда я приехал, я просто обнаружил, что очень смущенная пожилая женщина толкает коляску Майкла. Он видел ее и ловил. Возможно, он считал, что это было в 1925 году, или что-то подобное. Я убрал ее руки с ручки, и она просто уставилась на меня. В этом выражении было такое замешательство и такое сожаление, что я не мог рассердиться. За пять секунд до этого я была готова разорвать ее на куски, но вместо этого просто сказала: “я разберусь с этим сейчас.“И она ответила мне:” о, Хорошо: спасибо.“И она спаэсата спустилась по эскалатору. Но то, что я хорошо помню, это мой бег. Я увидел коляску и побежал на полной скорости в ту сторону. Мне было наплевать ни на что, кроме как попасть туда. Я никогда в жизни так не бегал. Никогда. Но я бы хотел…

Он колебался мгновение, внезапно.

— Но я бы с удовольствием, — продолжал он, - мог бы еще так бегать.

Ласковым голосом Лора сказала: - Может быть, ты сможешь. Может быть, ты должен это сделать.

Карен уставилась на сестру, пытаясь понять.

— Может, он ушел по своей воле, — сказала Лора, - а может, его

взяли. В любом случае… я думаю, у нас нет другого выбора; мы должны следовать за ним.

- Следовать за ним куда?

- Самым логичным местом был бы мир, о котором говорил Тим. Новус ОРДО. Но это не очень точное указание. Мы должны знать, куда он пошел, мы должны это услышать.

- Ты способен на это?

— Нет. Но я хочу! Я пытаюсь. Но это похоже на поиск дыма… я чувствую это, но затем он исчезает в воздухе. - Он Уставился На Карен. - Может быть, ты способен на это.

Но это было абсурдно, подумала Карен. У меня нет таланта. - Сказал он.

— Карен, это неправда, - сказала Лора. - Ты пытался вести какую-то жизнь, и я знаю, что это было давно. Но ты был по крайней мере таким же могущественным, как и я, много лет назад.

- Мы были детьми!

- Это ничего не меняет.

- Меняйся!

- Ты пытаешься убедить себя, но это всегда было ложью. Карен, ты понимаешь, что я тебе говорю? Это важная вещь. Если вы не попытаетесь … ну, тогда, возможно, мы потеряли его. Побеждает Серый человек. Может быть, мы никогда не вернем его.

Первенец, подумала Карен. Майкл!

Но я не могу, подумал он. Лора ошибается. Это было слишком долго.

Она сидела в этом безмолвном гостиничном номере, глаза сестры смотрели на нее, и она не могла думать ни о чем, кроме того, что она бежала, преследуя коляску, и Майкл терялся в толпе. Он нашел его тогда. И какое это было прекрасное чувство.

Майкл? Думать. Он был там в то время? Неужели можно было его догнать,найти?

Он почувствовал легкое, внезапное электричество … какой-то

поворот головы, как будто комната проваливалась в никуда.

Но это было плохо. Это был факт для нее. Было ужасно позволить этой вещи вернуться в ее жизнь, было ужасно уступить ей; это было неправильно. Он подумал о Уиллисе Фове. Она увидела его лицо в его сознании, и он увидел его таким, каким он был двадцать лет назад, с еще темными щетинистыми волосами и глазами, похожими на дождевые облака под его огромными бровями. Ужасная и опасная вещь.

Но Уиллис просто боялся, сказал он себе. Уиллис боялся, и в конце концов Уиллис потерял своих детей; все они сбежали из его жизни. А теперь Карен испугалась, и Майкл ушел. Может быть, так оно и работало. Возможно, это было неизбежно, как вращение колеса.

Все эти мысли пронеслись в его голове за долю секунды.

Но он там, подумала она.

И это тоже было фактом.

Он там, и, может быть, Лора права; может быть, я смогу его найти.

Она закрыла глаза, отгонила мысль о Уиллисе раз и навсегда, и открыла себя так, как она почти забыла. Все, что мне нужно сделать, это посмотреть, подумал он. Там есть миры, как лепестки цветка. Как давно он этого не делал?Четверть века? Но это было легко, и, возможно, это был главный секрет, который он хранил все эти годы. Легкость в этом.

И о, подумала Карен, как она забыла.

Энергия текла в его тело. Двери и окна, подумал он, как призма, как смотреть через каледоскоп и видеть изменения и изменения с каждым движением вашего запястья. Каждый осколок цветного стекла был дверью, и каждая дверь была миром. И через одного из них она нашла бы Майкла. Он бы видел это издалека. Он бы побежал.

Он был там незадолго до этого.

Глаза Карен были закрыты и узки, но она увидела город; темный комплекс извилистых улиц, заполненных снегом, бледный солнечный луч, просачивающийся сквозь скопление облаков,

шумные автомобили и лошади, выдыхающие облачки пара.

Он увидел черный дворец за стенами из черного камня.

Инстинктивно он поискал Лору. - Возьми меня за руку, - прошептал он. - Сейчас! Я не знаю, как долго я еще смогу это сделать!

Он почувствовал, как пальцы Лоры переплетаются с его.

Это было легко, подумал он, как переступить порог. Достаточно было двигаться, но это было не совсем движение, в определенном направлении, но это было не совсем направление. Здесь, и здесь, и здесь. А потом…

Холодный воздух пронзил ее кожу. Она открыла глаза и увидела каменные стены, прозаические и настоящие, прямо перед собой. Стены были высокими, и через них невозможно было перелезть. Но Майкл был за этими стенами. Он чувствовал это. И ей повезло. Большие железные ворота были открыты.

Кардинал Палестрина проснулся от наглого звонка телефона. Дезориентированный, он поднес трубку к уху. Дежурный в отеле объявил звонок Карла Ноймана.

— Проходите, - сказала Палестрина измученным тоном.

Голос Неймана через телефон был звонким и пронзительным. — Это происходит, - говорил он. - Вы должны быть здесь как можно скорее.

Палестрина присела на корточки. - Так скоро?

- Прямо сейчас, Ваше Преосвященство. Пока я с вами разговариваю.

- Мальчик?

— Мальчик. И не только мальчик.

Они поймали его на чистом воздухе, подумал церковник, все еще сонный. Захваченный миром за гранью Мира. Это было по-своему своего рода чудом. — Хорошо, - сказал он. - Я иду.

— Отлично, - сказал Нойман.

Кардинал поспешно оделся, накинув на себя тяжелую шубу, когда

выходил из комнаты. Он остановился в вестибюле отеля, чтобы быстро выпить кофе в вощеном картонном стакане, настолько горячем, что обжег его губы, а затем сел в неподвижное такси на краю замерзшего тротуара.

26

Лора не могла понять, как и когда она рассталась с сестрой.

Просто это было невозможно. Слова повторялись в его мозгу, как прыгающий диск; это невозможно. Они были вместе … он держал Карен за руку. Это было похоже на то время в Питтсбурге, когда они следовали за Тимом в то, что он теперь представлял, было каким-то уголком Новус ОРДО. Они были похожи на сиамских близнецов, привязанных друг к другу.

Едва они добрались до дома, как прошли мимо черных железных ворот этого уродливого здания и пересекли двор с его длинными утренними тенями. Майкл был там, сказала Карен. Лаура не могла его слышать, но он взял ее на слово. Найти его и немедленно выйти, подумал он. Потому что мы можем это сделать; мы можем уйти с боковым шагом, когда нам это нравится и нравится.

Это была обнадеживающая идея.

Но если подумать, почему Майкл не вернулся домой? Как они могли держать его там?

Но это был вопрос, на который он не мог ответить. Идем дальше, сказала она себе. Впереди, вдоль этих извилистых коридоров, коридоров, похожих на корни старого дерева, которое вонзилось в глубины земли. Воздух был закрыт, и пахло анестетиком, но над ним нависал какой-то другой тошнотворный запах, как гвоздики. Он крутится, крутится и крутится в полумраке. Он стал автоматическим.

Потом она остановилась и стала искать Карен. Но Карен уже не было.

Это исчезновение беспокоило ее, но, возможно, не так сильно, как следовало бы. Он продолжал так же… не совсем без цели, но без какой-либо сознательной цели. Просто так было. Это было похоже на ходьбу во сне. Она действительно чувствовала себя спящей. Она чувствовала себя наркотиком.

Вот что это было, сказала себе Лора; это было похоже на воздействие какого-то наркотика; не психический наркотик или стимулятор, а какой-то снотворный наркотик; что-то

сиропообразное и мощное, как она предполагала, должно быть, опиум. Он продолжал ходить по тем мрачным, асептическим плиткам, думая: “сюда, в Изумрудный город … через маковое поле…”

Коридор сужался, пока не стал чуть шире самого его тела.

Откуда-то раздался звонок в дверь. Тревожный звонок, подумала Лора. Он сообщал о какой-то чрезвычайной ситуации. Но она проигнорировала его и продолжала идти.

Затем коридор закончился, и она оказалась перед комнатой, последним тупиком без даже окна, слабо освещенным, с арочным входом. Но это должно быть то, чего я хочу, подумала Лора. Должно быть, именно сюда я и собирался приехать.

Он вошел в узкую дверь и увидел женщину.

Он не ожидал этого. Женщина казалась такой обыкновенной. Это была обычная женщина средних лет, одетая в знакомую одежду; пара Леви и свободная рубашка, возможно, одетая слишком по-юношески для ее возраста. Ее волосы начали седеть, и выражение ее лица было напряженным. Смесь изумления и недоумения. Эта женщина, подумал он, должно быть, как-то потерялась.

Но потом шагнул в комнату, и женщина тоже. Только тогда она поняла, что противоположная стена-это зеркало, а женщина-это она.

Внезапно она почувствовала, что у нее подкосились колени. Это не я! думать. Это не я. Я совсем не такой! Я такая милая … и, кстати, что я здесь делаю? Где все? Где Карен, где Майкл?

Он хотел вернуться, но не мог. Вместо этого она сделала еще один шаг вперед (и это грустное и Потерянное отражение тоже) и повернулась, но только для того, чтобы с ужасом обнаружить, что боковые стены также были зеркалами, и что углы, которые они образовали, создавали больше ее изображений, чем она могла терпеть; бесконечность изображений, умноженных вдоль темных зеркальных коридоров, все смотрели на нее с этим совершенно растерянным выражением. Это не я, сказал он себе снова. Ни один из них не я. Она подняла руки, чтобы отослать их, словно вокруг нее толпились физические тела. Он хотел уйти … но, таинственно, он чувствовал себя слишком слабым, чтобы двигаться; дверь была слишком далеко. Они не могут удержать нас здесь, подумал он и нащупал выход, путь в Сан-Франциско и

солнечный свет; потайную дверь или потайное окно.

Но пути не было. Ни дверей, ни окон, ни выходов. Только зеркала, как колодцы, тянули ее вниз. Она почувствовала прилив клаустрофобного ужаса и увидела женщину в зеркале, которая, в свою очередь, смотрела на нее, с хрустящими глазами и широко раскрытым ртом в крике, внезапно осознав, что она в ловушке, что нет выхода, и что там никого нет, кроме нее самой.

Кардинал Палестрина присоединился к Карлу Нойману в его кабинете Научно-исследовательского института обороны.

Офис был переполнен. Был человек, которого Палестрина определила как бюрократа Пентагона; начальник Неймана. И были три провидца Института; карликовые существа с простыми хлопковыми фартуками. Он также видел двух из тех людей, которых Нейман называл учеными, но которых он предпочитал считать колдунами; людей, которые ввели в действие связывающие заклинания.

Волнение, царившее в комнате, было ощутимым. Больше всего это было видно в Неймане. Это был его триумф, удовлетворение, которого ему приходилось ждать слишком много десятилетий. Его лицо было красным, а глаза брызнули на него по всей комнате, как будто он хотел запомнить ее вместе со всеми подробностями того дня, присутствующими людьми и их выражениями. Он посмотрел на Палестрину и подошел к нему.

- Мальчик уже здесь? - спросил кардинал.

— Мы держим его в изоляции несколько часов, - с улыбкой сказал Нойман. - И он, кажется, привлек к себе остальных. Как медоносные пчелы. Все идет вместе.

- Когда мы сможем его увидеть?

— Скоро. Мы ждем, когда все будет в порядке. У нас есть заклинания и счета, которые мы готовим уже двадцать лет, и все они действуют прямо здесь, прямо сейчас. Боже мой, это ощущается в воздухе.

Кардинал догадался,что это действительно так. Воздух имел странный запах, словно его обожгло какой-то огромной, кипящей машиной.

— Мы просто ждем, когда наши провидцы дадут нам добро, -

сказал Нойман.

Три карликовых провидца, которые, судя по узловатым, узловатым чертам, должны были быть гомункулами, сидели на своих стульях, глядя в пустоту. Был один для каждого из них, объяснил Нойман. Один для Лоры, один для Карен и один для Майкла, каждый в тандеме со своим предметом. Пока кардинал смотрел на них, один из них зевнул и выпрямился. Жест был настолько звериным, настолько нечеловеческим, что Палестрине пришлось сдержать дрожь.

Гомункул улыбнулся ему с противоположной стороны комнаты. Злобная ухмылка.

- Но вы в состоянии держать их? - спросила Палестрина у Неймана.

- Мы в этом уверены. Это здание-клетка; так оно и было спроектировано. Со дня первого побега мы начали изучать проблему и в конечном итоге разработали то, что мы считаем непреодолимым барьером. Вы поймете, что это не просто физический барьер.

— Заключенная магия, - сказала Палестрина.

— Точно.

— И вы способны рассчитать ее с такой точностью?

- Мы считаем, что да.

- Говорят, и прошу вас не неверно истолковывать мои слова, что американцы особенно увлечены светскими науками.

Нойман чувствовал себя щедрым. — Но это правда, — откровенно призналась она, — только посмотрите вокруг!

Кардинал Палестрина подал себе еще одну чашку кофе из кофейника в углу кабинета. Слишком много алкоголя вызвало бы у него боли в животе, но он чувствовал, что ему нужно бодрствовать. Многое должно было случиться.

Хорошие вещи, предположительно. Ведь, подумал он, логику Неймана трудно было опровергнуть. Конечно, его аморальность была бесспорной; однако американец понимал серьезность событий на Ближнем Востоке. Ведь оружие - это всегда оружие.

Смерть, уловки, хищная невинность … разве не в этом смысл войны? Ватикан поручил ему и оценить секретное оружие Неймана и его возможное военное использование. А также оценить его вес в отношении морального порядка… но, возможно, это было несущественно; роскошь, которую Запад не мог себе позволить. Может быть, это более человеческий меч, чем пуля? Может быть, это более Божественная пуля, чем бомба? Новости с Сицилии были плохими. Может быть, это настолько плохо, что заставляет задуматься над тонкостью средств, которые можно было использовать.

Однако невозможно было смотреть на этих улыбающихся гомункулов и этих колдунов в белых халатах без хотя бы дрожи дискомфорта.

Он вернулся к Нойману и спросил его: - если вы сумеете удержать этих людей… можете ли вы поручиться за их использование?

Нойман, казалось, возмущался этой инсинуацией. — Они могут быть пересмотрены и сделаны пригодными для использования.

Эти слова, подумала Палестрина. Эти холодные, плоские, ужасные слова. Капитальный ремонт! - Вы имеете в виду операцию.

- Это очень, деликатно, ясно, но сейчас у нас есть гораздо более изощренные методы, чем те, которые мы использовали в случае с ходоком. То, что мы пытаемся захватить, - это способность воображения. Это как сказочная бабочка очень редкого вида. Хитрость заключается в том, чтобы удержать ее, не убивая и не причиняя ей вреда. К счастью, есть некоторые неврологические функции, которые можно легко локализовать. С помощью правильного скальпеля в нужном месте можно отделить волю от воображения, прижигать одно, не разрушая другое. Мы можем заставить их работать на нас.

- Но это тот парень, который вам нужен, а не другие.

Нойман взглянул на наручные часы. - Что вы хотите, чтобы я вам сказал?

— Истина.

Тембр и авторитет голоса Неймана поразили самого Палестрина.

— Это не исповедальня, - сказал он.

— Вы будете их оперировать… вы будете проводить доработку своих хирургических процедур — - (я тоже знаю эти слова, подумал он.)- Вы будете калечить их, а потом использовать их, или убить их, в зависимости от того, как вы себя чувствуете.

— Я предупреждаю вас, что совсем не ценю этот ваш тон, - возразил Нойман. Но он тут же замер и обрел привычное самообладание. Кардинал чувствовал, что его власть вышла наружу; он все еще был папским легатом Рима, древней империи, старой Европы и всего, что подразумевало это. Нейман перевел дыхание и продолжил: — это спорные вопросы, Ваше Преосвященство, или, по крайней мере, так и должно быть. В этом бизнесе неизбежна определенная жестокость. Это мы все знаем.

Жестокость и чувство вины, подумала Палестрина. Все это резюмируется в непостижимом значении слов Неймана: вот ваша часть.

В этот момент дверь отворилась; вошел ходок. Кардинал отошел в сторону, как бы отходя от него. Ходок был одет в обычное серое платье в комплекте со шляпой со сложенными полями и смотрел на Неймана с каким-то ожиданием, как будто это обещало ему что-то; подарок или ответ на вопрос.

Нейман, который консультировался с тремя провидцами, снова повернулся к своим гостям и улыбнулся. - Уже почти готово… осталось всего несколько минут.

Гомункулы улыбались друг другу.

Карен не понимала, что потеряла сестру, или, по крайней мере, не осознавала этого достаточно, чтобы колебаться на своем пути. Ее взгляд был прикован к Майклу.

Она видела его.

Это произошло вскоре после того, как они вошли в здание. Тишина в этих длинных каменных коридорах была гнетущей, и она не слышала, как он ее ломал; был только звук ее шагов по убогим зеленым плиткам… и шаги Лоры, прежде чем они исчезли. Она двигалась с регулярностью и уверенностью, хотя никогда не была в этом месте, словно обладала направленным инстинктом, картой, нарисованной в ее собственных клетках. Майкл был где-то там. Он знал это; его присутствие насыщало здание; воздух был полон его. Сейчас он был совсем близко.

А потом она увидела его. Она видела его в конце этого коридора,где он разделялся в двух направлениях асимметричным Y. Увидев его, Карен вздрогнула и чуть не потеряла равновесие. Он казался ей странно далеким, как видно из неправильного конца телескопа. Но это был он. Нельзя было спутать его долговязую фигуру, рубашку из брюк и бейсболку. Майкл посмотрел на нее, но, казалось, не узнал ее. Затем, к его большому огорчению, он снова исчез, отступив влево.

Карен споткнулась, затем встала и начала бежать.

Она вспомнила историю, которую рассказала своей сестре, о старушке, которая увезла Майкла в коляске, и о том, как она преследовала ее. Эта поездка должна была быть такой же, подумал он; но по какой-то причине это было совсем не так. В этом порыве не было никакого удовольствия, никакого облегчения, а только решительная решимость.

Коридор снова изогнулся, и она последовала за ним по длинной спирали, спускающейся вниз. Он не мог подсчитать, сколько он проехал или сколько еще ему предстоит пройти. В ее сознании был только образ Майкла.

Потом коридор снова стал прямым, и она увидела его еще… отчаянно, еще дальше. - Майкл! - позвала она, и ее собственный голос показался ей странным, гулким, в этом коридоре без дверей и плохо освещенном, как выстрел. - Майкл…

Но он убегал … убегал от нее.

Карен вздрогнула и снова побежала. Она чувствовала какую-то подземную панику, что-то, что было бы паникой, если бы она могла думать более четко. Но самое главное, единственное, что было важно в то время, - это не потерять его из виду.

Он бежал, пока ему это удавалось. Через равные промежутки времени Майкл останавливался, смотрел на нее, и она была слишком далеко, чтобы различить выражение его лица, но он боялся увидеть насмешливую улыбку, способ заставить ее следовать за ним. Это было жестоко, и она не могла этого понять. Почему он так себя вел? Что он имел в виду?

Но она не могла ничего сделать, кроме как последовать за ним.

Когда он больше не мог бежать, он упал на стену. Камень холодил ее спину, но она не могла пошевелиться, могла только пожать

плечами, чтобы найти облегчение от боли в ее усталых легких. Наконец она подняла взгляд и снова увидела Майкла, на этот раз ближе, с непостижимым выражением лица. Она подошла к нему, пошатываясь, и увидела, как он проходит через арочную дверь. Это была единственная дверь, которую он видел в этом лабиринте, и он осторожно подошел к ней. Теперь он понимал, что что-то не так, что все пошло не так с самого начала, как он вообще не ожидал. Но вот снова появился Майкл; она видела его ясно, только в маленькой комнате, который смотрел на нее невозмутимо, словно ожидая ее. Карен прочистила горло и сделала шаг вперед, пытаясь дотронуться до него.

Но это был не Майкл.

Он моргнул перед тем изображением, которое не мог сфокусировать. Она вдруг поняла, что это не Майкл, а ужасная вещь, такого же размера и вида, как Майкл, но из гладкого пластика. Он узнал ее; это был ребенок. Она была маленькой куклой, которую Серый человек подарил ей много лет назад, гротескно выросшей, которая смотрела на нее своими голубыми глазами.

Карен укусила руку и сделала шаг назад.

Затем исчез и ребенок, его сменил гротескный образ, неуловимое впечатление, морщинистого, все высохшего существа, дико смеющегося ей в лицо… а потом пространство оставалось просто пустым, видение рассеивалось, как дым, и Карен оказалась одна в комнате.

Он повернулся, чтобы уйти. Но она устала. Она была так же устала, как никогда в жизни, и ее ноги не хотели делать то, что она хотела, чтобы они делали. Итак, она села на холодный каменный пол, опустила руки ему на колени и закрыла глаза; всего на минуту.

— Готово, - сказал Нойман.

Кардинал Палестрина присутствовал на праздновании присутствующих.

27

- Карен не понимала, сколько времени прошло.

Он просыпался, засыпал, а потом все еще просыпался, но периоды бодрствования были частичными и преходящими. Когда он наконец пришел в себя, он оказался в комнате, большей, чем помнил; он увидел деревянные стулья с древним видом и единственную дверь. И она была не одна.

Лаура тоже была там и моргала на свету. И Майкл. Она почувствовала прилив благодарности. По крайней мере, подумал он, мы вместе.

Был и Тим.

Она села, так как до этого лежала на холодном полу, и подошла к одному из стульев. Майкл, который делал то же самое, взглянул на нее, что означало “я в порядке”, и это было хорошо. Лора с трудом поднялась.

Тим, стоявший со спокойным, бесконечно терпеливым выражением лица, сказал: - Скоро вы почувствуете себя лучше.

Сначала Карен не поняла, что он имел в виду. Это было похоже на сообщение с другой планеты; чужой язык. Будем ли мы чувствовать себя лучше в ближайшее время? Он сошел с ума?

— Ты знал … - сказала Лора. - Ты был частью всего этого.

Тим не отрицал. Карен уставилась на него с открытым ртом. На самом деле он вполне мог быть способен на такое действие. Это было более чем возможно.

- Скажите, Если вам что — нибудь понадобится, - сказал Тим. - Если вы голодны или хотите пить. Вы не должны страдать здесь, вы знаете.

Лаура бросила на него презрительный взгляд. Карен почти ожидала сцены, но Лора просто сказала: — Уходи, - холодным, далеким голосом.

— Я вернусь позже, - сказал Тим и вышел из единственной двери комнаты. Даже не задумываясь об этом, Карен поняла, что она не сможет последовать за ним, что та же дверь для нее заперта, что

это тюрьма, и что они не позволят никому из них уйти.

Их не избивали, не запугивали и не пытали; они просто изолировали их. Карен попыталась пересказать шутку, которую они сделали ей с ложным изображением Майкла; но мальчик принял такое виноватое выражение, что она остановилась. Он не отвечал за это, и она не хотела, чтобы он убедил себя в этом. Майкл заговорил извиняющимся тоном: - я просто хотел узнать, к чему мы идем. Я приехал сюда, потому что хотел избавить тетю Лауру от этого беспокойства.

— Если бы не ты, они бы использовали меня в качестве приманки, - сказала Лора. - Майкл, я очень ценю то, что ты сделал. Это был смелый жест.

- Это было глупо.

- Мы не могли этого предвидеть. В любом случае, теперь нам нужно подумать, как выбраться отсюда.

— Мы не можем, - сказал Майкл.

- Откуда ты знаешь?

Глаза Майкла были старыми, циничными. - Ты должен быть в состоянии это услышать. В этой комнате гораздо больше, чем четыре стены. Я думаю, что это какая-то магия. Мы могли бы легко выбраться из обычной тюрьмы, поэтому им пришлось построить специальную.

Лора открыла рот, чтобы ответить, но тут же закрыла его. То, что сказал Майкл, было правдой, и Карен тоже могла это почувствовать. Это было похоже на притупление, подавление. Вы не могли смотреть, что вверх, вниз, влево и вправо. В некотором смысле ситуация была парадоксально ироничной: в течение многих лет Карен жаждала именно этого, этой полной нормальности, ощущения, что она прочно закреплена в одном месте и во времени. Ну, вот она. Но это был не якорь; это был поводок, это была цепь.

Он отступил в угол и подумал о Тиме.

Они доверяли ему, потому что он был частью семьи. Но он догадался, что для него семья никогда не имела большого значения. Возможно, у него не было причин для этого, на самом деле. В глубине души, что такое семья? Уиллис, с его

расчесанными волосами и большими ударами? Жанна, которая взяла его на руки и положила лед на синяки? Эти эпизоды (Тимми, полный голубоватых сквозняков, лежащих у мамы на коленях) были единственными моментами нежности, которые она могла вспомнить между Тимми и Жанной, и она подумала, что, возможно, там был шпион, намек на то, почему добровольная злоба Тима. Я был плохим, и за это меня избили. Теперь у меня есть награда.

Поэтому ему было бы все равно, рассуждала Карен, если бы мы ненавидели ее за это. Он этого хочет. За эту ненависть он был бы вознагражден; либо серым человеком, либо безликими магами, которые заключили их в эту тюрьму. Он удивился, какую награду ему позволили. Но это не имело значения. Царства Земли. Пресс-папье.

Тим стал тем, кого Уиллис всегда боялся, подумала она. В результате, в конце концов, виновата была Уиллис … они пожинали плоды ее испуганной любви.

Но последовавший за этим вопрос был неизбежен: возможно, я сделал лучше?

Все, что я когда-либо хотел, это защитить Майкла. И Уиллис тоже всегда хотел защитить нас … так он утверждал. Но этого было недостаточно. Это просто не помогло. Он пытался защитить нас страхом, а я пытался защитить Майкла невежеством. И вот мы здесь. Это не может быть хуже, чем это. Я его обидел, грустно подумал он. Я ранил его, по крайней мере, так же, как Уиллис ранил Тима. И вот мы здесь.

Продолжайте в том же духе, Она рассмеялась, Это прялка, и ситуация никогда не улучшается, и, возможно, это было самое страшное; что, несмотря на все, что она хотела и что она пыталась, она не была, в конце концов, лучше, чем Уиллис ФОВ.

Кардинал Палестрина молча последовал за Карлом Нейманом к открытой двери кельи.

— Нас услышат, - сказал он.

— Не могут, - сказал Нейман, и его голос раздался в коридоре. - Здесь нас не слышат и не видят. Это часть заклинания. Смотрите; вы можете смотреть на них. Вперед, Ваше Преосвященство.

Неохотно кардинал сделал шаг вперед.

Он чувствовал себя вуайеристом, вуайеристом. Не было ни видимого барьера, ни обнадеживающего витража; только пустота между ним и этими тремя людьми. И магия. Но магия была настолько нематериальной…

Спят.

На полу лежали красные маты и одеяла для борьбы с морозом земли, так как они находились на одном из самых низких уровней Института. Две женщины средних лет и мальчик спали с озабоченными выражениями. Понятно, подумала Палестрина. Они прошли через многое … похитили, а затем держали там против своей воли…

- Вы с ними разговаривали? — спросить.

Нойман покачал головой. - Только на мгновение с мальчиком, когда он приехал. Мы используем брата, чтобы приучить их к неволе.

- Ах, брат. И они с ним разговаривают?

— Неохотно. Но это их единственный контакт.

— Мальчик, - сказала Палестрина.

— Да. Он тот, кто имеет значение.

- Это не так уж и много.

— Не видно, - сказал Нойман.

Обычный парень, одетый немного странно. Трудно было представить, как он входит и выходит из миров. Кардинал Палестрина, который считал себя доверчивым человеком, а также образцом веры, во время поездки в Америку обнаружил, что его общий ум изо всех сил пытается поверить в чудеса.

И ему еще труднее было представить, что этот парень может стать эффективным оружием против исламских армий. - Сказал он.

— Но его потенциал огромен, - объяснил Нейман. - Вы должны понимать, что в нем важна чистота. Другие, так или иначе, все связаны, связаны. Я как наполовину. Скомпрометированы обстоятельствами, или генами, или их страхом… или как ходок, сбитый грубым хирургическим вмешательством. Для сравнения,

парень-это дистиллированная сущность. Простой и мощный. Он может транспортировать себя в сердце Аравии. Или принесите нам свои армии.

- Но не по своей воле.…

— Когда будем, с ним покончим… - сказал Нойман.

Операция. Прижигание его души, подумала Палестрина. Тонкий разрез.

— И тот человек, который сотрудничает, - сказал он.— Брат. Вы сделали с ним то же самое? Вы так его порезали?

— Нет, - спокойным тоном ответил Нейман. - Нет, не Тим. В этом не было необходимости.

— Скоро, - сказал Тим — - вас выпустят отсюда.

Это должны были быть хорошие новости. Карен ненавидела эту комнату, ее тесноту, ее открытый туалет в углу… и это ощущение постоянного притупления, которое она испытывала, заключительную магию. Но, конечно, подумал он, они не отвезут их в лучшее место. Если только он не был в равной степени заключен в тюрьму или сделал их как-то безобидными. Он не думал о будущем. Магия оказывала на нее успокаивающее действие, как мощный транквилизатор; возможно, иначе она была бы слишком напугана, чтобы даже думать.

— Это будет не так уж плохо, - сказал Тим.

Он был одет в чистую одежду, немного старинную и со странным вырезом, посередине между твидовым и викторианским. Наверное, там люди так одевались. В его взгляде было что-то сумасшедшее… голова наклонена набок, глаза изучающе невыразительны, и это терпеливое отношение. Как будто это он подвергся большим усилиям.

Лаура, стоявшая в противоположной стороне комнаты, стояла в потрепанной одежде, которую она носила уже три дня. - Что тебе предложили? — сказало. - Вот об этом я и спрашиваю себя. Почему ты так поступил?

Тим принял обиженное выражение. Обидно, но терпеливо. - Почему ты думаешь, что человек что-то делает? — сказало. - Возможно, у меня не было другого выбора. Думай. Возможно,

причины логичны. Я говорил серьезно, знаешь ли, когда говорил с тобой об этом месте. Это дом. По крайней мере, для меня. И это может стать и для вас, если только у вас есть шанс. Иметь дом, — сказал он убежденным тоном, — дело важное.

— Царства земли, - сказала Карен, удивляя даже себя.

Он повернулся к ней, ошеломленный.

— Пресс-папье, - объяснила Карен. - Я помню.

- Я не знаю, о чем ты говоришь.

- Ты прекрасно это знаешь. Вот что тебе предложили, - спокойная, отстраненная, далекая от всего, успела сказать Карен. Он немного подумал об этом. - Вот что тебе предложили. Место для правления. Королевство. Ты этого хочешь, - покачал головой он. - Больше, чем папа. О, Тимми, ты всегда был так ограничен мысленно. Вы воспринимали все так буквально, так серьезно.

Удивительно, но у Тима покраснело лицо. Она обрела самообладание и сказала: Но какого черта, это сказка. Мы все ведем сказочную жизнь. Это должно быть само собой разумеющимся.

- А ты ему поверила? - сказала Лора. - Эти люди … люди, которые закрыли нас здесь… ты думаешь, им все равно, что с тобой происходит?

- Ему все равно. Ему должно быть все равно — на карту поставлено его тщеславие. — Посмотрите. Вы их не знаете. Вас…

— Я знаю, что могу это сделать, - Лаура имела в виду эту комнату, их заточение. - Но ему наплевать на тебя! — Насмешливо сказала она, издеваясь над ним. - Это просто Майкл, чего они всегда хотели!

- Ты думаешь, что знаешь, - выпалил Тим — - но ты ничего не знаешь!

— А теперь у них есть — - настаивала Лора. - А ты на что рассчитываешь? Больше ничего. Вы модель прошлого года.

- Все мы! - воскликнул Тим. - Они хотят всех нас! Он ничем не отличается. Почему это должно быть особенным? Он такой же, как мы!

Он сделал жест рукой в сторону Майкла, который сидел в кресле, невозмутимо, и смотрел на него. Последние три дня Майкл всегда оставался таким. Это было заклинание, подумала Карен. Это имело одинаковый эффект для всех из них.

Но теперь он поднялся на ноги. Она посмотрела на Тима с противоположной стороны комнаты, и впервые Карен поняла, что они примерно такие же высокие. Его сын, как и его брат. На мгновение, даже больше.

Тим, удивленный во второй раз за день, уставился взглядом на племянника.

Майкл вернул ему взгляд. — Вы ошибаетесь, - спокойно сказал он. - Я другой.

И что это было за свечение на лице Тима? - поинтересовалась Карен. Может быть, страх? Это было возможно?

Воздух наполнился внезапным электричеством.

Кардинал Палестрина был с Нейманом в его кабинете, когда гомункул ворвался в дверь.

Существо вскочило на стол Неймана и что-то прошептало ему на ухо. С выражением восхищения и отвращения американец наблюдал, как обезьяноподобные черты существа дергаются. Но это определенно не было улыбкой.

Кардинал завершал отчет, который он представит Конгрегации по чрезвычайным церковным делам. Он решил, хотя и неохотно, что его исследование было положительным, и что он предложит совместную исследовательскую программу между Америкой и Европой в отношении мальчика из потустороннего мира, и что возможности стратегического использования важнее соображений морального порядка.

На следующий день он представит свой отчет в консульство, чтобы передать его через Маркони в Ватикан. Все остальное последует; Нейман получит свои деньги, свой престиж; и в свое время его призрачные армии.

Но вдруг Карл Нейман поднялся на ноги. Его кулаки были сжаты, губы сжаты. Что случилось? - поинтересовался кардинал. Боже мой … что теперь?

— В камере происходит что — то непредвиденное, — сквозь стиснутые зубы сказал Нейман.

28

Тим ошибается, подумал Майкл. Они хотят именно меня.

Он думал об этом в эти последние дни; он изо всех сил пытался рассуждать под тупым влиянием магии, которая держала их в плену. Но в конце концов он пришел к некоторым выводам.

Если они хотят меня, подумал он, это потому, что я другой.

Сама Лора подтвердила это ему, на ветреных скалах над бирюзовым пляжем. Я никогда не умела так много делать, сказала она ему.

И он вспомнил ощущения, которые испытывал; это электричество, исходящее из земли под его ногами, Вихрь времени, мест и возможностей, и то, как он держал все это в руках.

Вот чего они хотят, заключил он.

Но это была новая вещь, эта сила. Они предвидели это, но, возможно, не поняли.

Он позволил этой идее остаться там, застопорившись в его мозгу, на какое-то время.

Позже он подумал: Как построить клетку для животного, которого никогда не видел?

Это был интересный вопрос.

Ну, вы строите на основе того, что вы уже знаете. Бабушка и дедушка Майкла, его настоящие бабушки и дедушки, когда-то сбежали из такого места. Тим сказал Это, и не было причин не верить ему, по крайней мере, в этом. Следовательно, эта комната должна была стать более прочной клеткой; они должны были усилить свои заклинания и магию. Но в равной степени, разве это не было похоже на создание ловушки для волков, когда нужно поймать тигра? Эй, подумал он, они не знают меня.

Но возник вопрос: насколько я силен на самом деле?

Его талант все еще был для него новым. Это было не то, что он должен был практиковать много. Он чувствовал заключительную магию как физические узы, и однажды ночью он пытался бороться

с ними, применяя противоположную силу, чтобы экспериментировать.

Но это было бесполезно. Ничего не поддавалось. Он оставался один и пустой, и все бесчисленные двери времени и возможностей оставались безнадежно закрытыми.

Может быть, в конце концов, это был не тигр.

Тогда он решил не думать об этом какое-то время. Он заснул, а когда проснулся, старался ни о чем не думать.

Это было довольно легко. Связывающие заклинания облегчали ему задачу.

Но вскоре в его голове пронеслась другая мысль; не совсем настоящая мысль, как мечта. Речь шла о мире, который он впервые увидел в доме ФОВ в долине Польгер, и который он довольно часто пересматривал позже.

Просто думать об этом заставляло его чувствовать себя лучше. Это было место, Майкл был уверен, где таких тюрем не было.

Она позволила себе мечтать об этом.

Он позволил себе дрейфовать на грани сна. Это было одновременно место и мечта. Это было все, что он чувствовал, когда Лора с тоской говорила о “лучшем мире”. Может быть, это было то место, которое она искала, когда нашла бирюзовый пляж; мир, который она искала, но не могла схватить. Майкл знал шоссе, которые отходили от французских деревень на юге до крупных городов на севере, Текумсе, нового Амстердама и Монреаля. Он знал железнодорожные линии, идущие на запад через луга; сельскохозяйственные страны, индийские страны и холодные страны железнодорожной сортировки, такие как Бребеф и Рель. Он знал русские страны северо-западного побережья, где люди еще зимой охотились на меховых животных. Он знал города инков и испанцев на юго-западе, с их скоростными автомагистралями, храмами, ярко окрашенной одеждой и странными, дикими праздниками. Он также знал, что все это называется просто Америкой, и что это не столько страна, сколько очень эластичная Конфедерация; своего рода Содружество. Он знал, что границы не имеют большого значения в этом мире. Он знал, что можно поехать из Квебека в Кокитлан или из Шелехова в Куэрнаваку, не предъявив паспорта. Он знал, что рынки богаты обычными продуктами, и что любой человек,

способный работать, может найти что-то, чем можно заняться в любом городе. Он также знал, что в том году урожай был обильным.

Но больше всего он знал пейзажи этого мира; топографии в воздухе, легкие и безошибочные, как запах дождя. Солончаки неподвижны в пустом спокойствии южных дней; а на севере ледниковые ночи, погруженные в сияние полярного сияния. Он был в тех местах во сне, и он шел по этим улицам, пока спал. Была близость… влечение … как тот инстинкт, который ведет тебя домой, когда ты сбился с пути, подумал он.

Он знал все это без необходимости напрягаться, точно так же, как знал его имя. Кроме того, он знал, что там можно построить жизнь… он знал, что это мир, в котором можно жить без ежедневного ужаса ядерного уничтожения, или надвигающейся войны, или ежедневной рулетки грабежей и уличного насилия.

Место, где Новус ОРДО не мог добраться до него.

Мир, в котором он не был бы другим.

И, как ни странно, именно эта мечта, больше, чем попытка расстаться со своими узами, заставила его внезапно почувствовать себя более свободным, что открыло его горизонты на заманчивый момент. Майкл моргнул и подумал: это то, что делает меня другим; и это то, чего они не ожидают.

Но потом стены и потолок сомкнулись вокруг него, и он очутился в той комнате, которая была не более чем комнатой, в которой он был пленником.

Услышав, как Тим говорит о нем, он поднялся на ноги. — Вы ошибаетесь, - сказала она ему. - Я другой. - И по выражению лица Тима она поняла, что он сказал что-то важное.

Тим быстро пришел в себя. Он сделал шаг назад, выпрямил спину и окинул лицо маской холодной терпимости. - Я не хотел тебя оскорблять. Майкл. Конечно, вы важны. Но Лаура и твоя мама тоже. И я тоже.

Майкл сделал шаг назад, к Лоре. Инстинктивно он взял ее за руку. Она недоуменно уставилась на него. Но они коснулись друг друга, и появилась вспышка, краткая, но значительная, истинной энергии.

Сейчас, подумал Майкл. Теперь, когда они не готовы, или никогда.

— Мы уходим, - сказал он.

Это была не пустая угроза, а четкий вывод о факте. Однако Майкл удивился собственным словам. Глаза Лоры расширились, затем она уставилась на него и незаметно кивнула головой.

Он схватил мать за руку.

— Не думаю, что это очень реалистичный проект, — сказал Тим. - Я не думаю, что вы хорошо понимаете, в чем тут дело.

— Да, - ответил Майкл.

Теперь все трое были в Контакте, и установилась какая-то схема. Он чувствовал раненое тщеславие Лоры, а также пассивность и смирение Карен. А внизу, глубоко закопанные, но все еще мощные, эти маленькие, нежные волны энергии.

Собери их, - приказал он. Собери их вместе.

Лучший мир. Эти леса и эти города. Они были всего в одном шаге от нас.

И Тим, который теперь что-то предупреждал, сказал: - Эй! О, Боже, подожди минутку….

Она больше не ждет, подумал Майкл.

Помещение наполнилось странным запахом перегретого моторного масла и обгоревшего металла, словно огромная техника зашла в перегрузку. Издалека У Майкла сложилось впечатление, что он услышал дикий крик боли, почти бесчеловечный.

И волшебство, заключавшее их в тюрьму, немного ослабло вокруг него.

- Дай бог, хватит! - крикнул Тим.

Карен протянула свободную руку к брату. Теперь он понимал, что должно произойти; теперь это было очевидно. Тим сделал шаг назад. - Пойдем с нами, - сказала Карен. - Тебе будет опасно оставаться здесь.

Но у нас на это тоже нет времени, подумал Майкл. Он даже не был уверен, сможет ли он выдержать это усилие. Уже в коридоре раздался тревожный звонок, и он увидел тени, движущиеся за дверью.

Тим покачал головой. - Нет!

- Они могут тебя убить. Они будут.

- Заметьте, они вас убьют! — вызывающе сказал Тим. - Они не позволят такому случиться! Они пошлют его за вами, и на этот раз оставят вас на его гребаной милости!

- Серый человек, - ответил Майкл.

— Тимми, - сказала Карен, - это не игра. Ты должен был понять это давным-давно.

Но Тим лишь покачал головой. Он похож на Уиллиса, подумал Майкл … это было странно, но можно было поклясться, что они кровные родственники. Этот гнев. Этот страх…

Карен склонила голову.

— Прости, - сказал он.

Сейчас! - подумал Майкл. Но, тем не менее, он все еще колебался и чувствовал, что этот момент ускользает, как внезапный сзади-фронт.

Я не могу этого сделать!

Это был голос испуганного десятилетнего ребенка внутри него, и Майкл был парализован этим.

Я не могу этого сделать! Они слишком сильны для меня! Я хочу, чтобы кто-то забрал меня… …

Но дома не было. Теперь он знал это. Там была только его мать, с ним в этой камере, и его отец, который жил в блаженстве и невежестве На берегу очень далекого озера. И, конечно же, Тим солгал. Новус ОРДО не имел ничего общего с их домом.

Грохот тревоги. Шаги в коридоре.

Руки Лоры сжались вокруг рук Майкла.

И затем, в момент ясности среди этого раздирающего грохота, у него было то, что он определил как подлинно взрослую мысль: в конце концов, дом-это не настоящее место, а ситуация, которую вы создаете сами: территория, которую вы искали. Это акт воли; вещь, которую вы делаете.

Карен почувствовала его колебания и бросила на него испуганный взгляд.

— Он там, Майкл, - сказала Лора. - Пожалуйста, я знаю, что есть.

Дом.

В нем был мир.

Эти леса и эти города.

Домой, подумал он…

И тогда стены поддались, и оставалось только время, возможность и большое одновременное движение. Майкл закрыл глаза и снова открыл их перед высоким голубым небом. Далеко-далеко оттуда.

29

Кардинал Палестрина последовал за Карлом Нейманом в пустую камеру.

То, что она была пуста, было страшно, и он мог прочитать шок в выражении лица Неймана, как тупое непонимание. Как будто американец понес серьезную потерю. Он выглядел глубоко опечаленным, даже ребенок не умер. Тимоти ФОВ, сотрудник, стоял в углу, неподвижно, и смотрел на Неймана, как на деревенского Микки в открытом поле, смотрящего на ястреба над головой. Долгое время никто не разговаривал.

Наконец, именно Нейман нарушил молчание, но не на словах. Одним движением он повернулся к Гомункулу, который следовал за ними по коридорам к камере, и ударил его ногой в ребра. Несчастное существо пролетело несколько метров, затем упало на стену. Она выглядела мертвой.

Кардинал Палестрина отвел взгляд.

Все кончено, подумал он. Больше нет проекта Пленума, и больше нет секретного оружия. Все эти усилия и все эти жертвы ни к чему не привели. Он всегда оставался сотрудником, Тимом, человеком, который прижимался к стене, но Нейман уже объяснил ему, что он не очень силен. Его талант приносил только чахлую, безвкусную магию, способную только открывать узкие двери в захудалые, маргинальные миры, и алкоголизм и наркомания подорвали даже это немногое.

А потом был ходок… но ходок был изуродован неуклюжей нейрохирургической операцией; опустошен, чтобы стать не более чем психической собакой, машиной для охоты. Таким образом, проект был закончен, и, вероятно, карьера Неймана тоже. Комиссия по расследованию, принудительный досрочный выход на пенсию.

В практическом акте, подумал кардинал,что все это может значить? Потенциальное преимущество для Европы безнадежно утрачено; ослабление союза с американцами, и годы окопов и крови и компромиссов.

Итак, катастрофа. Случилось страшное.

И все же сердце кардинала Палестрины колотилось, и он чувствовал какую-то эйфорию; как чувство триумфа; это было странное чувство, как будто в тот день, в этом неприятном месте, Дьявол взял себя в руки.

Ходок узнал от обезумевшего колдуна, что произошло в одиночной камере, и тут же побежал туда, разыскивая Неймана. Когда он приблизился, в коридорах он почувствовал это сам; брешь в основных магиях Ирда, ясная и явная, как разрыв в стене.

Войдя в камеру, Нейман поднял глаза. Уже только по его взгляду ходок понял масштабы происходящего.

Но я заставил их прийти, сказал он себе. Я сделал свой хлеб. У нас был договор, хотя и молчаливый, а я свою часть выполнил, - убежденно повторил ходок. Об оплате не может быть и речи, подумал он.

Но выражение лица Неймана смыло его уверенность.

Впервые ходок усомнился, что уже слишком поздно. Может быть, они никогда не вернут мне его, подумал он, то, что они отняли у меня. То, что я потерял.

Он коснулся пальцем шрама рядом с ее глазом. Он не знал об этом жесте.

— Это еще не конец, - говорил Нейман. Он повернулся к Палестрине, и в его голосе был тон мольбы. - Мы можем начать все сначала. Мы можем начать с основных элементов.

Кардинал покачал головой. - Он говорит о годах. Поколения.

- Не обязательно!

— К сожалению, — сказал церковник, - наши потребности более насущны.

- Надо! - кричал теперь Нейман. - Вам все равно! О, да, вы притворялись. Стратегические потребности. Глобальное видение. Вы сказали все правильные фразы. Но вам было все равно, не так ли? Только тщеславные рукопожатия, иезуитские бессмыслицы и чертовски моральный порядок…

Но Палестрина просто повернулась и покинула камеру.

Руки Неймана сжались и отчаянно напряглись. Он похож на раненую собаку, подумал ходок.

— Гребаный Папист, - прошептал Нейман.

Ходок сделал шаг вперед. Его мозг кружился. Так много всего произошло, и он очень мало нас понимал. Позвольте мне стать целым, он имел в виду; это была наша сделка, вы обещали мне. Но он знал по взгляду Неймана, что это ни к чему не приведет.

Тогда он просто сказал: - Ты хочешь, чтобы я их нашел?

Нейман сосредоточился на Ходячем, с холодным и жгучим взглядом одновременно.

— Да, - сказал он.

- И что он их убьет?

Это было все, что она могла ему предложить. Это было все. Он хорошо знал, насколько хрупкими были заклинания захвата и сколько времени потребовалось, чтобы зачать их … более двух десятилетий, с того дня, как он предложил три дара трем детям; маленькие, но мощные заклинания связывания. Однако это была паутина, которую нельзя было восстановить … определенно не до смерти Неймана.

— Они опасны, - сказал Нейман, делая (он догадался) одно и то же предположение о потере и мести… его гнев и ненависть нарастали, как рев машины, машины, которая управляла этим зданием столько лет. — Они знают, где мы находимся, и это может быть проблемой, — вздохнул он. - Да, убей их.

Ходок взглянул на Тимоти ФОВ, который теперь смотрел на них с открытым ртом из своего уголка, прижатого к стене.

- А вот это?

- Начни с него.

Тим посмотрел на приближающегося серого человека.

Его гнев вспыхнул мгновенно. Не из-за этого, подумал он.

Я сделал это не для этого.

Господи, и сколько километров он проехал, чтобы добраться туда

с тех пор, как двадцать лет назад покинул этот дом в долине Польгер? Сколько гребаных унижающих достоинство рабочих мест, сколько дней без еды и ночей, проведенных на пустынных дорогах, путешествующих автостопом из Детройта в Чикаго в Де-Мойн в гребаный Вест-Пойнт? Сколько опорожненных бутылок, сколько оскорбленных вен? Сколько хромых прыжков в искалеченных (теперь он мог это признать) мирах? И за что? Чтобы сдать своих сестер и убить их? И чтобы его тоже убили в знак благодарности?

Нет. О, нет!

Он смотрел серому человеку в глаза, сжав кулаки. - Я тебе доверял! — сказало.

Ходок не рассмеялся.

Домой! - Хотел сказать Тим. Я пришел домой! И ты показал мне это! Царства! Империи! Ты должен мне все это!

Ходок шагнул вперед.

Тим выпрямил спину. Он чувствовал, что собирается делать ходок. У него было предчувствие этого; он чувствовал, как вокруг него разворачиваются стены мира. Он смотрел в глаза серому человеку, но не видел никаких признаков понимания. Просто тень.

Ходок коснулся его. Все кончено.

- Иди к черту, - сказал Тим. - Ты никогда не был моим отцом.

И он погрузился в хаос… от него осталось только эхо, отскочившее от старых каменных стен.

30

— Мы не можем прятаться, - сказала Лора. - Я даже не уверена, что мы сможем сбежать.

Но Майкл был более оптимистичен. - Двигаться очень нужно. Я думаю, это, по крайней мере, выиграет нам время.

Таким образом, они путешествовали автостопом и добрались до широкой автомагистрали, которая проходила между Виль Акадьен и перекрестными коммуникационными путями городского Севера. Они молчали, пораженные лесами и полетом птиц, чудовищностью мира, в который они пришли. Водитель сказал, что приехал из деревень Чикасо и собирается навестить свою семью. Он сказал, что они могут воспользоваться его проходом туда. Поэтому они ехали на север всю ночь и часть следующего дня, и когда Лаура призналась, что у них нет денег или, по крайней мере, не годных денег, водитель предложил им завтрак в закусочной. Он бы даже повел их дальше, но они отказались. Он уже сделал достаточно.

Они шли весь день. Когда стемнело, постучали в дверь старого загородного дома и попросили гостеприимства на ночь. Женщина, которая пришла открыть, симпатичная, в крестьянской юбке и толстых очках без оправы, сказала им, что они могут поселиться в сарае и съесть остатки ужина, и что им повезло, что больше не было так холодно.

На соломе, под голой лампочкой и перед тем, что казалось им праздником сыра и слегка алкогольного сидра, они говорили о будущем.

— Нам нужно идти туда, где мы можем действовать, — сказала Лора. - Хотя бы ненадолго.

Майкл задумался. — Будем, - сказал он. - Но пока мы здесь в порядке.

— Он будет преследовать нас, - сказала Лора.

— Вероятный.

Лора огляделась. — Ну, по крайней мере, это дружелюбное место, — и заинтригованно уставилась на Майкла. - Ты был там раньше?

Майкл рассказал им о том, как он мечтал об этом, о городах и дикой природе, о летательных аппаратах, о автомагистралях и железных дорогах. Он объяснил, что это за место; что он мечтал об этом, а затем осознал во сне, и как ему удалось сбежать из тюрьмы, мечтая о нем.

Он хотел сказать им, что это значит для него, но не находил слов; он мог только записать свои особенности и надеяться, что они поймут.

Возможно, они это понимали. Он заметил, как Лаура смотрит на него, интенсивность его взгляда, и подумал, не снится ли ей этот мир … может быть, вдали, неосознанно … дверь, которую так и не удалось открыть.

Карен села и прислушалась к разговору Майкла; она прислушалась к потоку его голоса, Теперь, когда тюремные цепи разорвались. Он все еще задавался вопросом, не вырос ли он на несколько дюймов. Может быть, это была игра света или перспективы, но он мог поклясться, что он был выше. К тому же в ее голосе было что-то новое, какая-то твердость.

Тень, по крайней мере, взрослой жизни. Внезапно она поняла, что Майклу, должно быть, исполнилось шестнадцать лет в тюрьме Новус ОРДО.

Эта мысль беспокоила ее.

Через некоторое время Майкл сидел на страже перед широким окном сарая, глядя на простиравшуюся в темноте равнину, а Карен и Лора шепотом переговаривались между собой между соломой. До этого момента, подумала Карен, можно было подумать о вещах, которые раньше были немыслимы… и даже можно было сказать. Он обнаружил, что рассказывает Лоре, что она думает о Майкле, о его неудаче. - Что меня огорчает, так это то, что я не смогла его спасти. Всю свою жизнь я смотрел на него и говорил себе: я не сделаю с ним того, что сделал с нами папа… я не позволю ему жить такой жизнью. Но я сама себя дразнила. - Колесо, подумал он. Возможно, он никогда не бил его, но его влияние было по крайней мере таким же вредным, как и влияние отца. Мы занимаемся плагиатом наших детей, грустно подумал он. И наши дети, плагиаты, плагиаты своих детей, и колесо вращается, и перемалывает сломанные жизни.

— Но ты его спасла, - сказала Лора.

Карен покачала головой.

— Я серьезно, - настаивала Лора. - Единственная причина, по которой мы зашли так далеко, - это Майкл. Его талант, его сила. Но это не случайность или загадка. Может быть, любой из нас мог быть похож на него. Но мы прикованы … у нас есть все запреты, которые установил Уиллис. Я думаю, что единственная причина, почему Майкл отличается, что он не несет бремя всей этой боли. Его никто никогда не пугал. Может быть, ты никогда не готовил его к этому, но Господи, кто мог? Но ты никогда не заставлял его бояться себя. И поэтому они не могли запереть его.

- Значит, ты что — то сделала, - продолжала Лаура. - Ты любил его, и это не мало. Может быть, это единственное, что имеет значение. Ты любил его, и ты сделал его сильным.”

Возможно, подумала Карен. Но…

Но теперь он засыпал, оставляя за собой сарай, свежий воздух и силуэт балки со старым шкивом для сена, который стоял перед звездным небом. Она накрыла плечи одолженным шерстяным одеялом и позволила своим мыслям блуждать.

Хотелось бы верить, подумал он, что сказала Лора. Это была прекрасная идея, идея мира как растущего места или, по крайней мере, с возможностью постоянного улучшения. Но так же вероятно, что существовал какой-то естественный закон, сохраняющий страдания. Боль не исчезает, а превращается в другой тип боли.

Если она спасла Майкла от страха, возможно, он сделал это, наняв ее целиком. Конечно, сейчас он боялся. И это был не только самый очевидный страх, но и круг страхов: страхов матери из-за того, что ее сын находится в опасности, и других, которые выходили за рамки, в том числе последнего и неизбежного, а именно, что Майкл теперь обошел ее, что она потеряла его, что теперь он был практически взрослым, отдельным существом, и что их последние узы крови и привязанности были разорваны всем этим насилием. Что она больше ничего не могла сделать, чтобы помочь ему.

Но тот факт, что он больше не заботится… разве это не было бы худшим из всех?

Но в этом любопытном месте, в Америке Майкла, они нашли момент покоя, и она наконец позволила себе уснуть, убаюканная

шумом ветра и шелестом перьев совы, которая устроила гнездо среди стропил крыши.

Майкл проснулся утром, прижавшись щекой к соломе и слабым солнечным лучом, просачивающимся из щелей в стенах, и на мгновение его единственной мыслью было, что он находится там, в том мире, который он начал представлять в старом таунхаусе Полгер-Вэлли. Безопасное место. И это чувство безопасности было настолько приятным, что она завернулась в него, как в одеяло, и чуть не заснула.

И тут он вспомнил.

Он вспомнил Ходока; он вспомнил жесткие каменные тюрьмы Новус ОРДО.

Он встал и задумался. Как нам сбежать? Куда мы убежим?

Остались только вопросы.

Он не сомневался, что они будут преследовать их, если они уже не будут преследовать их, и что их льготный период ограничится максимум несколькими днями. - Они убьют вас, - сказал Тим, и Майкл полностью поверил в это.

Но он не хотел уходить раньше, чем это было необходимо. Это был всего лишь небольшой сельский район того мира, который он представлял себе в долине Полгер, но он был истинным, осязаемым, обширным, сложным и бесконечно знакомым. Он чувствовал себя как дома.

“Дом” стал довольно изношенным словом, и Майкл не хотел использовать его даже в своих самых сокровенных мыслях, и все же это слово всегда возвращалось ему в голову. Дом, место для жизни; место, где можно построить себе будущее.

Возможно.

Возможно.

Может быть, рано или поздно. Может быть, даже скоро…

Но он подобрал свою бейсбольную кепку и запасную футболку и двинулся к шоссе, за которым следовали Карен и Лора, в прохладное утро, когда ледяной иней падал с виноградников касабы, окутанных старыми каменными стенами. Он не думал ни

о чем, кроме теплого дня и поездки в северные рыночные города. его разум был пуст, но безмятежен в ясном солнечном свете, когда внезапно волна электричества наполнила воздух, и перед ним пространство размером с человека, казалось, потемнело и приобрело форму.

Серый человек; ходок, неизбежный, как время, и реальный, как камни, стоял и смотрел на них, с каким-то более старым и сердитым выражением лица и большими, детскими глазами, когда он протягивал руки, чтобы схватить Майкла.

31

Итак, он побежал.

Он взял мать и тетю за руки, и они вместе исчезли, мчась по тайным коридорам пленума с максимальной скоростью, которую он мог себе позволить.

Белый свет, мерцающая тьма, и это непрекращающееся движение … все, что могла сделать Карен, - это следовать.

Она почувствовала, как Майкл шагнул к ней, а Лора шагнула назад, как звенья цепи, а Серый человек за их спиной, как мрачное предчувствие, тень облаков, нагруженных дождем.

Он не мог рассчитать расстояние, которое они прошли. Для такого расстояния не было параметров. Мир, эти миры превратились в пар, смешанный пейзаж, слишком рассеянный, чтобы глаз мог его понять. Она чувствовала себя дезориентированной, оторванной, потерянной в неопределенной середине, тумане локализации. Он чувствовал, что тянется до предела.

Она закрыла глаза и вцепилась во все силы, которые у нее были.

Но он был потрясен. Это было не только усилие Майкла, но и его и Лоры. И это было особенно утомительно, потому что это был талант, которым она не пользовалась с детства; без помощи Майкла она не смогла бы использовать его ни за что. Она чувствовала усталость, выходящую за рамки физической усталости, как истощение возможностей … она тянула ее вниз, как якорь.

Это было похоже на то время в универмаге, подумала она, когда она догнала коляску Майкла. Это был тот самый ныряющий в неизвестность, недолго думая, вниз по коридорам и за углами, которые он никогда не осмеливался себе представить, прорываясь сквозь запретные двери. Но на этот раз именно Майкл бежал, с его умением или интуицией. Время от времени они останавливались достаточно, чтобы взглянуть на пейзаж какого-то реального или абсурдного места; роща деревьев или многолюдная улица; и она думала: она найдет место… место, где Серый человек не последует за нами…

Но Серый человек стоял за их спиной и не сдавался. Он чувствовал это, и Карен становилась все более уставшей с каждой минутой. Хуже того, он начал подозревать (и это была пугающая идея), что они каким-то образом вели их туда, куда они хотели; что побег Майкла теперь был отчаянным, что эти все более темные и едва видимые миры не были полностью выбраны им.

Это слишком много для парня, подумала она.

Сжав его руку, как будто это была единственная настоящая вещь среди этого хаоса, он подумал: о, Майкл, мне жаль…

Усталость мешала ей, и расстояние было слишком большим, чтобы она могла выдержать.

Она в отчаянии подняла голову и увидела холодную Луну, плывущую в черном небе, в мирах и мирах вдали от дома.

А потом споткнулся.

Упало. Это было прозаично. На первых порах она была так же смущена, как и напугана. Ее рука скользнула от руки Майкла, и она почувствовала себя отрезанной, внезапно одинокой. Но тогда Майкл был с ней и велел ей встать. Лора приподняла ее.

Я знаю это место! - подумала Карен.

Она скользнула по мощеному переулку. Это была темная, зимняя ночь, со старой серой Луной на черном, мрачном небе. За входом в переулок он увидел дома в стиле Тюдоров со льдом, стекающим с желобов. С моря доносился жестокий ветер.

Здесь всегда холодно, сказал Тим.

Это было одно из ее мест, промышленный город у моря, и она уже была там… один раз в детстве, и много раз в ее мечтах.

Он мог принадлежать к новусу ОРДО, как к подобному миру, и все. Но именно там он впервые встретил серого человека, и он чувствовал, что там его силы должны быть значительными. Именно там ходок начал формулировать те сложные заклинания, которые почти захватили их, если бы не Майкл.

В результате это было опасное место.

Майкл дернул ее за руку. - Скоро, - сказал он ей. Но она не могла

этого сделать. Падение отняло у нее последние силы. Она в отчаянии посмотрела на сына и поняла, что не нужно давать объяснений; он уже слышал, как он прикасается к ней. Его глаза расширились, а затем сузились.

- Идите без меня, - успел сказать он.

Лора обняла ее за плечи. - Я тоже останусь здесь. Майкл, давай ты. Может быть, вам удастся отвлечь его внимание…

- Беги, - сказала Карен. - Не важно, беги.

Но было уже слишком поздно, потому что Серый человек был там с ними. Они могли разглядеть его силуэт у входа в переулок, когда морской ветер давил за его спиной.

В течение долгого времени никто не двигался.

- Иди, - прошипела Карен. У нее кружилась голова. Их бессилие, молчание Майкла. Это было все равно, что смотреть на него, когда он стоял перед поездом, мчась с потерянным взглядом в пустоту. И она ничего не могла сделать… ничего, чтобы спасти его. — Иди, Майкл, — сказала она снова, но это было бесполезно, потому что Серый человек уже протягивал руки, и она могла видеть глупый, неумолимый расчет в ее глазах, и ее рука, когда она приблизилась, казалось, светилась темным электричеством, странными ультрафиолетовыми вспышками.

Майкл сохранил свою позицию.

Он хотел бежать. Нет, это было не точно. Это была не простая воля бежать. Это был такой глубокий импульс, что он преодолел страх, это была непреодолимая потребность бежать… и все же, даже не думая об этом, он уже знал, что если он попытается, его ноги не ответят ему, а его мышцы будут сжиматься и напрягаться.

Он посмотрел на серого человека и почувствовал все более резкий ужас, похожий на очень высокую ноту, неслышимую человеческим ухом, которая излучалась по всему его телу.

Однако он сохранил свою позицию.

Потому что ее мать была там, а Лаура была там… и потому, что бежать было некуда. Он исчерпал возможности. Какая-то запутанная заключительная связывающая магия привела его в это место, и именно там должна была начаться битва… если о битве

можно было говорить.

Майкл, несмотря на вихрь своего страха, зафиксировал абсолютную уверенность в глазах Ходока. Ему пришла в голову маленькая девочка на пляже, брошенная в хаос, как тряпка.

Но когда ходок сделал еще один шаг к нему, он подумал: но я не тот ребенок… я гораздо сильнее.

Разве он не доказал это раньше? Разве ему не удалось избежать заточенной магии Новуса ОРДО?

Но это было совсем другое дело. Серый человек был убийцей, разрушителем; разрушение было частью его природы. Майкл не обладал этой способностью.

Ходок сделал еще один шаг вперед, как страшный и Смертельный двигатель. Это было похоже на живую картину; Карен изо всех сил пыталась встать, Лаура прижалась спиной к холодной кирпичной стене переулка. Желтые огни мигали и шипели; Луна была яркой и совершенно неподвижной.

Майкл вспомнил, что он сказал в тот раз Уиллису: я мог бы заставить тебя провалиться сквозь пол… я мог бы сделать это по-настоящему. Но мог ли он на самом деле? Мог ли он сделать это с серым человеком? Нет … наверное, нет … но он решил попробовать и вызвал легкое покалывание этой силы, думая, что он должен это сделать.

Это была попытка, и ничего не произошло. Серый человек улыбнулся.

Последнее волшебство, подумал ходок. Последний трюк.

Был один, которому его научили колдуны, трюк, который ему никогда не нужно было использовать. И, наверное, он не нуждался в этом и сейчас. Просто, с какой-то точки зрения, этот парень обладал неизвестным количеством власти, и это могло быть средством неожиданных сил. Итак, магия.

Ходок улыбнулся и поправил лицо.

Больше, чем реальное физическое изменение, это был вопрос внушения, магического ограничения. Изменение было тонким, но резким, и он зафиксировал эффект в глазах Майкла: изумление и внезапный ужас.

С новым лицом Серый человек подошел еще ближе. Его улыбка была широкой и подлинной. Он чувствовал себя в шаге от полноты. Вскоре он вернет то, что потерял. Скоро он будет целым.

Она посмотрела на Майкла и почувствовала что-то похожее на любовь.

— Я пришел за тобой, - сказал он.

Майкл стал свидетелем трансформации, не понимая ее. Все его схемы были перегружены, и он мог только записать ту фигуру, которая была серым человеком… но теперь это был его отец, Гэвин Уайт, единственный отец Майкла, который протягивал руки и повторял эти слова; “я пришел за тобой”.

Я пришел за тобой.

Да, пожалуйста, Отвези меня домой.

Папа, я устал.

Но это был не папа.

Это был призрак, монстр. Это был серый человек.

Серый человек протянул руку, и Майкл почувствовал, как маска соскользнула, и увидел лицо Ходока, как старая краска под отколотой патиной этого изображения. Он поднял руку, чтобы защитить себя или, по крайней мере, оттолкнуть его, но шок преображения был глубоким, и сила ускользнула. Он чувствовал себя пустым, как чаша.

Ходок подошел, чтобы обнять его, и Кубок наполнился страхом.

Карен, наблюдавшая за сценой, подумала: у тебя ее не будет.

Только это, просто мысль, только что сформулированная. Но это прозвучало в его голове. Теперь он видел все в замедленном темпе, как жуткий балет; Лора присела на бок с выражением отчаянного ужаса, Майкл ошеломлен и неподвижен, Серый человек, приближающийся на сантиметры и миллиметры, с медленной траекторией, как что-то смертное, падающее с неба. И Карен, одинокая в бесплодном свете уличного фонаря, подумала. Ты-старшая. Ты несешь ответственность.

В этом папа был прав. В этом он был абсолютно прав. Это был ее долг; это была ее роль. Это была задача, которую она взяла на себя в переполненном универмаге в то Рождество тысячу лет назад. И это была ее слабость; это была причина, по которой они соблазнили ее. Она подумала о бэби, кукле, которую подарил ей этот убийца. Первенец. Это была слабость, которую они использовали, чтобы заманить ее в ловушку, показывая ей неуловимые изображения Майкла в темных укрепленных коридорах Новус ОРДО. Но, возможно, это была не просто слабость.

Возможно, это была даже какая-то сила.

Он посмотрел на серого человека. Она приблизилась к Майклу, и Майкл поднял руку, но что-то произошло между ними двумя, потому что Майкл резко прищурился, ошеломленный. Она не могла видеть маску, которую приняла ходок; это была частная и особенная магия. Но он почувствовал перемену в Майкле, его внезапное ослабление. Она увидела его в широкой, нагруженной жаждой улыбке Ходока.

У тебя его не будет, подумал он снова.

Возможно, она даже сказала это вслух, потому что ходок немного повернулся к ней, и ее продвижение замедлилось. Она всегда приближалась к Майклу, но теперь смотрела на Карен.

И в его глазах был странный взгляд, подумала Карен; не тот холодный, убийственный взгляд, которого она ожидала, А что-то спонтанное, более древнее и более глубокое. Смесь любопытства и удивления, словно оценивая ее: что ты предлагаешь мне?

Как будто она принесла ему подарок.

Майкл покачал головой, словно сломал короткое заклинание. Не раздумывая, Карен сделала два быстрых шага вперед и протянула руки, чтобы обнять ходока; по крайней мере, это замедлило бы его.

Ты не веришь, что я могу это сделать. О, но я могу.

Это был слишком уверенный и быстрый жест, чтобы сопровождать его словами. Просто он сделал, чтобы поймать Ходока, как он делал с Майклом… он сделал, чтобы поймать его, и схватил его так, как он не мог определить.

Но это было также настоящее, физическое объятие. Он чувствовал ее запах, который был таким же холодным, как этот переулок. Это был запах переулка, пустой и темный, напоминающий масляные пятна, заплесневелые стены и заброшенные здания в глубине зимней ночи. У Карен возникло внезапное, любопытное ощущение, что она сжимает пустую оболочку, которая, если она крепко сжать, рассыпалась бы в ее руках.

Она увидела, что Майкл отступает, пока не коснется стены спиной. Он покачал головой, растерянно.

И Карен почувствовала, что Серый человек дрожит, призывая к себе всю свою энергию и возвращаясь к ней.

Карен закрыла глаза.

Он вдруг осознал то, что Майкл назвал уголками и воротами мира … веером возможностей, которые были и не были одновременно, и в которые можно было двигаться. И вы также чувствуете миры хаоса,не сотворенные миры и мертвые.

Ходок, в свою очередь, обнял ее. Теперь это было настоящее объятие. Обнять.

Она услышала вдали голос Майкла.

- Мама? — сказало.

В этот момент она поняла, что он хочет сделать с ней, и что она должна сделать с ним вместо этого.

Он уходил, пока только их руки не коснулись друг друга, и между ними струилась теплая волна электричества. Ходок улыбнулся. Она почувствовала молниеносную силу его презрения.

И подумал: я тоже знаю эти места.

— У тебя ее не будет, — сказал он.

На мгновение ходок колебался.

Она смотрела на него глубоко в его пустых серых глазах.

Легкий толчок, подумал он, и это отверстие … дыра в мире, точно за ним, и пенится и шипит полный хаос. Он чувствовал исходящий от него мороз, еще холоднее, чем в переулке.

Она со всей силы устремилась вперед, на него. Он упал назад … и изображение было ярким и выгравированным, как во сне; Сон, в котором Серый человек, ходок, его больной дядя, выпал из времени. И последнее выражение его лица … не от страха или изумления, а от чего-то, что Карен в тот момент воспринимала как… благодарность?как будто он что-то ему подарил или вернул что-то очень ценное, что у него украли.

Она моргнула и ахнула, падая за ним.

О, Этот холод! Хаос и сумасшедшая энтропия и это случайное мертвое ничто… это была дыра, которую она открыла для серого человека, и она не могла не упасть в нее тоже…

Но вдруг она почувствовала, как руки тянут ее назад, теплые руки … и дверь захлопнулась … и не было ничего, кроме того переулка, в ту зимнюю ночь, с этой пепельной Луной, и Майкла и Лоры, плачущих вместе с ней.

32

Кардинал Палестрина сел на испанский корабль Estrella Vespertina в поздний день зимнего дня. Корабль направлялся в Геную с грузом джута и хлопка-сырца и несколькими торговцами-путешественниками. Небо было холодным и пасмурным, но он стоял на кормовой палубе огромного железного корабля и наблюдал, как порт Филадельфии удаляется, гадая, какие последствия могут иметь события, свидетелем которых он стал.

Для него ничего негативного. Он сделал свою работу лучше, чем мог, хотя в конечном итоге события вышли за его рамки. Он доказал свою верность курии, и теперь, возможно, они позволят ему вернуться к учебе. Допускаю, подумала Палестрина, что война дает нам определенную роскошь.

Ах, война. Но в то время новости были не такими уж плохими. Персидский флот был отброшен на Балеарские острова, а турецкий плацдарм был изолирован на Сардинии. И к тому времени европейская авиация была в состоянии противостоять атакам.

Так что, возможно, потеря секретного оружия Неймана была не такой трагичной, как казалось. Шаткий союз между Римом и Новус ОРДО, конечно, не был усилен этой неудачей… но в любом случае это был бы временный союз, осужденный уже с самого начала за его внутренние противоречия. Кардинал сильно сомневался, что судьба Европы теперь решена.

Что касается того, что было потеряно… это могло быть в лучшем случае догадкой.

Прежде чем Новый мир исчез из поля зрения, спустилась первая тьма. Затем к Палестрине подошел комиссар Совета и на нарезанном английском пригласил его пойти под одеяло. - Будет все холоднее, Ваше Преосвященство!

Но Палестрина покачала головой. - Я скоро пойду вниз. Не волнуйтесь. Я не позволю себе умереть здесь. Я понимаю, что это было бы довольно неуместно в качестве жеста.

Комиссар Совета нервно улыбнулся и отошел.

Были огни корабля и далекие огни материка, континента,

напоминавшего отдельный мир. Как и в других мирах Неймана, подумала Палестрина; огни, мерцающие за невообразимым заливом… и эта мысль опечалила его, наполнив непроизвольной меланхолией. Он позволил себе представить, что вытекает из проекта Пленума, если бы он не был направлен исключительно на создание оружия; какие чудеса и ужасы они могли бы найти в этой бесконечности. И он все еще думал о мире, о котором мечтал, о мире, где человек никогда не падал в немилость, где было жарко, где рос сад, где была невинность, а не такие люди, как Нейман, не змеи с его сладким ядовитым плодом, и где не было смерти. Мы могли бы найти его, подумала Палестрина, прикоснуться к нему, двинуться внутрь … да поможет нам Бог, если только на мгновение…

Но Estrella Vespertina неустрашимо продолжала свой восточный стих, и вскоре прибрежные огни исчезли за горизонтом. Кардинал Палестрина закрыл глаза и спустился под палубу, где сидели торговцы мешковиной, пили рецину и играли в карты на деревянном столе. Когда он вошел, они подняли глаза и уставились на него недовольно, как будто его трезвость портила их жизнерадостность, как будто напоминала им о старых грехах.

33

- Что бы ты сделал, если бы я сказал, что ухожу? - сказала Лора.

Эммет, который почти уснул, оперся на локоть и моргнул. За его спиной яркость Луны просачивалась сквозь пелену бамбуковых Тростников; океан вздыхал и пенился.

Он накрыл ее плечи простыней, чтобы защитить ее от ночи. - Напомню, что ты только что вернулась.

Лаура взывала к его храбрости. - Я имею в виду, если уйду навсегда.

Эммет долго смотрел на нее, потом пожал плечами.

Было приятно снова встретиться, они занимались любовью наилучшим образом, и она вспомнила, как сильно он скучал по этому мужчине. Но это были важные вопросы, вопросы, которые она никогда не позволяла себе задавать; как будто они подписали контракт; мы никогда не будем говорить об этих вещах.

В темноте его глаза были очень большими.

- А если я попрошу тебя пойти со мной? - снова сказал он.

- Я бы спросил, Где.

- Нигде ты не знаешь. В странном месте. Но не плохое место. Думаю, у тебя все будет хорошо.

— Какая загадочная вещь, - сказал Эммет.

— Но я серьезно, - настаивала Лора.

Эммет задумался. - Похоже, да.

- Трудно объяснить.

— Колдовство, - сказал Эммет.

- Что-то вроде этого.

- Правда?

— Действительно.

- Я должен полностью тебе доверять.

- Да; это слишком сложно объяснить.

- Не знаю.

— Ну, я тебя понимаю, - сказала Лора. - Это тяжело.

- Мне нужно время, чтобы подумать об этом.

Лора закрыла глаза. - Я уезжаю завтра.

- Ты серьезно?

— Всерьез.

- Нелегко ответить на подобный вопрос.

- Я знаю.

- Что бы вы сказали, если бы я спросил вас о таком?

Но она уже долго думала об этом. - Я бы сказал, Да.

Эммет выглядел удивленным. — У меня тут дела, - сказал он.

- Я знаю.

- Это не то, что вы делаете так беззаботно; взять и уйти так.

- Понимаю, - согласилась Лора.

- Эй, ты прекрасно знаешь, ЧТО ЭТО ТАКОЕ.

— Уже. Думаю.

Она повернулась в другую сторону.

На следующий день утром он помог ей с двумя большими чемоданами, в которых хранились все вещи в мире, которые она хотела сохранить, и отнес их с лестницы к машине-маленькому Дюранту, припаркованному на гравии. Был прохладный день, и воздух был наполнен солью и йодом. Эммет молчал, и Лора решила не настаивать. Хотя бы потому, что он не знал, что сказать.

Он открыл багажник, и Эммет сунул туда свои чемоданы. Затем она снова закрыла его, заставив его захлопнуться.

Лора открыла дверцу и скользнула за руль. Эммет закрыл за ней дверь. Она опустила окно и посмотрела на него. — Плохой день для путешествий, - сказал Эммет. - Похоже, будет дождь.

- Может быть, там, где я иду, не идет дождь.

- Солнечное место?

— Думаю, да, - сказала она, чувствуя грусть, но не желая, чтобы он это заметил. - Это определенно возможно.

— Ну, - сказал Эммет, - какого черта. Я тоже не схожу с ума от дождя.

Лаура подняла взгляд. Эммет улыбался. - Там есть место для пары гитар?

Карен позвонила в Торонто из гостиничного номера в Санта-Монике.

- Голос Гэвина удивил ее. Она была усталой и неуверенной. Может быть, старше. Возможно, в квартире на берегу озера дела шли не к лучшему.

— Думаю, это преувеличение-надеяться, что ты вернулась в себя, - сказал Гэвин.

- Не то, что ты имеешь в виду… нет.

- Карен, если ты вернешься домой, это будет намного лучше для дела об опеке. Убегая, ты просто причиняешь себе боль.

— Это уже не будет проблемой, - сказал он.

- Господи, - сказал Гэвин — - как бы я хотел тебя понять.

- Не думаю, что это уже возможно.

- Тогда зачем ты позвонил мне? Чтобы мне стало плохо?

Ей стало больно. Телеграфный, но кислый. Это был вкус вещей, какими они были. - Может быть, просто чтобы услышать твой голос. Может, попрощаться.

- Не будь уверена, что я больше не слышу. Я вполне могу нанять частных детективов. Возможно, я уже это сделал.

- Не думаю, что это имеет значение.

- Майкл с тобой?

— Да.

- Ты берешь на себя ответственность … ты разрушаешь его будущее.

Но в это он уже не верил. Гэвин потерял способность запугивать. Было что-то знакомое в том, как она говорила, что-то в ее голосе, которое она, казалось, узнала… и она внезапно поняла, что это был папа; что это был голос Уиллиса ФОВ, эхом отозвавшийся в Гэвине. Но она была поддельной, неэффективной…. теперь она оставила все эти слухи позади.

- Ты веришь в колесо? — церковь.

- Я думаю… что?

— Все меняется, - сказал он — - но становится ли лучше? Есть ли такая возможность? Может ли колесо катиться в гору?

— Ты сумасшедшая, - сказал Гэвин.

- Ну, может быть.

- Я могу подать на тебя в суд, ты это знаешь? Вы попадаете в море неприятностей. Тебя…

Но это была история.

Она подняла взгляд и увидела Майкла, наблюдающего за ней.

Майкл знал, что его отец разговаривает по телефону.

Карен посмотрела на него, мгновение колебалась, затем предложила ему трубку. - Хочешь с ним поговорить?

Майкл задумался.

Дом, сказал он себе.

Квартира на берегу озера.

Два разных места.

Майкл покачал головой. — Скажи…

- Что?

- Скажи ему, что я благодарю его, но я в порядке. Скажи ему, что я присматриваю за собой. Скажи ему … - долгая пауза, потом Майкл улыбнулся. - Скажи ему, что, может быть, когда-нибудь я найду его.

Карен торжественно кивнула. - Что-нибудь еще?

- Поздоровайся с ним.

34

Маленький Дюрант ездил на бензине, который не был очень распространенным топливом в тех местах, но они продолжали движение до тех пор, пока не смогли пройти по шоссе, обозначенному как Камино-дель-Мар, а когда танк высох, они продали машину металлолому за горстку денег Содружества, достаточно, чтобы на некоторое время поплавать. Город по улице, сказал слом, был Сьюдад-Сан-Франциско, и там была работа… вы могли бы обойтись с английским, если бы вы не знали науатль или испанский. Майкл сказал, что это неплохая идея, но в конце концов они, вероятно, направятся на восток.

— Каждому свое, — сказал слесарь, открывая капот Дюранта и с терпеливым недоумением разглядывая двигатель. - Лично я ненавижу снег.

Майкл и Эммет играли смешные, неуклюжие гитарные дуэты на последних сиденьях автобуса, идущего на север. Карен немного прислушалась к музыке, а затем к грохоту шин на асфальте.

Было уже почти темно, и последние вспышки света рассеивались на этой ветреной дороге, на этом защищенном берегу. Высокие ели, тени гор, и небо широкое и чистое, как звон колокола. Не только это место, но и все остальное. Вы пытаетесь вести достойную жизнь и, возможно, немного улучшить мир. И тогда вы узнаете, насколько сильны злые вещи, и насколько вы слабы в сравнении. И тогда вы верите, что обречены идти по тому же пути, совершать те же ошибки, что и все за последние сто тысяч лет… и вы живете этим, признаете вы это или нет, но вы живете с этим поражением внутри себя, как черное ядро несчастья.

Но, может быть (и здесь все еще возвращалась эта новая мысль), может быть, это было неправдой. Если бы это было правдой, ее бы там не было. Возможно, колесо может катиться в гору.

Воздух был свежим по горной дороге над океаном. Он втиснулся в свой свитер. Лора спала, автобус молчал. Карен подумала о своих настоящих родителях, которые погибли от рук Ходока. Они сбежали из узких камер Новус ОРДО и нашли страну под названием Берли; Лаура обнаружила бирюзовый пляж… и Майкл нашел это место, этот сияющий, удобный пограничный мир. Дверь, подумал он, была открыта надеждой в страхе, воображением в неудаче. И, возможно, это была единственная

действительно важная дверь.

Дорога свернула вправо, с легким вздохом автобуса, и Карен посмотрела на океан, который по-прежнему назывался тихим, и закрыла глаза. Он спал, наконец, не мечтая, а автобус мчался к рассвету среди складок ночи.